ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

МЕМУАРЫ

Петер Нойман

ЧЕРНЫЙ МАРШ

ВОСПОМИНАНИЯ ОФИЦЕРА СС

1938–1945

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Шокирующий рассказ Петера Ноймана, бывшего офицера СС, – типичный образец истории о том, как молодой человек из скромной немецкой семьи, оболваненный гитлеровской пропагандой, становится убежденным нацистом. С оружием в руках новоиспеченный офицер СС уверенно зашагал по чужой земле с целью восстановить «справедливость» в отношении великого немецкого народа! С чудовищной откровенностью он описывает, как войска СС грабили население, проводили карательные операции, допросы и казни партизан, убийства мирных жителей. Уверенный в своей правоте, Нойман возмущается решимостью «проклятых» русских отвоевать свою землю и их нежеланием служить рейху. А когда Германия проиграла войну, Петер Нойман, так и не осознав преступности своего пути, сожалеет только об одном – что его не убили.

- Петер Нойман
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
  - Часть вторая
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
  - Часть третья
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
  - Часть четвертая
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
  - Приложение
- notes
  - 1

○ 2

Петер Нойман
Черный марш. Воспоминания офицера СС. 1938–1945

Часть первая
РАССВЕТ

Глава 1
Я ПРИСЯГАЮ…

Был чудный день, который я никогда не забуду.

Шесть сотен парней 27-го гитлеровского молодежного отряда города Виттенберге собрались в Хафельском лесу и выстроились в каре.

Отделения Клауса Ранке и Георга Бетевски построились по обеим сторонам просеки. Местная группа Людвига Зомстера, которой предстояло принять присягу, расположилась на ее дальнем конце, откуда начиналась лесная дорога.

Повсюду слышался глухой гул ожидания и нетерпения. Здесь собрались посланцы со всего Бранденбурга. Кажется, даже из Берлина, хотя он находился более чем в сотне километров от Виттенберге.

В сотне метров перед нами стоит высокая трибуна, ощетинившаяся микрофонами и региональными флагами гитлерюгенда. К земле величественно свешивается огромный флаг с черной свастикой в белом круге на красном фоне, покрывая всю переднюю часть подиума.

Мы ждем Шира (прозвище Бальдура фон Шираха, рейхсминистра и главы гитлерюгенда) с начала полудня. Он прибывает из Берлина специально для того, чтобы выступить перед нами. Никто не сомневается, что существует прямая связь между появлением представителя фюрера в Хафельском лесу и маршем на Вену, неизбежность которого предрекают все прусские и бранденбургские газеты.

Австрийский канцлер Курт фон Шушниг давно уже вознамерился определить при помощи плебисцита настроения австрийцев в пользу или против Германии. Но позавчера, 11 марта 1938 года, венское правительство получило ультиматум с требованием немедленно отменить этот фарс.

Пока никто не знает, каким будет ответ Шушнига.

Внезапно раздается рев толпы.

Вслед за эскортом мотоциклистов в черных защитных шлемах в конце просеки появляется везущий Шира серый «Опель-капитан» с золотистым флажком. Рейхсминистр, стоя в пассажирском отсеке машины с вытяжным верхом, улыбается и помахивает рукой. Другой рукой он держится за стеклянную перегородку. Шир выглядит удивительно молодым и лучезарным.

Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви высоких сосен, играют некоторое время на полированной поверхности

автомобиля, который замедляет ход и останавливается рядом с трибуной.

Фон Ширах проворно выходит из «Опеля», проходит несколько метров, быстро взбирается по деревянным ступенькам, поправляет один из микрофонов и поворачивается к нам лицом.

– Хайль Гитлер! Друзья, у меня для вас важные новости. Отныне Третий рейх приобретает семь новых провинций.

Буря аплодисментов встречает слова Шира, который заставляет ее умолкнуть взмахом руки.

– Вчера, 12 марта, Форарльберг, Тироль, Зальцбург и восточные территории вернулись в лоно великой Германской конфедерации! Зейс-Инкварт, рейхсминистр, занял место бывшего австрийского канцлера.

Сомкнутые ряды толпы вновь разражаются продолжительной овацией.

– Друзья, – продолжает Шир, вновь выставляя обе руки для сдерживания аплодисментов, – не будем забывать, что эта победа выбивает первое звено цепи – цепи, выкованной диктатом Версальского договора и призванной поработить нас!

Буря ликования приветствует эти слова.

Энтузиазм толпы бьет через край. Я чувствую необыкновенное возбуждение. Речь Шира туманит голову. Пальцы непроизвольно сжимают новый кинжал, только что выданный мне. Они лихорадочно ощупывают надпись готическим шрифтом, выгравированную на рукоятке: Treue bis auf dem Tod («Преданный до смерти»). Лезвие острое как бритва, но в данный момент я мог бы без колебаний обхватить его ладонью. Тогда бы первая капля крови, обагрившая чистую сталь, была бы моей собственной кровью.

Бальдур фон Ширах продолжает говорить. В адресованной нам продолжительной речи он затрагивает расовую проблему, и прежде всего в вопросах, касающихся немцев.

– Все вы, – говорит он, – представляете Германию на марше, являетесь символом нашего будущего, прочным фундаментом, на котором будет покоиться судьба Третьего рейха Великой Германии. В основе тотальной реорганизации нации лежат глубоко укоренившиеся и мощные мотивы. Вспомните, что Земля находится в состоянии вечной эволюции. На наших глазах происходят биологические и психологические метаморфозы в человеке. Они прямо влияют на еще не родившиеся поколения.

Шир делает паузу. Когда возобновляет речь, то чеканит каждое слово.

– Мы, немцы, не готовы подвергаться таким мутациям, подобно низшим животным, подобно бессловесному скоту.

Наоборот, мы должны контролировать и определять такие перемены. Должны способствовать им. Мы должны достичь статуса самого совершенного человеческого существа – сверхчеловека! – опередив другие народы и расы, находящиеся в состоянии упадка или даже полной деградации.

Рейхсминистр медленно формулирует каждую фразу, в то время как лес погрузился в глубокую тишину.

– Достижение этой цели, – заключает он, – достижение победы, полной победы, которая вознаградит нас за жертвы, является императивом, противиться которому на нашем пути нельзя позволить никому и ничему. Одна из наших первоочередных целей состоит в достижении всеми силами ментальной и физической чистоты германского народа. Вы, молодежь, – будущая элита нашей расы. Важно, чтобы вы берегли ваши тела, вашу кровь, ваши мышцы, а ваши умы должны особенно тщательно избегать порочащих контактов! Так чтобы однажды вы смогли предложить себя своему Отечеству чистыми и незапятнанными. Задача наших воспитателей заключается в том, чтобы сделать вас правителями завтрашней Европы. Вы должны сохранять в сердце верность миссии, которую доверяет вам наш фюрер, – беспрекословно соблюдать дисциплину и выполнять приказы, какими бы они ни были. Хайль Гитлер!

Последовал громоподобный взрыв горячего энтузиазма, оглушающий и непрерывный.

Шир улыбается, помахивает рукой, затем поворачивается к группе официальных лиц, стоящих позади него. Словно повинуясь какому-то импульсу, он неожиданно сбегает по ступенькам с трибуны.

Хотя это не предусмотрено программой мероприятия, он направляется в нашу сторону и начинает инспектировать нас. Во время прохода между рядами у него для каждого находится ободряющее слово. Он расспрашивает гефольгшафтфюрера[1] о его спортивных успехах или дружески треплет щеку какого-нибудь парнишки, который становится от смущения пунцово-красным. Мы преисполнены гордости и счастья.

Час спустя начинается церемония посвящения новичков в члены гитлерюгенда.

По резкому свистку шесть шарфюреров (Scharfürer) местной группы Зомстера выступают вперед и образуют полукруг у подножия трибуны.

Затем от фланговых формирований отделяются по шесть знаменосцев и движутся в направлении парней из группы Зомстера. Когда они становятся лицом к лицу, резкая команда приводит их в стойку «смирно».

Берлми, дирижер оркестра, подает знак.

Волнующая, величественная и раскатистая мелодия песни о Хорсте Весселе сопровождает медленное склонение знамен.

Посерьезневший Шир, глядя прямо перед собой, произносит соответственные слова клятвы.

Все шарфюреры, положив указательный и средний пальцы на древка знамен, повторяют за ним:

– Клянетесь ли вы в том, что, подобно своим предкам, рыцарям священной Германской империи, будете всегда помогать другим немцам, которые являются вашими братьями? Будете ли вы бесстрашно защищать женщин и детей? Готовы ли помогать другим в беде? Готовы ли целиком посвятить себя идеям немецкого дела?

– Клянемся!

Рев голосов заполняет просеку, несется ввысь среди темных сосен, заглушая птичий щебет и жужжание насекомых. Клятва хранить верность четыре года несется эхом от дерева к дереву, от долины к долине, постепенно затихая на берегах текущей вдали реки Хафель.

– Клянетесь ли вы в любых условиях и даже при угрозе смерти сохранять верность клятве, которую дали своим руководителям, стране и фюреру – канцлеру Адольфу Гитлеру?

– Клянемся!

Берлми снова поворачивается к оркестру.

Начинают играть трубы, саксофоны и флейты, бить барабаны. Они исполняют волнующую песню Deutsch mein Bruder («Немец мой брат»), за которой следует мощная, торжественная мелодия Deutschland über alles («Германия превыше всего»).

Длинная трель свистка, и все закончено…

Шир снова салютует, подняв правую руку в приветствии. Он быстро спускается по ступенькам с трибуны и садится в «Опель-капитан». Почти одновременно машина трогается с места.

Толпа уже рассеялась. Она необычно молчалива.

Некоторое время мы не можем говорить, стараясь сохранить в памяти все, что происходило, подобно фотоизображению в объективе.

Лишь когда Ранке начинает орать как сумасшедший, мы покидаем ряды.

Мне кажется в этот момент, что Ранке совершил святотатство, что он разбил прекрасную и вечную мечту, мечту, которая вознесла нас под мелодии труб и звон литавр к вершинам славных подвигов, совершенных отцами и дедами на Марне (в 1914 и 1918 гг. – *Ред.*) и под Седаном. (В 1870 г., где капитулировала французская Шалонская армия Мак-Магона

вместе с императором Наполеоном III. – *Ред.*) Мечту, которая позволила нам увидеть собственными глазами героическую атаку «уланов смерти», несущихся на врага с пиками наперевес.

Стиснув зубы и сжав пальцами кинжал, я повторяю слова надписи, выгравированной на рукоятке:

– Treue bis auf dem Tod (Преданный до смерти).

Именно это первое значительное событие в моей взрослой жизни подсказывает мне мысль о ведении дневника.

Вначале я хотел написать в форзаце тетради прекрасным готическим шрифтом «Журнал записей молодого немца о своей эпохе». Поразмыслив, решил, что это слишком претенциозно. Поэтому отказался от какого-либо заголовка.

Большинство курсантов школы Шиллера вели подробные записи всех своих мыслей и поступков. До сих пор я считал это смехотворным занятием или, в лучшем случае, пустой тратой времени.

Но затем изменил свое мнение.

Возвратившись воскресным вечером домой из Хафельского леса, я рассказал отцу о своем намерении. Отец рассмеялся и явно счел меня глупым юнцом. Он ничего не понял и в своем возрасте вряд ли был способен повысить свои интеллектуальные способности…

Отец всегда был чем-то недоволен, сварлив и озлоблен. Возможно, потому, что с возрастом понял: в основном его жизнь не удалась.

Мой дед был почтальоном, и, поскольку имел четырех детей, отцу не было позволено завершить образование. У него было нелегкое детство с начальным образованием и чередой скучных малооплачиваемых работ. Жалкая карьера, тоскливая жизнь, гнусное существование.

Его беспокоила лишь одна мысль: кто завтра будет кондуктором на пассажирских поездах на железной дороге Киль – Берлин? Причем кондуктором в вагонах второго класса! Вот таким был мой отец. Поразительно, с каким трудом родители приходят к пониманию того, что их заурядное жизненное положение оказывает сильное влияние на поведение и мировоззрение их детей.

Таким образом, убогий образ жизни отца, естественно, способствовал формированию у меня многих комплексов. Какое ужасное унижение общаться с друзьями, происходящими из семей, которые по социальному статусу выше положения твоей семьи!

Карл фон Рекнер, Михаэль Стинсман, Мици Брюдле и

другие…

– Но разве ты не придешь, Петер Нойман, в воскресенье к нам домой? Мы прекрасно проведем время!

Пошли они к черту! Почему я должен принимать их приглашения только для того, чтобы они продемонстрировали превосходство своего социального положения и роскошную обстановку у них дома?

К тому же тот, кого приглашают, должен возвратить долг гостеприимства.

Но как я смогу пригласить на Хейлигенгассе, 37 Карла, Михаэля или Мици?

Моя мать, с вечно мокрыми руками, покрасневшими от стирки, принимая сына полковника, графа фон Рекнера, должна будет вытереть руки о фартук, прежде чем пригласить его в свою убогую кухню…

Я предвижу все это.

– Входите, дорогой! Я только уберу белье с плетеного кресла, и вы сможете сесть…

Лена, смешная девчонка!

Ей восемнадцать лет, на год больше, чем мне. Блондинка с узким лицом, с телом, отвечающим необходимым параметрам, и, помимо всех этих чудных качеств, обладающая таким обворожительно стервозным характером, какого я не встречал прежде.

Она, возможно, была неравнодушна к томным и дерзким взглядам Карла, а также к тому забавному состоянию постоянной меланхолии, которое он на себя напускает.

Мой брат Клаус не может смотреть на него без надувания щек и разных шуток в адрес его жеманных манер.

Клаусу только десять лет, но, по слухам, ходящим в Виттенберге, он настоящая гроза всего района от Бранденбурга до Гольштейна. Менее года он был «пимпфе» (так звали подростков от десяти до четырнадцати лет, состоявших в Deutsches Jungevolk – организация «Немецкая молодежь». – *Ред.*). Тем не менее сейчас он уже достиг звания юнгшафтфюрера.

Не знаю, обязан ли он этим своим исключительным способностям к разрушению и дезорганизации, которые действительно феноменальны, или он реально обладает качествами лидера. Но факт остается фактом: его карьера поразительна.

Отец объяснял мне однажды, что офицеры обнаружили у брата свойство, необычное для ребенка его возраста. Он с поразительной легкостью мог определить любого еврея, который не носит желтой звезды.

Брат приказывал им являться в местное отделение гитлерюгенда, где принимались необходимые меры.

Отец отнюдь не был доволен, когда узнал обо всем этом.

Глава 2
НАШЕ ОБУЧЕНИЕ

Юлиус Штрайхер в центральной школе Виттенберге пребывал в крайней эйфории. Он полноценный немец и верный последователь фюрера.

К сожалению, Штрайхер вбил себе в голову перетряхнуть немецкую университетскую систему сверху донизу, возможно, из-за того, что когда-то сам был учителем.

С выхода декрета в прошлом январе эта работа не прерывалась.

Пятьдесят четыре часа лекций в неделю вместо прежних сорока. И сверх того восемь часов политологии, два из которых посвящены расовой теории.

В дополнение ко всему учебное заведение теперь курирует порядочный болван из Германии, присланный партией. Фактически он распоряжается школой Шиллера. Кажется, с тех пор как декрет вступил в силу, все дневные школы, педагогические институты и школы-интернаты поставлены под неусыпный контроль официального представителя нацистской партии.

Горе побежденным!

Этим утром Плетшнер, профессор политологии, был в неистовом состоянии. Если бы одно из этих пугал, врагов партии, Германии и Европы, о котором мы так много слышали, попало сегодня ему в руки, мне кажется, он, выражаясь его собственными словами, раздавил бы его железной пятой, выпустив из него нечистую кровь на благо всего человечества.

Старый папа Плетшнер начисто лишен слабостей. Иногда я думаю, не страдает ли он маниакальной агрессивностью.

Если только эти острые приступы ненависти не являются способами разрядки от супружеских неприятностей. И Бог свидетель, их у бедняги немало. Об этом знают Бог и многие парни Виттенберге. От шестнадцати до двадцати двух лет… Именно к этому нежному возрасту особенно чувствительна милая фрау Плетшнер.

Если же не принимать во внимание инъекций теоретического садизма, то его лекции в целом первоклассного уровня.

Вчера темой его лекции был эпизод борьбы партии против «Рот фронта» Тельмана. Должно быть, это была по меньшей мере двадцатая лекция на эту тему, но Плетшнер всякий раз

подогревал наш интерес к ней.

Мы начали с разбора экономических трудностей Германии, которые возникли после смерти Штреземана (в августе-ноябре 1923 г. канцлер и министр иностранных дел, в 1923–1929 гг. – министр иностранных дел Германии. – *Ред.*) 3 октября 1929 года. В то время германская экономика медленно гибла под давлением международного капитализма и в результате жульничества так называемых «держав-победительниц», которые навязали ей диктат Версальского договора. За коммунистов голосовали 10 миллионов немцев.

«Рот фронт» делил влияние с немецкими националистами Дюстерберга и почтенным, но дряхлым маршалом фон Гинденбургом.

Размах нищеты ужасал.

Сменявшие друг друга правительства не могли найти средства от раковой опухоли, которая подтачивала жизненно важные органы рейха, или снадобье от геморроя, который обескровливал его.

За супом столовых для бедных выстраивались очереди из шести миллионов безработных. Инженер, выглядевший оборванцем, смиренно ожидал своей очереди между обанкротившимся промышленником и безработным рабочим-металлистом. Это было время, когда требовались влиятельные связи и солидный банковский счет, чтобы достать тонну угля.

Самого Тельмана устраивала череда конференций по вопросам заработной платы, сеющая социальные конфликты и провоцирующая забастовки. Таким образом, новые миллионы рабочих оказывались в отчаянном положении.

Именно в это время засияла звезда человека, которому предстояло стать фюрером Третьего рейха, звезда, отбрасывавшая луч надежды на сцену разрухи, которую представляла тогда разобщенная Германия в состоянии полного хаоса.

С 1919 по 1930 год численность последователей национал-социализма выросла со ста с небольшим человек до более восьми миллионов.

Осознавая свою миссию, Адольф Гитлер считал, что только он способен обеспечить истощенной Германии тот импульс возрождения, который придаст ей силу для преодоления нынешней катастрофы, для предотвращения банкротства и падения в пропасть, где ужасные щупальца международной плутократии готовились задушить ее.

При содействии миллионеров-патриотов Тиссена, Кирдорфа, Круппа и других (Шредера, Феглера и т. д. – *Ред.*), при поддержке всего населения (не всего, но большинства. – *Ред.*) фюрер пришел

к власти.

Он никогда не забывал о том, что НСДАП была прежде всего партией немецких рабочих. В качестве последнего великодушного жеста он предложил коммунистам вступить в национальный фронт – единственное движение, позволяющее рейху выжить.

Но приказы из Москвы были неумолимы: продвижение партии национального освобождения должно было быть остановлено любой ценой.

Поэтому началась борьба против жестокого, мстительного и сильного врага, который не мог выносить победоносного рождения Третьего великого германского рейха.

Сама партия не могла простить этого мятежного акта предателей страны, людей, находившихся на содержании иностранных держав.

Она и не простила. Но фактом остается то, что именно красные в союзе с еврейскими реакционерами несут ответственность в первую очередь за беспощадные репрессии и бесчеловечное насилие в этой борьбе.

Хорст Вессель, мученик за наше дело, сказал перед гибелью 23 февраля 1930 года на баррикадах в Веданге (рабочий район на северо-западе Берлина):

– Нацисты! Если красный повредит вам глаз, ослепите его. Если он выбьет вам зуб, разорвите ему глотку. Если он ранит вас, убейте его.

Когда мы уходили с лекции, меня тронул за плечо Франц Хеттеншвиллер:

– Как ты думаешь, не пудрит ли старик Плетшнер нам мозги всей этой туфтой? Не знаю, заставляли ли его сгущать краски, но мне он кажется полным кретином.

Франц молча продолжил идти рядом со мной. Я чувствовал, что он хочет спросить меня о чем-то, а замечание о Плетшнере было сделано лишь для того, чтобы завязать разговор.

Франц Хеттеншвиллер – мой лучший друг. По чистому совпадению его отец, работающий на железной дороге, был переведен в Виттенберг в одно время с моим отцом. До этого мы оба жили в Гамбурге, и после этого большого города ганзейской столицы Виттенберге поразил нас своей серостью и скукой. Впрочем, нам было хорошо вдвоем, и смена места жительства показалась нам менее тягостной, когда мы оба поступили учиться в школу Шиллера.

Через некоторое время Франц решился высказать то, что хотел. Это давалось ему не без труда.

– Петер, – произнес он, – ты не думаешь, что фюрер хочет войны?

Я бросил на него удивленный взгляд.

– Франц, никто не может желать войны! Но ведь ты понимаешь не хуже меня, что иногда война необходима.

Он остановился и серьезно посмотрел на меня.

– Значит, ты считаешь, что она неизбежна? Я тоже так думаю. Ади (то есть Адольф Гитлер. – *Ред.*) хочет на самом деле одного – спровоцировать Францию и Англию, чтобы иметь железный повод для ведения войны. Но несомненно и другое: народ хочет мира и…

– О чем ты? – перебил его я, глядя на приятеля сверху вниз.

Франц сантиметров на пять меньше меня ростом, около ста семидесяти пяти сантиметров, против моих ста восьмидесяти. Казалось, он избегал моего взгляда.

Я пожал плечами.

– Могут подумать, что ты боишься, Франц! М-да… немного… удивительно, с учетом того, что ты гефол (гефольгшафтфюрер. – *Ред.*) в гитлерюгенде.

Мы двинулись дальше.

– По-моему, – продолжил я, – фюрер прекрасно понимает то, что делает. Кроме того, народ… – Я сделал неопределенный жест рукой. – Что такое народ? Это он, они, масса, но больше не «мы», Франц! Мы больше не являемся частью народа. Что может значить мнение других людей для нас! Их страхи или ложь.

В его глазах я заметил нечто похожее на удивление или недоверие. Он вымученно улыбнулся. Впрочем, это была забавная улыбка.

– Странный ты парень, Петер. В принципе, возможно, ты и прав. Я всегда стараюсь все анализировать, чтобы понять. – Немного подумав, он добавил: – Возможно также, что реальность в тысячу раз более неистова, более захватывающа, чем предполагаешь. Или ожидаешь.

Я схватил его за руку.

– Послушай, Франц. Даже если жизнь заполнена битвами и болью, а также бесконечной борьбой за идеал, это, по-моему, все же предпочтительнее скучного, убогого существования без всякой опасности.

Мы дошли до угла Бреннерштрассе и Ферндплац. У светофора мы снова остановились.

– Мне, во всяком случае, представляется именно так, Франц, – продолжил я, – Ницше первым учил нас тому, что человек очищается борьбой за идеал, которой следует отдать все силы и, если необходимо, жизнь.

Светфор переключился, и мы пересекли улицу.

– Бывало, мне не приходило в голову отделять себя от

большинства людей, – говорил я далее. – Полагал, что борьба за идеалы – пустая болтовня. С тех пор я изменил свое мнение.

Франц криво усмехнулся:

– Из тебя выйдет великий адвокат, Петер! – После минутного молчания он добавил: – Я же просто болтаю. У меня меньше веры и уверенности в будущем, чем у тебя. – Он протянул мне руку. – Хорошо, что ты рядом, держишь меня в форме.

Я похлопал его по спине и сказал:

– Выкинь дурь из головы. Надеюсь, это не испортило твой аппетит.

Он дружески помахал рукой и направился на Перлебергштрассе.

Я тоже пошел домой.

После полудня у меня не было лекций. Когда Клаус в пять часов вернулся домой из школы, он стал приставать ко мне с просьбами помочь ему сделать домашнее задание.

Просматривая его учебники, я вновь заметил, как отличаются они от тех, по которым я занимался несколько лет назад. Перемены стали особенно заметными после того, как Штрайхер занял пост главы Института политологии в Берлинском университете.

Вот математическая задачка, выбранная навскидку:

«Самолет «Штука» (пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». – *Ред.*) при взлете имеет бомбовую нагрузку в 120 бомб по 10 килограммов каждая. Самолет летит на Варшаву, центр международного еврейства, бомбить город. При взлете со всеми бомбами на борту и топливными баками, заполненными 1500 литрами горючего, самолет весит около 8 тонн. По возвращении из рейда в нем остается 230 литров горючего. Каков вес самолета без полезной нагрузки?»

А вот другая задачка, которую мне пришлось решать для Клауса:

«Несправедливый Версальский договор, навязанный французами и англичанами, позволил международной плутократии присвоить германские колонии. Франция захватила часть Того. С учетом того, что немецкая часть Того, временно оккупированная французскими империалистами, составляет 57 тысяч квадратных километров с населением в 800 тысяч человек, определите количество жизненного пространства на одного жителя».

Я просмотрел, кроме того, несколько глав из его учебника по истории Европы (Geschichte als national politische Erziehung («История для национального политического образования») профессора Дитриха. Книга написана для молодежи и

распределена по школам в 1937 году). Этот учебник постулирует:

«Французская революция имела своей главной целью истребление французских аристократов арийской крови. Ее развязали еврейско-средиземноморские элементы для захвата власти и порабощения народа. После подавления восстания в Вандее французы нордического происхождения, преследуемые из-за чистоты своей крови, бежали в Германию…

Затем радикальные левые силы завладели властью и установили режим террора, продолжавшийся несколько лет. Любой человек, который не поддерживал их дело, беспощадно гильотинировался…

Вслед за этим французский империалистический милитаризм выдвинул диктатором офицера итальянского происхождения Наполеона Бонапарта, который принял французское имя и стал Наполеоном Первым.

Наполеон являлся диктатором-варваром, одержимым одной целью: порабощением Европы, и прежде всего уничтожением Пруссии».

Особый интерес вызывает пассаж, посвященный войне 1914–1918 годов:

«В 1914 году Германия, ставшая промышленной державой первой величины, представляла смертельную угрозу международному еврейскому капитализму. Заводы Рура работали на полную мощь. Экономика процветала. Немцы, самый свободный народ мира, достигли высочайшего уровня жизни в Европе. Страна была самодостаточной и не нуждалась в иностранных товарах или сырье.

Все это явно вызывало зависть жадных плутократов Англии, Франции и Америки. Поскольку каждая из этих держав в одиночку была слишком слаба для открытой и честной борьбы, они решили объединиться, чтобы завоевать нас. Рейх, который нуждался в то время в таком лидере, как Адольф Гитлер, не смог противостоять засилью в нашем правительстве определенных предательских элементов. Германию предали.

Еврей Эрцбергер подписал позорное мирное соглашение, которое связало нас по рукам и ногам.

Через два с лишним года (в августе 1921 г. – *Ред.*) он заплатил за это грязное предательство жизнью в Шварцвальде. Патриоты казнили его.

Затем французы попытались уморить голодом население Рура и в нарушение соглашений, ими же подписанных, вновь оккупировали правый берег немецкого Рейна. Но героические шахтеры из Дортмунда, Эссена и Дуйсбурга показали французам, что они готовы пойти на смерть ради обеспечения

жизнеспособности Германии.

Наш фюрер, который в то время начал крестовый поход за освобожденный, счастливый, демократический и очищенный от евреев рейх, поклялся отомстить французам и вернуть однажды территорию Эльзаса и Лотарингии, которую те захватили».

Учебники по географии тоже сильно отличались от тех, что были несколько лет назад.

Я нашел наиболее занимательной книгу Фрица Бреннеке и Пауля Гирлиха.

«Германская цивилизация, – прочитал я, – единственная чистокровная цивилизация, была создана две тысячи лет назад на северных территориях, называемых сейчас Швецией и Норвегией. Она, как масло по воде, медленно распространялась на Ютландию, острова Фюн, Зеландию и Лолланн.

В дальнейшем это арийское население разделилось на народы.

Некоторые из них утвердились на территории, которая составляет сейчас нашу страну. Другие двинулись морским путем на британские и ирландские острова. Третьи отправились на равнины Восточной и Западной Галлии, которая находилась тогда в состоянии дикости и была ими цивилизована.

В Средние века новые арийские народы нордического происхождения утвердились в Центральной и Южной Европе. А еще позднее другие немцы переместились на земли славян или в район Карпат, вытеснив оттуда потомков варварских племен, которые пришли с Востока.

Некоторые из этих народов нордического происхождения сохранили полную чистоту крови, другие совершили кровосмешение. Последнее произошло с потомками древних викингов, поселившихся на французской территории, называемой Нормандией.

Все эти территории, населенные сегодня меньшинствами германского происхождения, неизбежно должны постепенно объединиться для образования великой германской конфедерации, подобной созданной ранее императором Карлом Великим (712–814 гг., франкский король с 768 г., с 800 г. император. – *Ред.*).

Аналогичным образом в состав Германии должны быть интегрированы в предстоящие годы такие страны, как Швейцария, Люксембург, Фландрия, Валлония, Польша, Судетская область, Румыния, Венгрия, Словакия, страны Балтики и, прежде всего, Эльзас и Лотарингия. Ни один немец не вправе пребывать в благодушном состоянии, пока не будет выполнена миссия освобождения угнетенных братских народов. Придет день,

когда наш фюрер подаст сигнал для начала борьбы. Горе тому, кто окажется на нашем пути».

Одна глава посвящалась русским.

«Россия, управляемая сейчас наиболее жестокими полицейскими террористическими методами из когда-либо известных, представляла бы большую опасность для Германии, если бы наш фюрер, Адольф Гитлер, не находился у власти. Русские все еще цивилизованы только наполовину. Азиатские орды, которые составляют почти три четверти советского населения, не достигли уровня жизни наших предков двухсотлетней давности.

Русские живут в постоянном страхе ареста или депортации.

Если бы СССР был достаточно силен, он бы напал на Германию и попытался уничтожить наше Отечество.

Вот почему рейху постоянно следует быть настороже, ибо только будущая мощь станет самой надежной гарантией нашей свободы. Немецкий народ не должен ни на одно мгновение упускать из виду тот факт, что большевизм означает грабежи, убийства и уничтожение».

Клаус закончил сочинение, которое должен был написать.

Я сунул учебники в его кожаный ранец и повернулся к нему.

– Послушай, Петер, – сказал Клаус, укоризненно помахивая пальцем, – я больше не буду допускать тебя к своим делам.

Он старался выглядеть значительным.

– Думаю, юнгешафтфюрер, – добавил он, – может иметь секреты даже от своего собственного брата! Разве я просматриваю твои книги и бумаги?

В ответ он получил пощечину.

Мгновение Клаус выглядел разъяренным, затем принялся смеяться, потирая щеку:

– Черт возьми! Кажется, ты вовремя усвоил новые методы воспитания фон Метцша.

Я подался вперед, заинтересовавшись.

– Что ты имеешь в виду? Кто тебе сказал о фон Метцш?

Он снова принял надменный вид, который я не переношу. Эта поза делала его похожим на павлина, распустившего хвост, который наблюдает за брачными танцами облезлых, линяющих уток.

– Führerprinzip (принцип лидерства), – объяснил он мне безапелляционным тоном. – Новый воспитательный метод, вводимый Штрайхером, нашим руководителем, чтобы мы, школьники, стали хорошими немцами и знали все о стране и об опасностях, которые ей угрожают.

Он посмотрел на меня снизу вверх.

– Две самые большие опасности – это коммунизм и евреи. В дальнейшем учителя и профессора уже не будут дряхлыми седыми бородачами, отставшими от времени. Это будут молодые специалисты из СС или, по крайней мере, члены партии.

Клаус искоса бросил на меня взгляд, желая убедиться, произвела ли на меня впечатление его новая роль многообещающего эксперта по политическому воспитанию.

– Все учителя будут иметь звания, как в армии. Время от времени они будут докладывать по инстанции о наших успехах в учебе и расовых достижениях.

– Что ты имеешь в виду под «расовыми достижениями»?

– Достижениями, достижениями! Ну, это количество евреев, которых мы разоблачим в школе или на улице. Боже мой, чему тебя учили?

Я позволил ему продолжать, потому что хотел получить от него больше информации.

– О чем это я? Ах да, дело касается наших учителей… В прошлый понедельник новый директор школы вызвал нас всех и объяснил, почему фюрер решил уволить всех неблагонадежных. Большинство из них – это бывшие коммунисты или лица с примесью еврейской крови. Существовала угроза того, что они могли испортить нас порочными методами воспитания.

Он заговорил вдруг унылым тоном:

– Некоторые нам нравятся. С теми же, кто не нравятся или кто не члены партии, мы всегда начеку. Юнгбанфюрер рекомендовал нам присматриваться к ним и делать пометки о каких-нибудь странностях в их поведении. Нам нужно сообщать обо всем, что они делают и с кем говорят, следить за тем, куда они ходят.

Он скривил губы и раздраженно хмыкнул. Затем вздохнул:

– Это работенка! Весь этот материал следует сдавать «фенляйну», который передаст его «штамму». Тот, в свою очередь, вручит его «гебиту», и далее материал пойдет к «обергебиту». Что касается того, как поступит с ним «обергебит», то это нас заботит меньше всего. Но больше всего раздражает то, что это часто ведет к неприятностям. Достается всегда именно тому парню, который первым сообщит. Поэтому в действительности, когда учитель ведет себя сомнительно, мы обычно не очень спешим докладывать об этом.

Я несколько опешил.

Но мне очень хотелось узнать, что ему говорили о фон Метцше, недавно назначенном декане университета.

– Кто такой этот Метцш?

Клаус ответил пренебрежительным тоном:

– Ты и вправду ничего не знаешь! Генерал-лейтенант Хорст фон Метцш был назначен Юлиусом Штрайхером на высший командный пост в германском преподавательском корпусе. Наша образовательная система должна строиться по образцу иерархической военной системы СС. Также будут введены телесные наказания, но мы не особенно боимся этого. Черт возьми! Сделай маленький промах – и они зададут тебе трепку!

Он сделал короткую паузу. Но, не желая, видимо, упустить столь благоприятный шанс продемонстрировать свою полную подготовленность исполнять обязанности юнгешафтфюрера, Клаус продолжал:

– После назначения Метцша произошло еще одно изменение. У нас теперь два дополнительных часа в неделю для постижения расовой теории. С прошлого месяца вменено в обязанность вывешивать каждый понедельник на стенах школы свежий выпуск «Штюрмера».

Что такое «Штюрмер» («Штурмовик»), мне известно. Это еженедельная газета, издаваемая Штрайхером. Она затрагивает исключительно расовые проблемы, особенно еврейский вопрос.

Листая газетные страницы, сталкиваешься с карикатурами на евреев, выполненными в гротескном виде. Печатный текст призван раскрыть глаза общественности на «угрозу, исходящую от израэлитов». Газета снабжает читателя конфиденциальной информацией о контролировании евреями промышленности и торговли, печатает списки недавно раскрытых тайных обществ и много других материалов подобного рода.

Имеются также новостные сюжеты на ту же тему. Регулярно публикуется очередной рассказ об изнасилованной евреем немецкой девушке, которая произвела на свет уродливого младенца. (Кроме того, регулярно печатались выдержки из «Протоколов сионских мудрецов», истории о ритуальных убийствах немецких детей евреями и т. п. – *Ред.*)

Я знаю о евреях практически все. Тем не менее нахожу подобные материалы довольно глупыми.

Мне известно также, что фюрер любит читать «Штюрмер» и что он с нетерпением ждет момента, когда ему положат на стол новый выпуск газеты, еще пахнущий типографской краской.

Увидев, что я погрузился в раздумья, Клаус вновь принялся за домашнее задание.

Я заглянул через его плечо. Клаус писал:

Рейх во главе с великим фюрером
Без устали совершает беспощадный крестовый поход.
Иди за нами, парень, ведь ты немец, и горд этим,

Бьют барабаны, развеваются знамена.

Мы оставляем за собой чисто выметенную дорогу,
Евреи на ней уничтожены, над ней голубое небо.
Но на горизонте остаются свинцовые облака,
Евреи снова поднимают головы, снесем их с плеч.

Молодежь Германии, покажи нам силу своих рук,
Смертоносный кинжал должен бить без страха.
Да здравствует борьба, отважный крестовый поход,
Слава нашим воинам, цепи разбиты.

(Juden Lebenschreibung («Еврейская биография») Густава Найделя)

Глава 3
ВОСПОМИНАНИЯ О БАВАРИИ

Лето 1938 года. В течение двух дней мы находились в Зоненвендлагер (летний лагерь гитлерюгенда) в Урфельде на берегах озера Вальхензе в местечке Гармиш в Баварских Альпах.

Мы собирались провести большую часть своих каникул в прекрасных заповедных природных условиях. Виттенберге казался теперь очень далеко. Очутившись лицом к лицу с горами, вершины которых покрыты вечными снегами, ощущаешь себя в совершенно необыкновенном мире и новой обстановке. Природный ландшафт, кажется, дышит свободой и чистотой. Все выглядит просто и легко. Здешняя жизнь разительно отличается от атмосферы преследований, тревоги и депрессивного состояния в Бранденбурге.

Или, может, это просто мой искаженный взгляд на мир? Ведь у меня остались неприятные воспоминания о последних днях пребывания в Виттенберге.

Меня утомила вся эта зубрежка, которой я должен был заниматься, чтобы получить аттестат, – теперь я бакалавр искусств. А то, что произошло потом дома, меня окончательно добило.

Несколько месяцев назад Лена познакомилась с молодым унтерштурмфюрером СС (шутцштафелем). С тех пор она не переставала говорить о его физических, эстетических и моральных качествах, утверждала, что он «похож на греческого бога» и все такое.

Вскоре она была уже совершенно от него без ума.

Однажды, месяца два назад, она вдруг решила представить свой образец совершенства отцу. И вот она приводит домой его, одетого в безукоризненную форму, и мы на Хейлигенгассе, 37 имели честь принять этого сердцееда.

Генрих Гриссlинг, эсэсовец из «Лейбштандарт Адольф Гитлер»[2], чувствовал себя как дома. Улыбчивый и самоуверенный, он вошел с важным видом, поклонился маме, протянул руку отцу и снизошел удостоить кивком Клауса и меня. Он был высок, белокур, с массивным квадратным лицом, скупыми жестами и хриплым голосом. Ничто в нем не напоминало Дон Жуана.

Через несколько минут принужденного разговора или скорее одностороннего монолога, прерывавшегося длинными паузами неловкого молчания, Гриссlинг, как говорится, подошел к

главному. Без всяких околичностей он объяснил моему отцу, что располагал возможностью суммировать положительные и отрицательные качества Лены и что обнаружил в итоге превышение первых над вторыми. Поэтому он имеет честь просить ее руки.

Временной отрезок между приходом жениха в 16.30 вечера и брачным предложением в 16.50 едва ли оставлял отцу время составить какое-то определенное мнение по этому вопросу, чего он, видимо, желал.

Отец пытался объяснить это.

Однако Гриссlинг отказал ему во времени для размышления. Генрих безапелляционно заявил, что они с Леной любят друг друга, что они молоды, свободны и здоровы и что нет оснований откладывать свадьбу. Казалось странным, что он взял на себя труд прийти в наш дом, вместо того чтобы увести с собой Лену сразу.

Он добавил также, что их союз будет весьма благополучным, поскольку соответствует этике супружеских отношений национал-социализма. Какое отношение имел к этому национал-социализм?

В заключение этой необычной беседы он заявил, что снова придет через три дня выслушать решение моего отца. Но заметил при этом, что они с Леной, если потребуется, могут обойтись без его одобрения.

Как только этот странный молодой человек удалился, мы все посмотрели друг на друга и на Лену.

Она, со злым выражением лица и издевкой, заговорила:

– На самом деле, если бы все мужчины были такими, как он, жизнь стала бы гораздо проще. – И, повернувшись к нам лицом, продолжила: – Фюреру не так трудно было бы строить новую Германию. Генрих знает, чего хочет. Я тоже! Я люблю его, и этого достаточно. Нет нужды в долгих обсуждениях и бесконечных встречах!

– Но ты хорошо его знаешь? – робко спросила мама. – Ты знаешь, кто этот мужчина, и может ли он сделать тебя счастливой? И эта его работа, чем он конкретно занимается?

– Его работа? – произнесла Лена холодно. – Его работа состоит в том, чтобы оберегать фюрера и великий нацистский рейх! Разве этого недостаточно?

Отец пробормотал что-то о том, что она глупая девчонка или того хуже – потаскуха. В заключение разговора он заявил, что наведет осторожно справки о Гриссlинге, прежде чем предпринять что-нибудь.

К сожалению, эти справки дали не очень благоприятную

информацию об унтерштурмфюрере.

Отец выяснил, что тот фактически был пьяницей и бабником, без всяких моральных или религиозных принципов. Я только воспроизвожу его слова, но было кое-что более серьезное.

Гриссlинг стал офицером в результате обстоятельств, о которых стоит рассказать.

Два года назад, в 1936 году, он был всего лишь обершарфюрером, служившим в Алленштайне (Алленштейне), в Восточной Пруссии.

В то время в Алленштайне (современный г. Олыптын в Польше. – *Ред.*) проживало много польских евреев. После беспорядков в июне 1936 года в Пруссии и Силезии – беспорядков, спровоцированных еврейским меньшинством, которое обвиняло профсоюзы НСДАП в увольнениях евреев, – были приняты весьма жесткие дисциплинарные меры.

Ночью с 28 на 29 июля начался погром. Всех еврейских торговцев выбросили из их лавок, которые затем были разграблены и сожжены. Эсэсовцы с пальцами на спусковых крючках автоматов стреляли по всем, кто пытался бежать. Они врывались в дома ортодоксальных евреев, заставляли их спускаться по лестницам со вторых этажей, подталкивая прикладами.

В ту ночь рвение Генриха Гриссlинга в погромах удостоилось особой похвалы начальства.

Он специализировался на детях.

Не упустил ни одного из них. Под предлогом предупреждения попыток детей сбежать – реальных или надуманных, ему лучше знать – он расстреливал их длинными очередями из пулемета, из которого стрелял по еврейским домам.

По окончании операции значительная часть почитателей Талмуда оказалась в еврейском раю. Оставшихся в живых отправили в концентрационный лагерь в Шнайдемюле.

На следующий день Гриссlинга повысили в звании до гауптшарфюрера, а месяцем позже – до унтерштурмфюрера.

После долгих размышлений я не знал, что и думать о такой форме дисциплинарной операции.

Альфред Розенберг показал в своей книге «Миф XX века», что евреи причинили Германии и всей Европе большой вред.

Фюрер был в мире первым, кто принялся за силовое противостояние еврейской угрозе.

Я убежден, что для обеспечения нашего будущего важно устранить евреев из определенных профессий и предотвратить их влияние на жизненно важные для страны проблемы.

Но я не мог понять пользу или ценность упомянутых

дисциплинарных операций и казней.

Впрочем, фюрер, который показывал снова и снова, что его трудно обмануть, несомненно, имел веские причины для санкций на такие операции.

Где-то я читал, что режим для укрепления своей силы и мощи не должен ставить себе целью чисто абстрактный идеал, но должен преследовать конкретные цели, воздействуя на наиболее уязвимые элементы и уничтожая их.

Это мобилизует сторонников режима и дает выход их ненависти.

Если дело обстоит именно так, то евреи идеально подходят для этой цели.

Все это, однако, меня мало интересует.

Возвращаясь к Генриху Гриссlингу и моему отцу, я считаю излишним говорить, что папа Нойман не испытал особого энтузиазма, когда узнал, что его будущий – о боже! – зять вовсе не невинный, чистый юноша, которого он желал своей дочери.

Отцу рассказал о Генрихе младший офицер из казарм Людендорфа. Этот достойный служака добавил, что, по его мнению, унтерштурмфюрер Гриссlинг настоящий герой, которого ждет блестящее будущее…

Но вы бы слышали папу, когда он пришел домой в тот вечер! Увидев Лену, он двинулся на нее со страшным криком:

– Никогда, слышишь, никогда я не отдам свою дочь этому убийце!

Лена побледнела и резко вскочила, опрокинув стул, на котором сидела.

– Генрих – убийца?

– Он подлый преступник, вот кто он! Омерзительный убийца! Он заслужил жестокостью ужасную репутацию после еврейского дела в Алленштайне… Кирнсте рассказал мне об этом все. И ты хочешь, чтобы я позволил брак с этим садистом, который находит удовольствие в кровавой бойне детей! Тебе нравится померанцевая свадьба, полагаю… Почему бы не пригласить братьев и сестер убитых детей, чтобы они несли шлейф твоего свадебного платья? А потом лежать с ним всю ночь в постели, когда он сможет сообщить тебе все подробности! Он расскажет, кого убивал весь день?

– Замолчи, отец, или я заставлю тебя замолчать! – огрызнулась Лена.

Папа смотрел на нее недоверчивым, непонимающим взглядом. Он с трудом выдавливал из себя слова:

– Моя собственная дочь не лучше всякой дряни! Моя дочь. Мои дети мерзки! Это больше не люди!

Помню, я встал, стиснув зубы. Есть вещи, с которыми нельзя мириться, даже если они исходят от собственного отца.

Но прежде чем я смог что-нибудь сказать, он дал Лене увесистую пощечину.

Со стороны сестры не было никакой реакции. Она промолчала. Схватила свое пальто и вышла из дому, хлопнув дверью.

Я сказал отцу, что он поступил неправильно. Он окинул меня безумным взглядом, словно не понимая, затем рухнул на край стола, всхлипывая.

Думаю, я презирал бы его меньше, если бы не его глупая вспышка буржуазной сентиментальности.

Через час Лена вернулась в сопровождении Генриха.

Унтерштурмфюрер вошел, ни с кем не поздоровавшись. Он был в ярости, его лицо исказилось необычным образом: нижняя челюсть выдвинулась вперед, словно он хотел убить кого-то. Без единого слова он пересек комнату, взял стул и сел. Его взгляд, окинув комнату, остановился на отце.

– Дела неважны, герр Нойман, – сказал он. – Ваша дочь только что призналась мне, что вы плохой немец. Вы глубоко оскорбили меня и нашего фюрера. Это неблагоразумно и опасно. Особенно когда исходит от человека, подобного вам.

Прежде чем продолжить, он задержал взгляд на Лене.

– Ваша дочь, к счастью, хорошая гражданка. Ей нелегко было сообщить мне то, что весьма заинтересовало бы мое начальство на Потсдаммерштрассе. – Он слегка улыбнулся. – Вы допустили небольшое упущение, когда заполняли свою анкету в этом году. Вы ведь реально участвовали в экстремистской деятельности в 1932 году. Были членом «Рот фронта», кажется?

Отец повернулся в сторону Лены и пристально посмотрел на нее, словно видел в первый раз. Затем его лицо приняло суровое выражение.

– Будем говорить по существу, – пробормотал он. – Что вам нужно?

– Ничего, герр Нойман. Совсем ничего, – ответил Гриссlинг. – Только я не вполне уверен в том, какие последствия может иметь дознание гестапо, если, конечно…

Отец прервал его:

– Никогда, слышите? Пока я жив, вы не получите Лену. Даже если это грозит мне смертью.

Генрих мгновенно встал. Выражение его лица не сулило теперь ничего хорошего.

– Правильно, это означает вашу смерть, герр Нойман, вы умрете. Помяните мое слово.

Он молча вышел из комнаты, уведя за собой Лену.

Отец ничего не сказал. Опустив плечи, он отправился в свою комнату.

В ужасе мама запричитала:

– Быть преданным собственной дочерью! Боже мой, невероятно!

Через несколько минут она тоже ушла, поднявшись вверх по лестнице.

Лично я был крайне удивлен. Я совершенно не знал, что мой отец когда-то участвовал в экстремистской деятельности. Лена, должно быть, узнала об этом из конфиденциальных разговоров с мамой.

Я не мог представить отца сражающимся на баррикадах! В свете его убогой мелочной жизни железнодорожного служащего это, видимо, был бунт, неосознанный рефлекторный протест против бесцельного и бессмысленного существования. Красные нашли отца в удобное время, накололи его, как и многих других, словно глупых бабочек, на свою большую схему анархистской борьбы с целью разрушения Германии.

Глупцы, чего они надеялись добиться!

В то время в рейхе царили полный хаос и дезорганизация. Коричневорубашечники, или СА, представляли собой единственный элемент стабильности, на который мы, немцы, могли опереться. Что касается красных, то они свое отжили.

Беспорядок, несправедливость, нищета, распад личности и всей страны, ложь и коррупция… Вот что они принесли нам.

В 1923 году немцы были вполне готовы довериться режиму, который теперь, когда война закончилась, даст им отнюдь не счастье – надеяться на это было нереально, – но просто гарантии мира и безопасности на будущее.

Вместо этого люди, которые не толковали ни о чем другом, кроме как о равенстве, которые буквально задыхались от своих безрассудных воплей и лозунгов о братстве и социализме, не думали ни о чем другом, кроме как набить свои карманы за счет общества, – как они поступали тогда, когда находились во власти в Баварии.

Народные массы были угнетены, унижены и презираемы еще более, чем при Гогенцоллернах.

Каждый здравомыслящий немец понимает, что евреи и коммунисты могли принести Германии только разрушение и упадок, а также неизбежную гибель нашего немецкого наследия.

Возможно, только дегенераты, обработанные идиотской пропагандой, могли счесть наше открытое выражение преданности фюреру как нечто противоречащее здравому смыслу.

Фюрер вернул нам веру в великую Германию и лучшее будущее. Только глупцы могут удивляться нашей любви и доверию, нашей решимости следовать за фюрером и помогать ему быстрее переворачивать страницы нашей истории так, чтобы иметь возможность увидеть результаты при жизни нашего поколения…

Нет, я решительно не мог поверить, что мой отец был прав.

Он, видимо, ошибался. Но в некоторых, очень важных, вопросах ошибаться нельзя. Отец должен понести справедливое наказание за свою глупость и ошибки. Порой бывает трудно судить таким образом о людях, которые дали вам жизнь в этом мире, но я считаю, что при всех жизненных обстоятельствах триумф национал-социализма имеет решающее значение. Вполне логично поэтому, что все должно подчиняться его законам.

Через три дня отца арестовало гестапо (сокращение от Geheime Staatpolizei – государственная тайная полиция). Еще через месяц Генрих и Лена поженились. В соответствии с формальной процедурой мы получили копию официального уведомления об аресте отца, которая содержала краткий перечень главных обвинений против него:

«Начальник полиции и начальник службы безопасности Виттенберге. 24 апреля 1938 г. Потсдаммерштрассе, 29.

В юридический и дисциплинарный административный отдел.

В связи с обвинением, выдвинутым унтерштурмфюрером СС Генрихом Гриссли́нгом на основании свидетельств фрейлейн Лены Нойман, проведено тщательное расследование антинациональной деятельности и фальсифицирования официальных бланков деклараций со стороны Фридриха Ноймана, кондуктора вагонов второго класса железнодорожной компании «Мекленбург-Гольштейн».

Расследование убедительно показало, что Фридрих Нойман в период между 1930 и 1932 гг. постоянно принимал участие в коммунистической и экстремистской деятельности.

Как было доказано в дальнейшем, обвиняемый в это время поддерживал переписку с неопознанными корреспондентами, проживающими на польской территории.

Проведены предварительные процедуры.

В ведомство генерального прокурора рейха, в народный суд Берлина 20 апреля 1938 г. направлено обвинение Фридриха Ноймана в государственной измене, предательстве страны и содействии врагу.

Обвиняемый взят под арест со строгим режимом.

Подпись: *Отто Ойген Марш*, штурмбаннфюрер СС.

Гестапо – отделение Виттенберге».

Я пробыл в Урфельде всего шесть дней, но полагаю, что восстановил моральное равновесие. Рад констатировать, что неприятные события в Виттенберге начинают забываться.

Массовые физические упражнения, игры и маневры оставляли мало времени для мрачного настроения и бесполезных переживаний.

Вчера в ходе кратковременной церемонии, происходившей в просеке леса Оберау, меня произвели в гефолгшафтфюреры.

Разумеется, мне пришлось выдерживать действие всякого рода напитков. Карл, Михаэль и я выпили так много пльзеньского пива, что к вечеру выглядели не очень презентабельно. Однако нам удалось вернуться в лагерь без происшествий и незамеченными.

Рекнер начинает нравиться мне все больше. Он выглядит здесь более простым и естественным, чем в Виттенберге. Свой снобизм он оставил в Бранденбурге. По мере того как я узнаю его ближе, он кажется более человечным.

Микаэль более сдержан. Никогда не знаешь определенно, что происходит в его голове, о чем именно он думает. Он застенчив и склонен к уединению, но подвержен внезапным проявлениям буйного темперамента. У него умерла мать. Несколько месяцев назад он признался мне, что она была еврейкой и совершила самоубийство во время больших погромов 1933 года. Он взял с меня клятву никому не говорить о его происхождении. Временами мне кажется, что бремя происхождения давит на него так сильно, что заставляет подсознательно поделиться с кем-нибудь своей тайной.

Франц все еще остается моим лучшим другом. Старина Франц вечно колеблется, постоянно удивляется тому, что видит и слышит, бесконечно задает невпопад вопросы. Он по-собачьи преданно и пылко глядит на всех тех, кому доверяет.

Ему недостает волевых качеств, но он незаменимый друг. Мне кажется, что он использует всю отвагу, которая у него имеется, чтобы защитить меня, уберечь от опасности, и даже пожертвует ради меня жизнью, если возникнет необходимость.

Лагерь расположен прямо на берегу озера Вальхензе.

Он состоит из двадцати шести блоков домиков, выстроенных в виде звезды. В центре, на приподнятой платформе, среди цветочных клумб и кустарников, развевается огромный флаг со свастикой, который прикреплен к корабельной мачте высотой примерно 18 метров.

В каждом домике проживает пятьдесят парней. Блок состоит

из трех домиков и образует гефольгшафт.

Двадцать гефольгшафтов образуют банн, и здесь, в Урфельде, нами командует баннфюрер Филип Гассер, эсэсовец, атлет примерно тридцати лет, который, кажется, отличился в качестве пилота двухмоторного бомбардировщика «Дорнье» во время гражданской войны в Испании.

Помимо домиков, где размещались парни, имелись домики дивизионного и полкового командования, госпиталя, кухни, общих комнат или лекторских залов, кладовых.

В организационном отношении мы напоминали пехотную дивизию на маневрах. Такова тема лагерных сборов текущего года. Мы живем жизнью пехотинцев, и это не всегда забавно.

Грубоватый Гассер заставляет нас подниматься каждое утро в пять часов. Далее мы купаемся в озере, пьем кофе с черным хлебом, отдаем честь флагу, а затем участвуем в параде.

За этим следуют два часа боевой подготовки в лесной местности, упражнения в стрельбе и спортивные состязания до самого полудня.

После этого для разнообразия, с часу до трех, слушаем лекции по расовой теории и политике.

Вот где проявились ораторские способности Гассера. Усиленный громкоговорителем, его голос достигает крещендо, когда он обрушивается на евреев. Начиная негромким увещевательным тоном, он проходит последовательно стадии насмешек и сарказма, затем внезапно разражается затяжными взрывами гнева и пророческих воплей, которые радуют наши сердца. Потому что мы прекрасно знаем, что бедняга в любой момент может начать запинаться. Рев дикого зверя на краю гибели вскоре уступает место непонятному заиканию и смутному бормотанию. В то же время его лицо становится кирпично-красным и покрывается потом. Как раз в этот момент он всегда замолкает, заканчивает речь заключительным замечанием, которое никак не связано с содержанием лекции. Затем он с большим достоинством спускается с платформы под неистовые аплодисменты возбужденной аудитории. Наш энтузиазм проистекает главным образом из понимания того, что мы больше не услышим его до завтрашнего утра.

Этим полуднем Франц и я решили съездить в Мюнхен.

Большой, долговязый парень, пепельный блондин с квадратной головой уроженца Померании, неуклюже сидящей на покатых плечах, остановил меня у выхода:

– Эй, гефоль, погоди минутку!

Он носил зеленую повязку дежурного по лагерю. По этой

причине я не стал отсылать его куда-нибудь подальше, хотя не люблю, когда ко мне обращаются в таком тоне.

– В чем дело? Не хочешь проходить контроль? – спросил он, ухмыляясь. Подошел ближе с недобрым выражением лица. – Ваши увольнительные – быстро!

Мы уступили требованию, но дежурного это мало интересовало, потому что он добавил грубо:

– Носовые платки, карманы, расчески, бумажники?

Пришлось позволить ему убедиться, что наши носовые платки чисты и хорошо отглажены, что в карманах имеется только то, что необходимо, что наши расчески свободны от выпавших волос и перхоти, что в бумажниках находятся лишь нужные документы и удостоверения.

Лишь удостоверившись во всем этом, он позволил нам пройти, но его маленькие свиные глазки выражали сожаление в связи с тем, что у него не было оснований наложить на нас взыскание.

Этого парня мы не скоро забудем…

Мы сели в автобус, отходивший в полпятого, и в пять часов прибыли на солнечную Кирхаллее, где блистали в цветных летних платьях прелестные баварские девушки.

Решили посмотреть фильм о Фридрихе II Великом в кинотеатре на Кауфингерштрассе.

Вошли в курзал, полный табачного дыма и сырости, как турецкая баня. Фильм уже начался.

Полчаса фильма для меня было достаточно. Он представлял собой мрачную и скучную историческую мелодраму, оживлявшуюся время от времени остроумием в духе Вольтера, которое встречали громким смехом импозантные, бородатые персонажи той эпохи, собравшиеся без видимой причины в одной из комнат дворца Сан-Суси.

Я начинаю шевелиться и ерзать на своем месте и чувствую себя крайне неудобно. Внезапно луч света от фонарика билетерши, проводящей кого-то на свои места, выхватывает из темноты девушку, которую я даже не замечал на соседнем месте.

Мгновение, в которое я ее увидел, обнаружило, что она заслуживает самого пристального внимания: румяная, с полными губами, покатыми щеками девушки, обретающей женственность, с соблазнительными изгибами, подчеркнутыми светом проектора, каштановыми волосами, стянутыми в пучок.

Я сразу заметил, что это нежное существо искоса наблюдает за мной краешком глаза. Делаю вид, что внимательно слежу за банальным сюжетом, которым еще более банальный продюсер фильма пытается заинтересовать нас на экране.

Франц, обративший внимание на мою пассию, толкает меня коленом, видимо с целью придания мне смелости.

Вообще, я не очень находчив в такого рода ситуациях. Несмотря на напускную самоуверенность, чувствую ужасную робость.

Наконец фильм заканчивается под фанфары, дробь барабанов и демонстрацию прусского флага, победно развевающегося над страной, снова обретшей мир. Зажигается свет.

Соседка еще более привлекательна, чем я предполагал.

С галантным видом прикуриваю сигарету, которую предлагает мне Франц. Затем наклоняюсь к девушке и спрашиваю любезно:

– Надеюсь, вы позволите, фрейлейн.

Она улыбается, словно желает сказать: «Ага, меня интересовало, как ты начнешь знакомство», – и отвечает:

– Пожалуйста, я сама курю иногда.

Спешу проникнуть в брешь, которую открыла для меня моя куртуазность, и предлагаю ей сигарету.

Вскоре мы болтаем друг с другом, как давние знакомые. Выясняю, что ей шестнадцать лет и что она в Мюнхене на летних каникулах. Приехала из Штутгарта, где родители занимаются бизнесом. Учится там в политехническом техникуме.

Закончив взаимное представление, отправляемся втроем пройтись по улицам.

Кауфингерштрассе не так оживлена, как прежде. Оранжевые лучи заката освещают лица прохожих и отражаются в окнах многочисленных магазинов одежды, расположенных в этом районе.

Намекаю Францу, что он мог бы вернуться в Урфельд один, однако приятель, кажется, не понимает, что его присутствие не обязательно.

Наконец бедняга уходит, потупив взор и, вероятно, сетуя на непостоянство моей дружбы.

Но ведь не каждый день встречаешь Бригитту!

Оставшись наедине, мы чувствуем, что разговор не клеится.

Я трогаю ее за руку.

– Может, что-нибудь выпьем? Кафе не очень шумны в такой час. Сможем поболтать.

Она с улыбкой принимает приглашение и кивает. Мы входим в небольшой пивной зал.

Когда мы устраиваемся за столиком, я спрашиваю:

– Пиво, сок, вермут?

Сразу видно, что у нее небольшой опыт посещения кафе с молодым человеком. Она несколько смущена, но роняет

застенчиво:

– Лимонад, если не возражаете.

Уверенность вновь покидает меня, я утрачиваю покровительственную манеру поведения, которой держался ранее. Почему именно, не знаю.

Она начинает неумолчно болтать, возможно чтобы скрыть смущение. Ее полные, ужасно соблазнительные губы формулируют глупые, малозначащие фразы, которые я слушаю с таким интересом, будто она подробно разбирает произведения Дитриха или Розенберга.

Я замечаю ее удивительно белые зубы и вижу ее крохотный кончик языка, появляющийся в момент, когда она произносит определенные буквы. Вижу веснушки, ямочки на щеках, зелено-голубые глаза, крохотную родинку по одну сторону от носика…

– Вы меня даже не слышите, – вдруг жалуется она.

Опешив, улыбаюсь ей.

– В жизни встречаются два типа людей, – говорит она. – Есть такие, которые с первого взгляда не нравятся и которым не доверяешь, однако встречаются люди, с которыми чувствуешь себя как дома. Думаю, что вы…

Она смотрит мне в глаза, затем краснеет.

Я беру ее руку, которую она благоразумно держит на колене.

– Что я?

Она отдергивает руку, хватает сумочку из-за спины и вскакивает.

– Пойдемте?

Оставляю на столике марку, и мы уходим, сопровождаемые равнодушными взглядами посетителей пивного зала и угодливой улыбкой официанта.

Не говоря ни слова, отправляемся на набережную Изара. Уже темно, и липы на набережной испускают почти пьянящий аромат. Вокруг уличных фонарей кружатся мириады насекомых.

Идем вдоль набережной и на каждом шагу встречаем пары влюбленных, держащихся за руки.

Наконец находим свободную скамью и садимся. Мимо течет река, в ее темных водах отражается голубоватый свет фонарей на острове Пратер и мосту Максимилиана.

Обнимаю ее и прижимаю к себе…

– Я все еще в ожидании. Ты не закончила своего предложения…

В темноте чувствую, как она смотрит на меня и нежно мурлычет:

– Думаю, ты один из тех, которые мне нравятся.

Я не осознаю случившегося, когда мои губы прижимаются к

ее губам, которые наполняют меня желанием.

Мы договорились встретиться на следующий день на углу Гётеплац и Хёберштрассе.

Она появляется, улыбаясь. Ее фигуру плотно облегает палевый костюм. Он очень идет ей, подчеркивая тонкую талию и восхитительные бедра. Сегодня ее волосы не стянуты на затылке, но свободно ниспадают на плечи. Легкий макияж. Я особенно не удивляюсь, поскольку знаю, что она не состоит в БДМ (Bund Deutscher Mädel – нацистская организация немецких девушек, весьма строгая в вопросах морали. Макияж ею не признавался. – *Ред.*).

– Привет, герр Петер, – говорит она с улыбкой.

– Вчера, – отвечаю, – было достаточно одного «Петера»…

Молча она берет мою руку.

Автобус на Штарнберг уже собирается отправляться. Мы вбегаем в него за мгновение до того, как билетер закрывает двери.

Остановка через час. Мы – у озера. Хотя август почти закончился, а с ним и летний сезон, на берегах озера Штарнбергер-Зе много людей. На каменной стенке сидят парни и девушки в купальных костюмах. Они разговаривают и громко смеются. Другие играют в пляжный волейбол.

Поворачиваюсь к Бригитте:

– Будем купаться? Что скажешь?

Чуть покраснев, она отвечает:

– Если хочешь, Петер… Мне нравится купаться.

Мы спускаемся на пляж и направляемся к домику, стены которого обклеены ярко раскрашенными плакатами. Я знаю, что там можно взять в аренду купальные костюмы.

Все раздевалки заняты. Пока ждем, предлагаю Бригитте сходить в бар. Там вокруг нас полуголые парни и девушки, и, как ни странно, мы в одежде чувствуем себя смущенными.

Через несколько минут подходит распорядитель пляжа и сообщает, что кабина освободилась.

Мы следуем за ним и останавливаемся у дверцы, пока он достает из кармана ключ. Прежде чем мы осознаем, что он делает, распорядитель заталкивает нас внутрь и закрывает за нами дверь.

Я слегка раздосадован таким оборотом дела. Не из-за себя, конечно, но из-за Бригитты. Моим первым импульсом было выйти наружу, но опасение подвергнуться насмешкам распорядителя, который, должно быть, ждет нашего выхода и своих чаевых, заставляет меня воздержаться и подумать.

Бригитта ничего не говорит. Она просто улыбается.

– Нам придется смириться с этим, – говорит она. – Надеюсь, ты будешь хорошим мальчиком, – продолжила она просительно.

Бригитта начинает раздеваться. Я поворачиваюсь к ней спиной и делаю то же самое.

Кабина очень тесная, и на мгновение я чувствую, как ее прохладное бедро прижимается к моей ноге.

Как ни глупо, чувствую, как краснею.

Вскоре мы выходим на пляж.

Бригитта выглядит воистину прекрасной в черном купальном костюме. Ее зелено-голубые глаза, каштановые волосы, бронзовая кожа спины – само совершенство.

От плавания получают удовольствие слишком много людей. После кратковременного погружения в воду мы ложимся на песок. Я просовываю руку под ее голову, и мы молча лежим так, позволяя солнечным лучам ласкать и согревать обнаженные участки наших тел.

Но время идет, а мне нужно возвращаться в Урфельд к восьми часам.

Мы возвращаемся в свою раздевалку.

На этот раз она прижимается телом ко мне. Я нежно обнимаю ее, так деликатно, словно хрупкую, ценную фаянсовую фигурку из Байройта.

Ее губы почти плотоядно впиваются в мои.

Мои руки гладят ее золотистые плечи, еще теплые от солнца.

Я чувствую вдруг, что она поддается.

– Нет, Петер! Нет… Мне страшно! Нет, нет… Это впервые… Петер, любимый!

Моя первая мужская победа…

2 сентября. День Седана. В течение двух дней «регулярная армия Пимпфена» (гитлерюгенд) оккупирует Урфельд. Этим полуднем и вечером члены организации должны участвовать в памятных церемониях по случаю капитуляции французов под Седаном в 1870 году.

В то же время они сеяли повсюду семена беспорядка и анархии, поскольку не могли прекратить играть в войну.

Этим утром, видимо, для того, чтобы держать себя в боевой готовности, они проводили «маневры» в лесу Оберау. Они организовали великолепную игру, представлявшую имитацию пограничного конфликта.

Французы в союзе с английскими плутократами попытались совершить вероломное нападение на германскую территорию. Доблестные солдаты рейха отбросили их назад за Рейн.

Поэтому были сформированы две армии. С того места, где я пишу, мне слышатся крики и рев парней, играющих за французов и англичан. На самом деле они знают, что для них дело не закончится одной забавой. Удары палками и камни будут сыпаться на них более часто, чем летний ливень.

В полдень побежденная армия возвращается – злая, унылая, в синяках.

Ее противники распевают:

Шесть обойм патронов переброшено через грудь.
В моей руке граната.
Подходи, большевик, я готов к бою…

После полудня на берегах озера Вальхензе состоялась массовая церемония.

В параде участвовали гитлерюгенд и «Дойчес юнгфольк». Члены этих организаций прошли гусиным шагом, держась одними руками за кинжалы, другими – отмахивая в такт гимнам, прославляющим Третий рейх.

В ста метрах от официальной трибуны мы запеваем песню «Мой немецкий брат» (на стихи Рудольфа Штайгена).

Смотри прямо, смотри всегда вперед.
Преодолей страх и выбери верный путь
К счастью. Ты должен всегда бросать вызов смерти,
Не должно быть никакой дрожи и колебаний.
Ничего не проси, не жалуйся…
Трусость не что иное, как позор и растление,
Смерть за страну, давшую тебе жизнь,
Великая честь и слава для солдата.

Скоро наступит свежая, чистая весна,
Когда все наши братья снова будут свободны
От ужасного ярма иностранных угнетателей.
Требуется твоя отвага и даже жизнь,
Наша честь больше не должна быть поверженной.
Мы должны разбить тяжелые цепи, учиться умирать за свою землю.

Бейтесь, сражайтесь! Зовут нас предки.
Бейтесь, сражайтесь! Зовет нас беззвучно флаг.
Бейтесь, сражайтесь! Мы дали клятву.
Бейтесь, сражайтесь! Мы присягнули этому навеки.

Чтобы отпраздновать в надлежащей манере «день Седана», первый со времени освобождения Австрии, теперь свободной и независимой в составе рейха, в последний момент решили, что мы должны этим вечером поприветствовать наших братьев по ту сторону Карвендельских Альп.

Мы отправились в сторону старой границы. Когда я говорю «мы», то имею в виду унтербан, то есть отряд численностью около шестисот парней.

Пройдя Бад-Тёльц, Гмунд-ам-Тегернзе и озеро Тегернзе, мы прибыли в Кройт, пройдя последний этап пути, перед тем как войти в горы.

Всем раздали факелы. Это была разумная мера предосторожности, поскольку в сельской местности было темно, как в железнодорожном туннеле, и стоял густой туман.

– Строиться! Быстрее! Давайте пошевеливайтесь!

Баннфюрер вдруг заорал:

– Парад марш! Вперед, марш!

Мы все последовали за Гассером. Бог знает куда…

Метров через пятьсот мы остановились, к своему немалому удивлению, перед сельским кладбищем.

Раздалась команда:

– Факелы зажигай!

Беда в том, что мы не были готовы к этому!

Мы смогли только обеспечить по одной коробке спичек на пять-шесть парней. Наконец после некоторой суматохи и сердитых возгласов тех, кто обжег пальцы, каждый парень понес горящий факел на вытянутой руке. Разумеется, на вытянутой руке, поскольку мы вскоре обнаружили, что такой факел является идиотским изделием, которое извергает фонтаны искр и разбрасывает язычки пламени во все стороны, особенно на волосы факельщиков.

Мы прошли через кладбищенские ворота.

Фантастическая сцена. Зловещая когорта привидений, освещенная призрачным светом факелов, марширует среди могил с синевато-багровыми лицами. Факелы отбрасывают вкрадчивые, мерцающие тени среди могильных памятников и крестов, которые в необычном порядке расположились у кладбищенских дорожек.

Гассер приказал образовать вокруг него полукруг и обратился к нам с речью:

– Товарищи! Мы собрались здесь этим вечером отметить вместе со всей страной славную годовщину крушения французского империализма. Наши отцы в 1870 году проложили путь к нашей свободе. Перед лицом безжалостного врага, единственной целью которого было уничтожение нашей

бессмертной Пруссии, колыбели Германии сегодняшнего дня, они сражались, не щадя сил, до последней капли крови – и они победили!

Баннфюрер взял короткую паузу. В установившейся вдруг ночной тишине шипение горящих факелов и шум раскачиваемых ветром верхушек деревьев звучали громко и впечатляли до глубины души.

– Оглянитесь вокруг себя, посмотрите на эти железные кресты, под которыми лежат ваши предки, – продолжил он. – Они погибли, чтобы вы могли видеть перед собой ясные горизонты, избавились от страха и очистились от темных миазмов, образовавшихся в трясине международной плутократии.

Гассер еще долго продолжал говорить, но я перестал слушать, потому что был совершенно потрясен и очарован этой неординарной и зловещей сценой. Из черного тумана поднимались с застывшими, эмалевыми улыбками солдаты в бисмарковских островерхих касках и гренадеры в стальных шлемах, сражавшиеся в Аргоне (очевидно, в Верденской «мясорубке» в 1916 г. – *Ред.*). Казалось, они благодарили нас за посещение кладбища, за то, что мы не забыли их жертвы.

Гассер закончил выступление словами:

– Товарищи! Мы должны поклясться следовать дорогой, которую наметили для нас усопшие герои нашей истории. Придет день, когда нам придется включиться в новую битву за освобождение, объединившись под красно-черным знаменем нашего фюрера. С этого самого момента мы должны держать себя в готовности! Хайль Гитлер!

Мы покинули кладбище и, распевая на марше песни, пошли вверх по дороге в ущелье.

Это был трудный подъем, под ногами перекатывались камни, но наши глотки швыряли в ночь слова Demütigen Befreiung («Освобождение покорных» Теодора Кеплера):

Что это за огромная тень
Поднимает зловещую руку,
Чтобы мучить наших жестоко угнетаемых братьев?
Это ты – враг гордой Германии.

Вскоре мы увидели, как на нас надвигаются сотни огней.

Мы прибыли на вершину перевала Ахенпас (940 метров) в то самое время, что и австрийский гитлерюгенд.

Мы приветствовали своих австрийских товарищей, высоко подняв горящие факелы.

Глава 4
НАПОЛА

Осень 1938 года. Я вернулся на несколько дней в Виттенберге.

Отца еще не выпустили. Месяц назад его перевели в тюрьму Нойбранденбурга. В этом городе он жил в то время, когда совершил поступки, за которые его осудили.

Я подал заявление директору Национал-политической академии (НАПОЛА) с просьбой о зачислении, когда наступит очередной учебный год. Около двадцати учащихся нашей центральной школы поступили так же.

У меня не было желания стать партийным чиновником. Меня интересовала интересная работа, и при небольшой удаче можно было надеяться стать ортсгруппенлайтером (руководитель местной группы) или, возможно, даже крайсляйтером (районный руководитель).

Мне удалось уговорить Карла и Франца. Они тоже отправили в Берлин заявления с просьбами о приеме в одно время со мной.

Михаэль, однако, решил еще подумать.

НАПОЛА начала действовать только с января 1934 года. Ее цель – воспитание и обучение людей, призванных занять высокие посты в партии, или их подготовка для службы в полувоенных формированиях СА и СС.

Дома стало еще хуже, чем тогда, когда арестовали отца. У меня было желание покинуть его как можно скорее.

Мама плакала весь день напролет. Нас постоянно навещали соседи с утешениями и сочувствием. Это для меня было уже слишком.

Что касается Клауса, то он становился все более несносным. Я не могу его вывести куда-нибудь без того, чтобы он не отличился своим эксцентричным поведением или не цеплялся к людям на предмет выяснения их еврейских корней.

Он называл это беглым расовым просмотром.

Этой теме в его школе посвящен целый курс. Здесь имеет значение форма лица, глаз, зубов, волос, пигментация кожи, стиль одежды, походка, манера разговаривать и так далее.

В случае с женщинами рекомендовано следить за тем, как они держатся, замечать признаки ранней полноты их бедер.

Мой младший брат не поколеблется оскорбить человека, который сочтет его поведение предосудительным.

Вчера, в булочной на Марктплац, он долго наблюдал за тучной фрау, поглощавшей пирожное, пока та не спросила напрямик:

– Молодой человек, может, вы скажете мне, сколько еще вы будете продолжать пялить на меня глаза?

Возмущенный такой дерзостью, он взглянул на нее с высоты своего роста в сто тридцать сантиметров и резко ответил:

– Я выполняю, фрау, возложенную на меня миссию, которая заключается в том, чтобы повсюду разоблачать врагов нашего народа, где бы и когда бы они ни таились.

Что вы об этом скажете?

Мне пришлось промямлить оправдания об отсутствии у брата дисциплины, плохом воспитании и т. д. Дав ему затрещину, я вытащил из булочной своего маленького сыщика, и мы пошли домой.

Эта женщина, жадно поедавшая пирожное, – враг народа!

В самом деле, Клаус явно переусердствовал.

В письме из Берлина мне сообщили, что я принят в НАПОЛА Гольштейна благодаря моему диплому и рекомендациям.

Карл и Франц тоже приняты. Значит, поедем туда, видимо, вместе.

Мы должны явиться в город Плён в Шлезвиг-Гольштейне не позже 6 октября.

На подготовку остается только три дня. Но возбуждение в связи с предстоящим отъездом и прежде всего перспектива обучаться в партийном учебном заведении окрыляют нас.

Вскоре наш багаж готов к отправке.

Последние формальности, наставления – и наш поезд отбывает.

Мы машем на прощание Виттенберге и, отойдя от окна вагона, начинаем петь песни коричневорубашечников, подобно героям пивного путча.

2 ноября. НАПОЛА в Плёне представляет собой старые казармы для унтер-офицеров, использующиеся для новых целей. Они мрачны, холодны и неприятны.

Учебное заведение похоже на унылый сельский пейзаж, холодный и меланхоличный.

Над болотами и каналами с воем дуют бесконечно штормовые ветры, несущиеся издалека. Местные крестьяне молчаливы и подозрительны. При встрече они обходят нас, словно прокаженных.

Странный народ. Странный край…

Нам выдали форму НАПОЛА: палевые рубашки, темносерые брюки и повязки со свастикой.

Не знаю, для какой цели, но мы должны носить штыкнож, который элегантно свисает сбоку и качается в ритм ходьбе.

Вчера нас подвергли тщательному медицинскому осмотру, вскоре после которого последовал интеллектуальный тест.

Затем нам пришлось бегать стометровку, показывать свое мастерство в прыжках в длину и высоту, в поднятии штанги. В зависимости от достижений нас направляют в многочисленные спортивные группы, которые играют в Плёне важную роль.

Расовую теорию преподает один седобородый старик, для которого богом является Хьюстон Чемберлен (Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) – английский писатель, эмигрировавший в Германию в начале XX в., явился одним из родоначальников национал-социализма. Гитлер восхищался им и не скрывал того факта, что Чемберлен наряду с Розенбергом воодушевил его на написание «Майн кампф». Чемберлен написал «Основы XIX столетия». Эта крайне расистская книга была весьма популярна в Германии при нацистах. – *Ред.*).

Он входит с бородой, колышущейся ветром, с мрачным выражением лица и чрезвычайно важным видом. Быстро проходит к своему столу, взбирается на невысокую платформу и, наконец, поворачивается к нам лицом.

– Доброе утро, господа! Я пришел сюда не для того, чтобы читать лекцию или произносить приветственную речь, что, без сомнения, другие уже делали.

Он внимательно вглядывается в наши лица.

– Сегодня, чтобы нам ближе познакомиться, надо начать с краткого изложения основ расовой борьбы в нашей стране, в частности антиеврейской борьбы.

Перед тем как продолжить, он принял угрожающую позу.

– Существуют люди, которые воображают, будто наша ненависть к евреям не имеет реальных оснований и является просто продуктом неразумной озлобленности или обветшалого милитаризма.

Седобородый (его звали Юлиус Макнер, и я должен был запомнить это) громко смеется и басит:

– Безмерный кретинизм! Вредный миф, изобретенный пропагандой прогнивших либо капиталистических стран для их населения, доведенного до животного состояния. Эти страны, обвиняющие нас в противоестественном, бесчеловечном расизме, забывают лишь один факт: не мы начали борьбу против

израэлитов. Ортодоксальное еврейство преследовалось в течение ряда эпох. Еврей считался врагом Римской империи. В нем видели врага в Древней Греции, в Египте фараонов, в Вавилоне.

Макнер вдруг сходит с платформы и начинает ходить между скамьями.

– Возможно, полагают, что мы, немцы, первый народ, который озаботился чистотой собственной расы. Кто был тем, который заявлял, что кровь предков не должна быть испорченной ни при каких обстоятельствах в целях предотвращения деградации расы? Разве мы? Это были сами евреи.

Он ходит взад и вперед, чуть наклонившись, сцепив руки за спиной.

– Прочитайте «Протоколы сионских мудрецов». Говорят, что это фальшивка! (По другим данным (свидетельства монархиста и лидера черносотенцев Н.Е. Маркова (1866–1945) и др.), «Протоколы» были добыты агентом русской тайной полиции – изъяты в 1897 г. во время I конгресса сионистов в Базеле (Швейцария) из портфеля вождя сионистов Теодора Герцля. – *Ред.*) Какое это имеет значение? Идея, заложенная в них, отнюдь не поддельная. Постоянное притворство, дар вездесущности, которым евреи явно обладают, влияние на общественную жизнь, плодовитость, столь характерная для них, – все это оружие и отравляющие средства евреев.

Макнер возвращается на свое место и садится.

– Вы знаете о тяжелых экономических условиях, которые сложились в послевоенный период. Знаете о большом наплыве евреев с Востока или Ближнего Востока, набросившихся на тело Германии, как шакалы на раненое животное. Вам рассказывали о владении евреями промышленными мощностями, их контроле над банками, их махинациях с целью сокрушить немецкую торговлю. Пропагандистская фикция? Ни в коей мере! Буквальная и неоспоримая правда.

Внезапно он поднимает огромный кулак и обрушивает его с грохотом на стол.

– В «Майн кампф» фюрер подчеркнул, что смешение рас неприемлемо. Нация должна сохранять силу и кровь неповрежденными, если желает побеждать. Причина упадка и вымирания определенных народов заключается часто в их неспособности сохранить свою целостность и беречь свою кровь, не подвергая ее порче кровью иностранцев, которые смешиваются с этими народами и затем уничтожают их.

Он поднимается.

– Господа, на сегодня все. Во вторник мы разберем эти проблемы более подробно.

– Если вы преодолеваете в машине крутой подъем, а двигатель не располагает достаточной мощностью, вы рано или поздно неизбежно остановитесь. Если вы летите на самолете с недостаточной мощностью, то вы не остановитесь, но сломаете себе шею!

Инструктор по планеризму объяснял тонкости своего деликатного искусства, заключавшегося в манипулировании воздушными потоками и высотами.

Мы уже совершили несколько полетов со вторым пилотом, но сегодня должны летать самостоятельно.

Карл уже прошел летные испытания с оценкой «очень хорошо». Поэтому он смотрит на нас с высоты приобретенного опыта.

С важным видом он замечает:

– Чтобы оставаться в полете, следует лишь учитывать, что вертикальные тепловые потоки, которые поддерживают планер, образуются оттого, что некоторые участки поверхности земли теплее, чем другие.

О боже! Мне опять читают лекцию!

Все познавший Карл продолжает:

– Основные правила. Над городами, селениями, скалами, холмами или невысокими горными хребтами тебя заносит вверх. Над озерами, морями или лесами нет восходящих воздушных потоков и нужно ожидать падения скорости.

Вскоре я готов применить на практике эти замечательные теории.

Мне выделен планер «Гессенланд». В последний раз просматриваю инструкции и отмечаю свои действия. Подъем – ручка управления на себя, посадка – ручка управления от себя. Педаль руля и ручка управления вправо – руль и машина движутся влево.

Если я не сломаю себе шею, то только потому, что у меня хорошая память.

Поехали! Пусковой механизм переходит в скоростной режим, и я взмываю вверх как стрела. Стараюсь помнить наставление инструктора. Перемещаю ручку управления от себя, выдерживаю курс насколько возможно…

Сейчас я на высоте 180–200 метров. Восхитительное ощущение! Не слышно ни звука за исключением тихого шелеста воздуха, обтекающего крылья и фюзеляж.

Вижу под собой озеро Гросер-Пленер-Зе. Высотомер показывает, что я набираю высоту. Теперь я вижу все побережье Кильской бухты с островами Фемарн и Лолланн впереди. Но надо

следить за тем, чтобы меня не отнесло в море. Медленно делаю вираж влево. «Гессенланд», обтекаемый, как игла, хорошо слушается. Хочу пролететь над окраинами Киля. Увидеть пароходы в канале.

Но прежде чем осуществить это, сознаю, что нахожусь в полете уже почти четверть часа. Надо подумать о посадке.

Она проходит без заминки. Меня приветствуют и поздравляют Франц, Карл и инструктор. У меня легкое головокружение в связи с самостоятельным полетом. В ушах слегка гудит.

Но чего только не сделаешь, чтобы заслужить похвалу друзей?

Этим утром получил письмо от Бригитты. Бедняжка жалуется, что я мало думаю о ней. Очевидно, она плакала, когда писала. Своими письмами она разрывает мне сердце. В них столько трагических переживаний покинутой женщины, столько пятен от слез и всего такого. Достаточно, чтобы почувствовать угрызения совести из-за того, что не любишь писать письма.

Думаю, я не брошу Бригитту ни за что. Но она явно не может понять, что в условиях нашей дневной загруженности очень трудно выкроить минутку для написания писем.

Воскресенье – день, который я не забуду. Франц, Карл и я поехали в Гамбург.

Ганзейская столица – шумная, грязная, дымная и деятельная. Вечером Карл захотел посетить знакомый кабак в Санкт-Паули.

Этот ночной клуб близ пристани Ландунгсбрюкен фактически был борделем. Вся его атмосфера наводила жуть. Едва мы ступили туда, как были ангажированы тремя хозяйками. «Хозяйки» – их точное определение, так как их целью было обеспечить нам гостеприимство в своих постелях.

Очень трудно было отказать им в напитках, которые они так любезно предлагали захватить с собой.

Через несколько мгновений одна из этих грациозных фрейлейн легкого нрава попыталась обвить мою шею руками. Я мягко отстранился. Не привык к фамильярностям такого рода.

С другой стороны, Франц и Карл, казалось, уступали им с отталкивающим видом отсутствия разборчивости. Я захотел пресечь это. Мне не нравятся такого рода пошлые забавы.

Я встал и сказал:

– Пойдемте, парни? Хотелось бы подышать свежим воздухом.

Франц сразу поднялся, однако Карл, уже прилично набравшийся, глядел на меня мутным взглядом.

– Но здесь хорошо! – возразил он.

Он повернулся к своей роковой женщине и добавил:

– Да и Грета очаровательна! Ты ведь ласкова, правда, Грета? У тебя чудные волосы, прелестный ротик и груди, крошка…

Он заходил далеко, и наступил момент действовать. Я подал знак Францу, и мы попытались взять Карла под руки. Но девицы не желали сносить это. Одна из них вскочила и заголосила:

– Оставьте его в покое, болваны! Раз вы еще не мужчины – хотя в вашем возрасте пора ими быть, черт возьми, – то зачем мешать ему забавляться, если он хочет?

Все остальные в комнате уставились на нас насмешливыми взглядами. Нашему благоразумию и достоинству студентов государственного учебного заведения был нанесен серьезный урон.

Я побледнел и с трудом сдерживался. Но старался отвечать спокойным голосом:

– Вы не видите, в каком состоянии мой приятель? В общем, нам нужно вернуться в казарму.

– Только послушайте его! Приятель, оказывается, не в норме. И пришла нянька, чтобы забрать его домой, да будет благословенно ее доброе сердце! Вы скорее просто компания напуганных юнцов, которые не знают, как себя вести, когда находятся рядом с женщиной.

Девица расхохоталась вульгарным хриплым смехом, обнажив порченые зубы.

– И еще хотят построить с такими сосунками новую Германию! Если бы фюрер увидел сейчас вашу дрожь, он, конечно, наградил бы вас Железным крестом 2-го класса!

Теперь настала моя очередь отвечать в ее духе.

– Фюрер, – сказал я, – категорически запрещает любому члену гитлерюгенда мараться совокуплением с такими шлюхами, как вы!

Девица промолчала. С раздраженным лицом она вертела головой, ища поддержки со стороны своих компаньонок.

Однако они, видимо не желая скандала и прибытия полиции, предпочитали держать язык за зубами.

Мы снова подхватили Карла, который явно находился в полусне, и вывели его – не без труда.

В борделе его мутило, снаружи ему стало немного легче.

Таксист довез нас до вокзала, откуда мы вернулись, как могли, в Плён.

Заканчивался 1938 год.

Позавчера мы отмечали в большом арсенале Рождество. Там

присутствовали все студенты нашего учебного заведения, и каждому из них предназначались кусочек гуся, полбутылки вина, вдоволь пирожных и конфет, а также речь штандартенфюрера СС Курта фон Берштольда, директора НАПОЛА, и фото, на котором обмениваются рукопожатиями Шир и Геббельс.

Елку украсили сотнями разноцветных электрических лампочек и в полночь включили их.

Думаю, многие из нас, должно быть, вспоминали рождественскую песенку из детства:

Stille Nacht,
Heilige Nacht…

(Тихая ночь, святая ночь…)

Карл, Франц и я по-глупому обнялись.

Уединившись в углу зала, мы взялись за руки и поклялись той ночью быть верными нашей дружбе, что бы ни случилось.

16 марта 1939 года. Зима постепенно подходила к концу. Месяц прошел за месяцем, день за днем. Зимний сезон следовал своей природе: поля освобождались от снежного покрова, таял лед, сковывавший реки, лютики поднимали головки. Наступала весна…

Мне только девятнадцать лет.

Это вряд ли кому-либо интересно, но чрезвычайно важно для меня, ибо предстоящий год, несомненно, решит мое будущее.

Еще в прошлом месяце штандартенфюрер СС фон Берштольд собрал нас на парадном плацу, чтобы сообщить нам важные новости.

Он сказал, что по критерию успеваемости будут отобраны тридцать студентов, которые пройдут курс обучения в Орденсбурге. (Полное название Блуторденсбург (цитадель чистоты крови) – образовательный центр нацистского режима, где готовили будущую элиту Германии. – *Ред.*)

В этом списке мы трое.

Отобранным студентам дается два дня для того, чтобы принять или отвергнуть предложение, потому что в Орденсбург должны ехать только добровольцы.

Мы переглянулись. Минута – и решение принято.

Мы согласились.

Глава 5
ФОГЕЛЬЗАНГ

Замок Фогельзанг, апрель 1939 года. Орденсбург помещается в старом средневековом замке на берегу небольшого горного озера посреди Айфеля. (Айфель (Эйфель) – часть Рейнских Сланцевых гор к северу от р. Мозель на западе Германии. – *Ред.*)

Окрестности весьма живописны. Небольшие долины, сосновые рощи и равнины, простирающиеся до Ахена.

Позади замка густой лес. Из каждой комнаты слышен шум стремительных горных потоков, несущихся вниз.

Здесь, в Фогельзанге, рай для юнкеров (дворян).

Такой рай, однако, не сулит бессмертия. Сразу за флигелем располагается кладбище впечатляющих размеров с тысячами могильных холмиков, поросших цветами. Черных крестов и мемориалов больше, чем на поле боя.

Очевидно, в Орденсбурге производят много смертей.

Нам нужно было провести три месяца предварительной подготовки в Кроссинзе. Но шестерых из нас благодаря отличным характеристикам гитлерюгенда направили прямо в Фогельзанг.

Здесь мы будем проходить трехмесячный подготовительный курс. То есть в этот период нас надо было считать не студентами, но «наблюдателями на инструктаже».

Прежде чем быть принятым в юнкеры, вам должно исполниться по крайней мере двадцать пять лет и вы должны иметь опыт партийной работы.

По прибытии мы подверглись тщательному медицинскому и расовому обследованию. Возможно, этого не будет в двух других замках, где нам придется провести некоторое время.

На впечатляющем мероприятии присутствовали два майора медицинской службы, комендант замка и около десяти человек в белых халатах.

Нас это мероприятие не особенно впечатлило.

Мы подверглись осмотру в совершенно голом виде разными инквизиторами, которые также с пристрастием допрашивали нас.

Всем этим господам пришлось ознакомиться с захватывающими сведениями о том, что меня зовут Петер Нойман, что родился я 16 марта 1916 года в Гамбурге, что мой рост составляет 180 сантиметров и что я хорошо сложен и светловолос.

На одном из этапов мне пришлось стоять перед господином в штатском костюме, который неожиданно вперил взгляд в мой нос

и изрек:

– Имеете ли вы родственников евреев или еврей сами? Ваш отец еврей? Ваши родители работали когда-нибудь на евреев?

Мне показалось это странным, потому что те же самые вопросы мне задавали много раз в течение последних нескольких лет.

Я принял беспечный вид и дал отрицательный ответ.

– Имеете ли вы судимости?

– Нет.

– Занимались ли вы когда-нибудь политической деятельностью, не отвечающей партийным установкам?

– Нет.

Удовлетворившись ответами, инквизитор отослал меня к следующему дознавателю.

– Чем болели?

Что тут скажешь? Я назвал наугад корь, скарлатину и прочие детские недуги.

Затем последовали проверки зрения, зубов (отмечался малейший признак появления кариеса), измерения веса и грудной клетки, рентген.

В конечном счете во мне не обнаружили ни тени врожденных дефектов или признаков потенциальных расстройств.

Мы с Францем остались очень довольными тем, что нас оценили достойными посещения лекций по внушительному курсу чистоты крови. Я говорю «мы с Францем», потому что беднягу Карла отослали в Кроссинзе. Он не выдержал проверки и не получил разрешения ехать прямо в Айфель.

Этим утром мы слушали лекцию о происхождении свастики и причинах принятия ее в качестве символа национал-социализма.

С кусочком мела в руке молодой профессор в мундире СС пояснял:

– Цифра семь у древних, как и в германской мифологии, была знаком успеха и процветания. Здесь две семерки.

С этими словами он написал на доске две цифры, затем снова повернулся к нам:

– В рунических письменах цифра семь имела в дополнение к известной форме горизонтальную черточку снизу направо. Таким образом, – продолжал он, – мы получаем две составные части свастики. Если теперь мы наложим одну цифру на другую в виде креста, то получим полную свастику. Как видите, она выражает символ двойного успеха. Само слово «свастика» из древнего индийского языка («су» – «прекрасный», «асти» – «быть» (*санскр.*) – *Ред.*) и тоже означает успех и процветание.

Все это вызывало большой интерес. То, что последовало далее, было еще интереснее.

– Фюрер, – объяснял профессор, – пришел к идее свастики, когда был ранен и наполовину ослеп в результате атаки отравляющими газами на фронте. Он лечился в госпитале в городе Пазевальк в Померании. Фюрер рассказывает, что как только военные врачи сняли с его глаз повязку, то он увидел прежде всего каменную свастику, выложенную на арке прохода в палату, в которой он лежал. Через несколько месяцев, 8 августа 1918 года, узнав, что наш фронт прорван англо-французскими войсками, он понял, что война проиграна. В этот день он поклялся отомстить за оскорбление, нанесенное флагу германского рейха, и решил принять свастику в качестве символа своего зарока.

Мы слушали с неослабевающим вниманием. Эсэсовец снова повернулся к доске и начертил несколькими штрихами партийный символ.

– Однако наш фюрер не верит в амулеты и прочие предрассудки. Поэтому он взял крест и создал настоящую свастику, то есть вечный знак силы и разрушения у древних.

Профессор спустился по ступенькам, которые отделяли его стол от класса, и направился к нам.

– Свастика Гитлера позднее была изогнута на партийных повязках и знаменах, чтобы символизировать неумолимое вращение колеса судьбы. Нацистский крест поместили в белый круг, выражающий чистоту, а сам круг вставлен в алый прямоугольник, подчеркивающий пролетарское происхождение НСДАП.

Он взял паузу, постоял в своих чисто начищенных ботинках, как бы сосредотачиваясь.

– Хотя слово «свастика» индийского происхождения, это чисто германский символ. (Свастика как символ присутствует у всех индоевропейских народов, в том числе у славян (одно из славянских названий – «коловрат»). Вместе с индоевропейскими колонистами и миссионерами (например, буддийскими и индуистскими) свастика проникла также в Китай, Индокитай, Японию и др. Но подчеркнем еще раз: родина свастики там же, где и прародина индоевропейских (арийских) народов – степи и лесостепи между Днепром и Алтаем, откуда индоевропейцы широко расселились и, в частности, захватили после 1600 г. до н. э. Индию, принеся туда свастику (а не наоборот). – *Ред.*) Она выгравирована на стенах многих замков Тюрингии и Саксонии. Она изображена на значках Вандерфогеля (молодежное движение до Первой мировой войны). Кайзер Вильгельм II приказал

изобразить ее на своем гербе, которым он отмечал свои личные достижения. И даже германский император Карл Великий приказывал вышивать свастику на одеждах придворных.

Он вернулся на место и, приняв вдруг суровый тон, заключил свое выступление словами:

– Вот почему вы должны чтить этот вечный символ единства и целостности нашей страны в любых обстоятельствах, а также защищать его ценой собственной жизни.

Боевая подготовка ужасает.

Вчерашним полуднем мы наблюдали ожесточенные бои между специально подготовленными эльзасскими псами и юнкерами.

Это происходило на широких степных склонах, спускающихся к озеру. Были привезены четыре клетки с собаками, и по сигналу открыли их дверцы. Собаки, как бешеные, бросились на наших кандидатов. У последних не было никаких средств защиты от разъяренных псов.

По условиям испытания, объекты нападения могут осилить собак благодаря специальной подготовке только через десять минут или около того.

Но если люди способны сдерживаться, то собаки нет. Одному из испытуемых собака вгрызлась в плечо, из поврежденной артерии хлестала кровь.

Он настаивал, однако, чтоб никто не трогал пса.

Я считаю это нормальным. Псы возбуждены, пока они не успокоятся, следует принимать возможные последствия.

Это своеобразное упражнение, которое способствует «формированию характера» в Фогельзанге.

Другое упражнение заключается в объездке лошадей.

Это происходит как на Диком Западе. Но есть разница: лошади – только дикие, потому что специально выращены такими.

На конных заводах Тюрингии отбираются очень молодые жеребцы. Специальный способ воспитания быстро прививает им агрессивные свойства, присущие их предкам. Цель упражнения состоит в том, чтобы укротить жеребцов одной мускульной силой, не пользуясь седлом. Я сам пытался позабавиться подобным образом.

Небольшой арабский жеребец, такой же породистый, как годовалый Тиршенройт, фыркал от нетерпения в предвкушении будущего хозяина. Или будущей жертвы.

Франц старался, как только мог, отговорить меня от этого самоубийства. Но за сценой с саркастическими улыбками

наблюдали около десяти «коричневых рыцарей». (Так называли студентов Орденсбурга, поскольку они представляли элиту коричневорубашечников, первых членов партии.) Я не собирался выносить их насмешки. Поэтому резко бросился на спину животного, схватившись одной рукой за гриву и стараясь поймать другой рукой уши несчастного животного.

Говорю «стараясь». Это походило на сидение в котле локомотива, который сбит с виадука бомбой. Прежде чем можно было посчитать до трех, я оказался на земле, гадая, какие слова нужно подобрать, чтобы оправдать мою неопытность.

Я определенно не готов быть тренером диких лошадей.

На прошлой неделе меня томила одна мысль: Штутгарт… Любой ценой я должен попасть в Штутгарт.

В последний раз я видел Бригитту более шести месяцев назад. Меня обуревало стремление целовать ее каштановые волосы, пахнущие пьянящими духами, и вдыхать ее аромат, аромат свежей, здоровой девушки.

К сожалению, Штутгарт находится почти в трехстах километрах от Фогельзанга. К тому же добраться туда можно было, сменив поезда два-три раза. Триста километров туда и триста обратно. Это будет трудно сделать за один день, особенно в воскресенье.

А воскресенье – наш единственный свободный день.

Но я должен попытаться, и предложил Францу съездить вместе со мной. Его реакция меня не обрадовала.

– Ты что, псих? Шестьсот километров туда и обратно, полдюжины пересадок с поезда на поезд и возвращение сюда к перекличке. Это совершенно невозможно.

Возможно или нет, но я сгораю от нетерпения почувствовать губы Бригитты, еще сохраняющие тонкий вкус спелой смородины, который я так люблю.

– Не беспокойся, я все уже продумал! – ответил я.

На самом деле я ничего не продумал, и мне придется как можно скорее заняться этой проблемой броска по пересеченной местности.

И вот в воскресенье, в три часа утра, мы оказались на небольшой лесной дороге, ведущей в Цюльпих.

Как нам попасть на вокзал, находящийся на расстоянии двадцати километров от нас, до прибытия автобуса на Бонн? Это другая история.

Орденсбург мы покинули в полночь, попросив кого-то откликнуться за нас на 9-часовой перекличке.

Мы отнеслись к этому без особой тревоги. Воскресные утренние переклички, как правило, не строги.

Труднее всего было не привлечь к себе внимания часовых, охраняющих главный вход в Орденсбург. Нам пришлось взобраться на вал и перебраться через ров по заброшенному мосту, заросшему сорняками и шиповником. Фогельзанг – настоящий средневековый замок, вполне подходящий для какого-нибудь впечатляющего фильма.

Далее надо было пробраться через лес, заботясь о том, чтобы двигаться в правильном направлении, потому что в глубине леса уже располагается граница с Бельгией.

Через три часа хождения по пересеченной местности через густой подлесок, лес и распаханные поля мы прибыли как раз в тот момент, когда автобус на Бонн скрылся за горизонтом. Ничего не оставалось, кроме как плюхнуться на скамью железнодорожного вокзала и ожидать поезда в семь тридцать.

К сожалению, в половине седьмого платформу заполнила шумная толпа местных крестьян, направляющихся в Бонн или Кобленц со своими пакетами, клетями с гусями, цыплятами и даже поросятами. Все это, без сомнения, предназначалось городским родственникам. Сидеть в поезде среди этого скопления разнообразных плетеных корзин, чемоданов и мешков, среди суетящейся, орущей и смеющейся публики было не просто.

Бонн был первым местом пересадки. Подземные переходы гулко отзывались на топот ног пассажиров, спешивших, как и мы, поймать экспресс на Карлсруэ. Экспресс с замечательной точностью отошел в положенное время. Через несколько часов мы снова сделали пересадку. В два часа дня мы прибыли наконец в Штутгарт.

Обстановка в городе спокойная. Очевидно, горожане еще не начали сезон своих обычных воскресных экскурсий. Городские автобусы были пустыми. Франц, прижавший нос к стеклу, должно быть, считал, что дело сделано. Он вдруг повернулся ко мне и заявил, что не собирается сопровождать меня к дому Бригитты. Мы договорились встретиться в семь часов вечера на Главном вокзале.

Он вышел на первой остановке, решив провести полуденное время в каком-нибудь из кинотеатров. Удачи ему… Трясущийся автобус продолжил свой путь с неприятным металлическим скрежетом, и через несколько минут я тоже выбрался из этой жестяной колымаги на углу Шарлоттенплац и Неккарштрассе.

Нечто, о чем я до сих пор не подумал, вдруг заставило меня покрыться холодным потом. Что, если Бригитты не окажется дома?

И даже если она дома, там будут и ее родители! Как я смогу избавиться от них и остаться с ней наедине?

Городской район производил угнетающее впечатление. В нем царила безотрадная, мрачная атмосфера, почти зловещая. Длинные ряды убогих, однообразных домов с балконами, увитыми плющом. Всюду маленькие мишурные магазинчики.

Урбанштрассе, 37.

Я позвонил в дверь и через несколько секунд услышал звук хлопающих ставен над головой.

– В чем дело?

– Фрейлейн Халстед, пожалуйста.

– Она здесь живет. Чего вы хотите, герр?

– Я ее друг. Хочу увидеться с ней.

Глубоко внутри я не был уверен в себе. Как меня примут ее родители? Если бы они только знали! Любовник их дочери пришел навестить ее, словно настоящий жених.

– Входите, герр! Второй этаж направо, – пригласил голос.

Дверь открылась автоматически. Я поднимался по ступенькам, прикидывая, что я им скажу. Через секунду или две я столкнулся лицом к лицу с Бригиттой. Покраснев в смущении, она представила меня пожилой паре, глядевшей на меня подозрительно.

Казалось, моя форма их удивляла. Странные люди. Они выглядели встревоженными, почти испуганными. Затем я вдруг понял почему.

– Петер Нойман, старый школьный друг, – сказала Бригитта.

– Рады видеть вас… герр, – с трудом выговорил герр Халстед.

– Герр Халстед, извините за то, что помешал вам завершить воскресный обед, но мне не часто приходится проезжать через Штутгарт. Хочу провести с Бригиттой послеполуденное время. Вы не будете возражать?

Старик повернулся к дочери:

– Конечно, если Бригитта хочет. Но я…

– Да, папа, – прервала его Бригитта. – Все в порядке. Во всяком случае, мне не хочется гулять с Ханной. Скажи ей, что ко мне пришел гость и пригласил меня на прогулку. Через минуту я буду готова! – добавила она с лучезарной улыбкой в мой адрес.

Через десять минут мы спустились по лестнице. С улицы Бригитта помахала рукой родителям, которые наблюдали, как мы уходим. Я сдержанно держал ее под руку, как подобает достойному школьному товарищу.

Когда мы повернули за угол, я обнял и поцеловал ее.

– Бригитта! Милая… Как долго я ждал этого момента.

Ее губы прижались к моим. Затем поцелуй прервался, и она улыбнулась:

– Петер, родной! Я так хотела тебя увидеть. Месяцами я

ждала, что ты придешь!

Я наклонился к ней.

– Ты хочешь этого?

Она слегка покраснела и моргнула в знак согласия.

Мы отправились в небольшой отель на Ольгаштрассе. Регистратор окинул нас удивленным взглядом, вероятно поражаясь нашей молодости или моей форме. Я чувствовал себя неловко, оплачивая номер. Что касается Бригитты, то она покраснела и отвернулась, чтобы скрыть свое смущение.

Женщина-привратница повела нас вверх по лестнице. Мы шли за ней, взявшись за руки. Я едва сдерживал безумное желание рассмеяться. Должно быть, мы выглядели весьма непристойной парой!

Как только за нами закрылась дверь, Бригитта сняла туфли и легла на кровать. Я сел рядом с ней. Она часто дышала.

– Петер. Я так тебя люблю.

Время пронеслось невероятно быстро.

Но с приближением вечера я не мог не спросить ее о том, что беспокоило меня с начала полудня.

– Твои родители, случаем, не евреи?

Она пристально посмотрела на меня, затем побледнела.

– Да, Петер. Я хотела тебе сказать об этом как-нибудь, но какое это имеет значение?

Слезы навернулись на ее глаза.

Я запустил руки в густые волосы Бригитты и повернул ее лицо к себе.

– Никакого, Бригитта. Я люблю тебя.

Часы показывали уже пол седьмого. Пора было возвращаться.

Я проводил ее домой и за несколько минут до семи обнаружил Франца в большом волнении. Он неистово махал рукой со ступеньки вагона поезда, который собирался вот-вот отойти.

В два часа утра мы наконец вернулись в Фогельзанг.

Согласно вчерашним приказам, нам больше нельзя пользоваться умывальниками.

Надлежало пробегать два километра и купаться в горной речке.

Приказы высшей инстанции всегда направлены на то, чтобы закалять наши характеры. Однако те, кто издает такие приказы, сами явно не испытывают желания морозить свои пупки в глубине леса.

По мнению ветеранов, мы еще ничего не видели. Их уже лишали сигарет на долгое время. В июле прошлого года порцию

еды уменьшили вдвое на целый месяц в наказание за какое-то нарушение дисциплины. Прошлой зимой их будили по ночам для проведения занятий в глубоком снегу.

Да, «коричневые рыцари» знали, что их ждет, перед тем как ехать в Орденсбург. Но все равно…

«Железная дисциплина. Полное подчинение», – гласят лозунги. Партия недаром заботится о том, чтобы кадет сбросил с себя груз гражданского прошлого. Сбросил все, даже свои долги, неоплаченные налоги. Партия гарантирует их оплату. Цель этого фактически заключается в том, чтобы освободить будущих юнкеров от любых связей с прошлой жизнью. Мелочные материальные проблемы не могли отягощать или служить препятствием тем, кому суждено управлять Германией. Их семьи получают ежемесячные приличные субсидии, от ста до трехсот марок, в зависимости от обстоятельств.

Сегодня групповые упражнения и практика стрельбы из пулеметов.

Инструкторы говорят, что будем стрелять боевыми патронами.

Нам выдали стальные шлемы, командиры подразделений получили приказы, рассредоточили по опушке леса атакующие группы.

Вырыли окопы нужного профиля. Приказы ясно давали понять, что окопы не должны быть заметными для вражеских разведчиков. Их следовало замаскировать, поэтому рабочая команда до утра подвозила специальные сетки и ветки деревьев.

Чтобы создать дополнительные трудности, на условной «ничейной» полосе протянули проволочное заграждение. Тем, кому предстояло его резать, выдали ножницы для проволоки.

Резать проволоку под огнем боевыми патронами. Это уже кое-что!

Сигнальная ракета вспыхнула, затем медленно погасла.

Зеленая ракета. Вот сигнал, которого мы ждали.

Начали ползти по-пластунски на территорию красных – нашего противника.

Мы не проползли и сотни метров, как в нескольких метрах замаячило проволочное заграждение, а когда пулеметы повели огонь длинными очередями, в ушах зазвучал свист пуль.

– Прижимайтесь к земле, дурни! – заорал руководитель учений с черной повязкой группе в полдюжину придурков, бежавших к колючей проволоке.

Внезапно вокруг нас все загрохотало, одни снаряды рвались, другие с воем приближались. Артиллерийский обстрел!

Мы с открытыми от изумления ртами глядели друг на друга.

Дело действительно приобретало серьезный оборот! Стараясь определить, откуда именно исходил грохот, я вдруг понял. В кронах деревьев спрятали громкоговорители, и мы слышали лишь звуковой эффект реального сражения. Ну, как в кино!

Мы преодолели проволочное заграждение.

Целью нашей атаки было два пригорка. Один мы взяли. Другой оборонялся более упорно. Два «коричневых рыцаря», которые опрометчиво подняли головы, были подстрелены.

Пронзительные стоны от боли, крики и ругань командиров отделений, санитары… В мгновение учения прекратились.

Позже мы узнали, что один из парней умер на пути в лазарет. Состояние другого парня, раненного в глаз, было критическим.

Этим двум парням не повезло – и всем нам в связи с этим, – поскольку им предстояло на следующей неделе завершить обучение в Фогельзанге.

Вчера нам оказал большую честь своим посещением один из руководителей рейха Рейнхард Гейдрих.

Он сделал нам смотр и заявил, что удовлетворен нашей военной выправкой.

Гейдрих выглядит поразительно молодым для такого поста и очень высок. На нем палевый мундир, на боку – длинная сабля с серебряными кисточками.

Он произнес перед нами грозную речь, перемежавшуюся довольно непристойными ругательствами и угрожающими жестами поднятым кулаком.

– Время колебаний кончено, – разбушевался он. – Очень скоро мы начнем войну за освобождение, борьбу за жизненное пространство. Мы должны победить, и мы победим. Германия сейчас достаточно сильна, чтобы одолеть те страны, которые посмеют сопротивляться ее справедливым требованиям…

Его красноречие приветствовало массовое «Зиг хайль!».

Мы прошли парадным шагом с равнением налево и пением «Treue und Treue» («Верность! О, верность»).

Глава 6
ЗОНТХОФЕН

28 августа 1939 года. Замок Зонтхофен. В течение двух последних дней немецкие десантники вели бои с польскими парашютистами, напавшими на радиостанцию в Глейвице. (Грязная провокация, организованная немцами, – нападение изображали немецкие уголовники, переодетые в польскую военную форму. Позже их ликвидировали. А немецкие спецподразделения, не получившие от фюрера в последний момент распоряжения об отмене первоначального приказа о начале боевых действий, вели бои на границе с Польшей с 26 августа. – *Ред.*)

По общему мнению, в течение нескольких дней Польша будет стерта с географической карты.

Западные державы, несмотря на гарантии правительству Варшавы, разумеется, не посмеют начать наступление. Они снова постараются найти компромисс.

Наш фюрер определенно великий дипломат.

Кроме того, вся Германия поняла, что пакт, подписанный с Россией 23 августа, заставит Англию и Францию хорошенько подумать.

Зонтхофен сильно отличался от Фогельзанга.

Замок расположен среди величественного горно-лесного ландшафта, у подножия гор на юге Алльгой (географическая область на юге Баварии восточнее Боденского озера. – *Ред.*).

Высокий серый фасад замка гордо возвышается над долиной. Здесь необычная атмосфера – величавая, суровая, возвышенная, великолепная.

Но преобладает железная дисциплина.

Около двадцати человек из нас прибыли из Мюнхена. Как только вышли, попали под команду партийного инструктора в черной повязке, который отнюдь не выглядел добродушным.

– Строиться здесь! Поторапливайтесь! Давайте, шевелитесь!

Когда мы построились позади, он заорал, как сумасшедший:

– К воротам! Налево! Шагом марш. Левой-правой, левой-правой, левой-правой…

Нам показали, где мы будем спать по восемь человек на комнату – на нарах в несколько ярусов. Из широких окон эркеров открывается великолепный вид.

Через два часа после нашего прибытия началось

предварительное опрашивание. Теперь мы были к этому привычными.

В этот первый вечер мы с Францем смотрели, опершись локтями на парапет, на долину. В отдалении виднелись городок Имменштадт-им-Алльгой и озеро (Альпзе. – *Ред.*). Горизонт простирался до Черного хребта (горная гряда севернее, высота до 1118 м. – *Ред.*).

– Подозреваю, что это не будет просто пикником, – пробурчал Франц.

– Ну, можно ко всему привыкнуть. Во всяком случае, нам придется чем-то пожертвовать, если мы хотим получить достойную работу в партии.

2 сентября 1939 года. Танковые дивизии вермахта наступают на Варшаву.

Фюрер проигнорировал ультиматум западных держав.

Это – война.

Новости, приводящие в трепет. Началось сражение с международным еврейским капитализмом, который пытается воспрепятствовать нашему прогрессу!

Штурмбаннфюрер СС Гризель, комендант Орденсбурга, собрал всех нас на просторном внутреннем дворе, на самой верхней из трех террас.

– Товарищи! – начал он дрожащим от волнения голосом. – Вы слышали новости. Англия и Франция оказались достаточно неразумными, объявив нам войну (Англия и Франция объявили войну Германии 3 сентября. – *Ред.*). В стране мобилизация. С этого дня мы должны посвятить конечной победе всю свою энергию. Но ваши сегодняшние обязанности состоят не в боях на границах. Нет, нужно закончить обучение здесь и так, чтобы в то время, когда вы примете участие в битве, у вас была полная политическая, военная и стратегическая подготовка, которая позволила бы вам уничтожить врагов.

Подняв высоко обе руки, Гризель заставил умолкнуть многоголосый шум.

– Товарищи! Вы будущие офицеры армий, которые завтра займут Лондон и Париж. Готовьтесь быть достойными доверия, которое оказывает вам страна!

Воспользовавшись несколькими часами отдыха, мы с Францем зашагали по лесной дороге, ведшей в Хинделанг.

– Все равно это смешно, – сказал вдруг Франц, улыбнувшись.

– Что смешно?

– Решение Франции и Англии заступиться, – продолжил он, поворачиваясь ко мне. – Когда начинаешь думать об этом, хочется

верить, что нацизм родился благодаря им!

Я покачал головой, поджав губы.

– Мм… полагаю, ты имеешь в виду Рейнскую область?

Отведя руки за спину, он стал говорить сам с собой, словно был один:

– В 1918 году обстановка для нас складывалась паршиво. Народ был на пределе. Идея революции носилась в воздухе. Государственный долг из-за расходов на войну страшно вырос. Торговля переживала застой. – Он вытянул губы. Размышлял. Затем снова заговорил: – Возможно, если бы французы сыграли тогда свою партию в карты правильно, это привело бы к окончанию традиционной вражды.

– Но это было бы прискорбно, – вмешался я. – Я имею в виду потерю Эльзаса и Лотарингии, а также многого другого.

На его лице появилась ироническая усмешка.

– К счастью для нас, во Франции имеются блестящие государственные деятели. И уйма дальновидности и интуиции. Им было достаточно малейшего повода, чтобы вновь оккупировать Рейнскую область и установить свою администрацию на шахтах. Так они оправдывали это.

Я бросил на него удивленный взгляд. Мне самому довелось подробно изучать этот вопрос, но не приходило в голову, что Франц, мечтатель, тоже интересовался этим.

– Итак, механизм был запущен, – возобновил монолог Франц. – 11 января 1923 года французы двинулись из Вуппераля в Висбаден. 26 января правительство Куно санкционирует всеобщую забастовку. Рабочие, лишенные средств к существованию, толпятся у заводов и шахт. Для подавления забастовки французы посылают войска. Главным образом отряды сенегальцев.

Незаметно для себя мы заходим глубоко в лес Хинделанга. Над нами поют птицы. Мы присели на мшистый ствол дерева. Я вынул пачку сигарет и предложил ему одну.

– С этого момента французы потерпели поражение. – Он усмехнулся, беря сигарету. – И все же в то время умы, оглушенные войной, были почти готовы принять эволюционную политику франко-германской дружбы.

Он наклонился прикурить, затем выпрямился, выпустив облако дыма.

– Но старая вражда возобновилась. Еще сильнее, чем прежде. Потому что наш народ не мог принять унижение в связи с передачей Рейнской области под власть чернокожих войск (французские части, набранные из африканцев. – *Ред.*). Хуже того. На этот раз французы, которые никогда не упускали случая

обвинить нас в вероломстве, преднамеренно нарушили различные договоры и соглашения. Даже их бывшие союзники осудили действия Пуанкаре – американцы, англичане и канадцы. Не говоря уже о том, что выразили протест Швейцария и Ватикан.

В подлеске дул прохладный ветер с гор. Мы поднялись и пошли дальше.

– Мне известно окончание этой истории, – пробурчал я. – Нищета, а для ее преодоления печатание огромной массы бумажных денег. Словом, инфляция. Со всеми последствиями, внутренними, социальными и экономическими угрозами. Германия неумолимо двигалась теперь к пропасти.

– И Пуанкаре мог праздновать победу!

Мы дошли до тройного ряда заграждений из колючей проволоки, который окружал Орденсбург. Перед нами лежала вся горная цепь за городом Оберстдорф, под ногами мелькали красные крыши городка Зонтхофен. Далее в лучах заходящего солнца сверкала изумрудно-зеленая, длинная полоса озера западнее городка Имменштадт-им-Алльгой.

Франц умолк. Казалось, унесся в мечтах вдаль.

Внезапно он повернулся ко мне:

– Я балаболил, словно воспроизводил урок, который прослушал. Но это правда, Петер. Помнишь разговоры, которые мы, бывало, вели в школе? Ты говорил, что человек должен обладать силой для достижения цели в жизни, что у него должна быть какая бы то ни было задача. Для того чтобы понять это, мне понадобилось много времени. Я много читал. И теперь понимаю, почему мы должны безоглядно следовать за фюрером. Он один нашел в себе мужество подняться над хаосом в Германии. Именно в то время он реально вступил на путь борьбы, которая должна была привести его к власти. Благодаря этому времени и этому хаосу он достиг того, чем сейчас является.

Я слегка улыбнулся:

– Итак, ты думаешь, что оккупация Рейнской области французами стала реальным исходным пунктом развития национал-социализма? Именно они создали нацистское движение? Мы должны их вечно благодарить за это, так?

– Я не захожу так далеко, – возразил он с улыбкой. – Но уверяю тебя, что здесь больше, чем крупица правды.

Инструкторы НСКК учат нас вождению бронетранспортеров «Бенц» на любой местности, а также их содержанию и ремонту (НСКК – National Sozialistische Kraftfahr Korps (Нацистское объединение автомобильных водителей и инженеров). – *Ред.*).

Огромные машины, ревущие и грохочущие, продвигались по

лесным дорогам. Часто встречаются болота, и нам нужно использовать весь свой ограниченный опыт, чтобы не увязнуть в трясине.

Инструкторы НСКК учат нас также вождению танков на любой местности. Сидя в броневой махине весом почти в 15 тонн (скорее всего, это были устаревшие Pz I весом несколько более 5 тонн. – *Ред.*), мы пробиваемся через лес по едва заметным лесным дорогам, которые ведут к перевалу почти в 1200 метров над уровнем моря. Сначала берем склоны под тридцать градусов на полной мощности двигателя.

Из Берлина поступили, должно быть, новые указания. Обучение становится все более и более жестким, даже жестоким.

С сентября число смертей в результате несчастных случаев увеличилось до тридцати двух.

Как и в Фогельзанге, кладбище Зонтхофена постепенно заполняется могилами, усыпанными цветами.

Слабые здесь обречены. Лишь те, которые выживают, смогут образовать часть национал-социалистической элиты.

Когда инструктор издает резкий свисток, мы должны приступать к рытью окопов за определенный отрезок времени.

Нас около дюжины, у каждого лопата. Мы начинаем копать как угорелые. Ведь перед нами стоит в ожидании десяток бронетранспортеров «Бенц», их двигатели медленно работают на холостом ходу.

У нас двадцать минут на то, чтобы вырыть себе убежище, которое спасет жизнь. Здесь каждый за себя. Мы больше не товарищи.

Мой взгляд сосредоточен на лопате, которая кажется неимоверно тяжелой. Я отбрасываю огромные ломти земли. Яма медленно расширяется, слишком медленно, ужасно медленно. Начинают болеть ладони. От жесткой рукоятки лопаты сходит кожа на пальцах.

Не важно, я должен копать, копать и копать.

Слышу работу двигателя поодаль, зловещий и страшный рев.

Началось! Они пришли в движение, продвигаются прямо на меня. Водителям приказано не обращать внимания ни на кого, ни на тех, которые замешкались, ни на тех, которые оказались на пути по глупости. Они неумолимо с грохотом наползают на наши одиночные окопы.

Парни с дикими криками бросаются в вырытые ямы, зарываясь в землю, погружая лица в сырую глину. Передо мной «Бенц» громыхает, как какой-то монстр в кошмарном сне. Двигатель бронетранспортера, который качается из стороны в

сторону, ревет. Машина растет, растет и растет…

Они проходят над нами.

Некоторые из парней, несомненно, погибли.

Но трусов нет.

Так мы учимся мужеству – с риском для жизни.

Нам сказали, что мы не будем учиться в Мариенбурге (современный Мальборк в Польше. В прошлом (с 1309 по 1456 г.) был столицей Тевтонского ордена. – *Ред.*).

Первоначальный замысел заключался в том, что на следующем этапе мы переедем в Мариенбург для инструктажа по широким политическим, экономическим и стратегическим проблемам, порожденным соседними территориями Польши и Белоруссии (Белорусской ССР в составе СССР. – *Ред.*).

Возможно, отмена занятий как-то связана с подписанием нами пакта с СССР.

Лишь «коричневые рыцари» из Зонтхофена будут заканчивать обучение в Восточной Пруссии. Таким скромным «слушателям», как мы, остается трудовая повинность.

И это не очень приятная мысль.

Месяц назад мы начали новый курс занятий по биологии и органической химии, с факультативным изучением патологии и анатомии.

На экспериментах на морских свинках нам показывают действие различных видов отравляющих веществ и их поражающий эффект.

Мы узнаем также об опасном воздействии выхлопных газов. Наблюдали за собакой, помещенной в стеклянный контейнер, который соединяется с выхлопной трубой автомобильного двигателя. Она сдохла в течение нескольких минут.

Мы видели эксперименты с различными барбитуратами, металлоидами, веществами паралитического действия и другими милыми ингредиентами, предназначенными для уничтожения ближнего.

Одна вещь нас особенно поразила. Речь идет о том, с какой легкостью убивает обычный пузырек воздуха. Инъекция в вену нескольких кубических сантиметров воздуха быстро отправила другого пса в собачий рай.

Сейчас для нас больше не является секретом, что внутрисердечная инъекция бензола, фенола, бензина или скипидара обладает замечательным свойством отправления живого существа на тот свет.

Странно, что они внедряют в нас всю эту информацию. Но я

все же предпочитаю биологическую химию урокам анатомии, которые мы посещаем.

Трупы доставляются санитарной машиной из морга Брегенца (город на берегу Боденского озера. – *Ред.*).

Группами по шесть человек нас приводят в комнаты лазарета, которые временно отводят под кабинеты вскрытия трупов.

Пройдет много времени, прежде чем я забуду это мерзкое зрелище. Два мертвых тела, женщины и мужчины, лежали на столах, поставленных рядом.

Женщине было около пятидесяти лет, мужчина выглядел совсем молодым. Лежавшие в луже крови, они были вскрыты от подбородков до лобков. Их внутренности вылезли наружу. От трупов исходил отвратительный запах.

Профессор, молодой врач-эсэсовец, вероятно привыкший к такого рода вещам, весело погрузил руки в резиновых перчатках в этот несусветный ужас, перечисляя названия различных органов, один за другим.

Франц, стоявший рядом со мной, почувствовал дурноту, его пришлось вывести наружу. Другой парень упал в обморок там, где стоял, в полуметре от трупов.

Молодой врач просвещал нас во всех подробностях. Он ловко вскрывал ножом мужские и женские репродуктивные органы. Скрежещущий звук ножниц, разрезающих лобковые сращения, производил омерзительное впечатление. Просто потому, что мы не привыкли к этому.

Резкими движениями врач произвел сечения ноги трупа, и нас заставили поставить кровоостанавливающие зажимы на артерии. В случае сильного кровотечения процедура гораздо эффективнее простого наложения жгута, который, как объяснял нам инструктор, неудобен тем, что сдерживает и даже останавливает кровоток в конечности.

Этим все не кончилось. Врач-эсэсовец заставил нас снова прикоснуться к телам. Нам пришлось демонстрировать свои способности делать внутривенные инъекции.

Рука женщины дряблая, вялая и очень холодная. Не знаю, проходила ли игла в вену или застревала в побуревшей плоти. Знаю только, что впоследствии я потратил добрых полчаса, чтобы отмыть руки. В моем воображении все, к чему я прикасался, смердело и ощущалось как труп.

Зима. 1940 год. На Западе война. Или, точнее, она еще не началась.

Англия и Франция, в безумном стремлении нас уничтожить с целью помочь «бедной Польше», терпеливо ожидают своего часа

за линией Мажино.

Что касается Польши, то она некоторое время не упоминается.

Празднование 30 января, годовщины прихода нацистов к власти, в этом году было особенно торжественным.

Нам предоставили честь пройти парадным шагом перед фюрером в Мюнхене.

Весь город украсили флагами. Шагая гусиным шагом, мы прошли мимо трибуны, где рядом с канцлером сидели Герман Геринг, Геббельс, адмиралы Редер, Дёниц и несколько генералов, имен которых я не знаю.

Оркестр люфтваффе выстроился рядом с импозантной группой руководителей рейха, принимающей парад, и играл гимн «Хорста Весселя». Мы присоединились к пению, перед тем как пройти перед трибуной.

Весна. 1940 год. Несколько дней назад я явился в госпиталь.

Меня послал туда старший офицер медицинской службы, которого я встретил, когда первый раз прибыл в замок. Я вошел и остановился в ожидании.

Врач привел в порядок бумаги, разбросанные на столе, и встал.

– У меня к вам два вопроса, Нойман. Весьма важных вопроса.

Казалось, он колебался. Черты его лица выражали расположение и доброжелательность, но глаза были строги.

– Мы навели справки о вашей родословной. Вашей лично и семьи. Поздравляю. Вы истинный ариец. Мы проследили вашу родословную до XVIII столетия и убедились в том, что ваши предки чистокровные немцы.

Он прошелся вокруг стола и жестом предложил мне сесть в кресло. Я подчинился, несколько удивленный. Офицер подошел к шкафу с папками, порылся в них и наконец вытащил карточку.

– Между прочим, анализ крови показывает, что у вас вторая группа крови, – продолжил он, поворачиваясь ко мне. – Это чистая нордическая группа.

Он снова сел за стол, рассеянно играя карточкой из картотеки.

– Вы знаете, конечно, что существует несколько групп крови, Нойман, главные из них – вторая (А), третья (В) и первая (О). У людей, имеющих группу АВ, часто содержится еврейская кровь в венах. Группа О часто ошибочно считается универсальной группой крови, поскольку она может переливаться людям с любой группой крови.

О чем он? Не собирается ли он использовать меня в качестве

подопытной свинки в экспериментах по переливанию крови?

Офицер медицинской службы уставился взглядом в какую-то точку над моей головой.

– Вы, вероятно, знаете основные положения генетики, Нойман… Понимаете, что большинство человеческих особенностей, наряду с дефектами и изъянами, передаются каждому поколению посредством микроскопических элементов, называемых хромосомами в ядра клеток. Эти хромосомы или даже части хромосом и определяют, будет ли ребенок иметь папины голубые глаза, мамин рот или другие черты своих прародителей.

Его взгляд переместился на меня.

– Доказано, что несколько поколений могут сохранить и сохраняют те же способности – в искусстве, науке и т. д. Бах – продолжатель нескольких поколений музыкантов. Штраус, Бетховен, Рихард Вагнер также происходили из семей музыкантов. В другой сфере – династия Круппов, например, всегда одаривала Германию изобретателями и техническими гениями… Примеры многочисленны, и было бы утомительно приводить их далее.

Давая пояснения, офицер наблюдал за мной через свои очки без оправы. Его проницательный взгляд, казалось, оценивал мою понятливость, мой уровень интеллекта. Но он мог бы не утруждать себя этим предисловием.

Я все понимал.

Он сел и потер руки.

– С учетом этих фактов легко понять, что два расово чистых существа, с не смешанной арийской кровью, имеют все шансы произвести на свет ребенка, обладающего их характеристиками и здоровыми свойствами или, во всяком случае, изрядную долю этих свойств. В течение последних нескольких лет эти принципы получили практическое применение в выращивании чистокровных животных. На конных заводах обнаружено, что кобылица чистой родословной, спаренная с самцом-производителем тоже чистокровного происхождения, в девяти случаях из десяти дает чистокровное потомство. Это ключевое понятие. Чистокровность! Понимаете, вполне естественно поощрять производство совершенных видов животных. Чистокровность радует всех. Но люди в ужасе воздевают руки кверху при мысли о применении того же принципа к человеческим существам. Почему? Разве то, что справедливо для животных, не должно быть справедливым и для людей?

Он улыбнулся.

– По правде говоря, если бы мы достигли такого уровня

эволюции, который был бы достоин называться цивилизованным, то все это было бы излишним. Такие брачные союзы образовывались бы автоматически, как нечто само собой разумеющееся. К сожалению, человек еще не достиг совершенного состояния, позволяющего ему объективно диагностировать собственные ошибки. Сейчас является обычной практикой, когда какой-нибудь алкоголик после вечерней попойки совокупляется с алкоголичкой или, в худшем случае, с врожденной сифилитичкой, которая неизбежно произведет на свет урода. Ущербное существо, в свою очередь, произведет ущербное потомство. Задумайтесь на миг об этой пагубной прогрессии. В третьем или четвертом поколении появится масса ненормальных человеческих существ. Ими будут заполнены тюрьмы и приюты, и это не будет оскорблять наше нравственное чувство, никто не будет жаловаться. Разве это не чудовищное положение вещей?

Его лицо посуровело.

– В определенных вырождающихся и застойных странах считается ненормальным и даже негуманным то, что мы всеми средствами стараемся сохранить чистоту германской расы. Но разве не правительства этих стран проявляют слепоту и бесчеловечность, отказываясь хранить неповрежденным свое наследие? Не они ли преднамеренно разрушают свои собственные страны, мирясь с тем, что кровь их народов повреждена, испорчена и насыщена ублюдочными штаммами?

Он снова улыбнулся холодной улыбкой.

– Но, возможно, руководители этих стран считают очищение нашей расы опасным для себя.

Вошел санитар, держа в руке листок бумаги, который он положил на стол офицера. Тот взглянул на него и затем снова повернулся ко мне.

– Теперь о вас, Нойман. Мне прислали табели вашей успеваемости из Плёна, Фогельзанга и отсюда. Все прекрасно. Мы сможем кое-что сделать из вас. Думаю, вы догадываетесь, о чем я говорю. Уверен, что вы слышали о Lebensborn (буквальный перевод «источник жизни» – государственные учреждения по выведению чистой расы). Вас в числе пятерых ваших товарищей выбрали для поездки в Вестфалию. Наш фюрер, по советам Розенберга и Дарре, учредил эти питомники, в которых производится для Германии эта чистая, регенеративная кровь, так необходимая для будущего. Нам нужны такие молодые люди, как вы, здоровые, интеллигентные, испытанные и проверенные нацисты.

Я догадался, о чем идет речь. Как и все в гитлерюгенде, я

знал о существовании этих учреждений, но никогда не представлял себя в качестве потенциального жеребца. Все это забавляло меня, но в то же время тревожило. Меня озадачивали возможные последствия.

Перед моим уходом врач встал и по-дружески положил мне руку на плечо.

– Нойман, вам лучше не распространяться об этом. Не делитесь с другими о том, что узнали.

Через два дня мы пятеро сели на поезд, уходящий с центрального вокзала Мюнхена.

Франц не входит в нашу группу. Должно быть, обнаружилось, что он не представляет собой генетического стандарта.

Мы производим так много шума, что может показаться, будто на вокзале целый полк солдат. Со своими чемоданами и в черной форме мы, должно быть, выглядим школьниками, отправляющимися на каникулы. Только нарукавные повязки со свастикой выдают нашу значимость.

Компанию мне составляют Альбрехт Штайгер, Мартин Вольф, Курт Алленсен и Леонард Шпизельман. Все мы одного возраста и волнуемся как дети в связи с тем, что нас ждет впереди.

– Тебе какая нравится? – спрашивает Вольф, сидящий рядом со мной. – Мне – блондинка вот с такими грудями, – он делает соответствующий жест, – и такими бедрами – уф! Доставляет удовольствие даже воображать это.

Он дурачится, и делает это в совершенстве. Вполне убедительно. Но у меня нет определенного мнения по этому вопросу. Не представляю, как это будет происходить, хотя сомневаюсь, что буду иметь возможность выбирать партнершу так, как это делают в сомнительных заведениях.

Когда поезд отходит, мы высовываемся из окон и поем во всю мощь своих глоток.

Нюрнберг, Вюрцбург – станции проносятся мимо одна за другой. Вскоре покидаем Баварию и пересекаем зеленые поля Шпессарта (возвышенная (до 585 м) географическая область к юго-востоку от Франкфурта-на-Майне. – *Ред.*). Весна.

Во Франкфурте-на-Майне мы пересаживаемся на поезд, идущий в Кассель, где делаем пересадку на местный поезд, который тащится со многими остановками до города Марбург-ан-дер-Лан.

У вокзала нас поджидает небольшой «Фольксваген».

– Парни, вам до Шмалленога? Садитесь!

После двухчасовой поездки в авто мы оказываемся далеко в горах хребта Ротхаргебирге.

Шмалленог (очевидно, все же Шмалленберг. – *Ред.*) – небольшое селение, которое производит впечатление заново и полностью перестроенного поселка. Он состоит как из небольших двухэтажных коттеджей с балконами, увитыми виноградными лозами, так и из больших многоквартирных домов казарменного типа высотой в шесть этажей. Последние выстроены вокруг лужаек в виде подков.

Наш водитель и гид ведет нас к зданию современного типа, похожему на госпиталь. Может, это руководящий центр Лебенсборн?

Мы начинаем нервничать. Возбуждение и энтузиазм поездки сменяется серьезными опасениями в отношении нашего будущего.

Нас проводят в большой зал, где женщина в форме БДМ (Лиги немецких девушек, *нем.* Bund Deutscher Mädel. – *Ред.*) сидит за полированным столом для регистрации. Она интересуется нашими именами и документами.

Покончив с формальностями, она оглядывает нас.

– Оставьте здесь свой багаж и отправляйтесь в комнату номер 17. Первый коридор направо, вторая дверь.

Мы поступаем так, как сказано.

В комнате номер 17 нас встречает медсестра. Должно быть, ее предупредили о нашем приходе по внутреннему телефону, поскольку прежде, чем мы смогли открыть рот, чтобы сказать что-то, она отрывисто вымолвила:

– Раздевайтесь, пожалуйста. Вот ваши карты, каждому – своя. Ступайте по одному в кабинет доктора Нивски. Он осмотрит вас.

Когда наступает моя очередь показаться доктору, он внимательно изучает мою карту, оглядывает меня сверху донизу и начинает медицинский осмотр. Легкие, сердце, рентген, все заново. Затем особый осмотр ради цели, с которой мы сюда прибыли, если можно так выразиться.

Доктору, должно быть, около сорока. Это гладко выбритый мужчина, совершенно лысый, с сияющим черепом.

Вероятно, вполне удовлетворенный, он выпрямляется и говорит:

– Все в порядке. Теперь я хочу взять у вас пробы спермы.

Спермы? Что он имеет в виду? Где я ее возьму? Вдруг я осознаю. Должно быть, я выгляжу полностью обескураженным, потому что на его лице ироничная улыбка.

– Вот пробирка. Зайдите в кабинку, там вы останетесь в одиночестве.

Боже всемогущий! Что за сцена! Я заперт в кабинке не с чем иным, как со стеклянной пробиркой, зажатой самым нелепым

образом в руке. Лихорадочно думаю, как я справлюсь с этим.

У меня были подозрения, что жизнь в Лебенсборне будет довольно необычной, но до такого не додумался! Все же сидеть здесь весь день в состоянии отчаяния невозможно. Особенно когда нет реальных оснований так расстраиваться.

С трудом стараюсь переключиться на… другие мысли. Надо действовать.

После долгих и самоотверженных усилий мне наконец удается решить эту сложную задачу. Робко стучу в дверь комнаты для консультаций. Слышу, как задвигается ящик стола, когда меня просят войти.

– Закончили? Прекрасно. Вот наклейка. Приклейте ее к вашей колбе и поставьте ее на ту полку. – Доктор указывает на небольшой деревянный столик, где стоят другие колбы и склянки.

Я выполняю его указание.

– Теперь можно одеваться, – говорит он. – Все это пойдет на анализы. Когда оденетесь, идите снова к фрейлейн Хофдель, она скажет, что делать дальше.

Когда выхожу, вижу Альбрехта Штайгера и Аллензена, которые все еще ожидают встречи с доктором Нивски. Они спрашивают:

– Как там?

Я говорю с видом некоторого превосходства:

– Просто некоторые формальности. Сами узнаете, довольно интересно.

В тот же вечер мне предлагают идти в рекреационное помещение.

В связи с этим понимаю, что медосмотр дал положительные результаты. Я выдержал испытание.

Рекреационное помещение с большим камином и тонированными стеклами окон напомнило мне зал собраний в Зонтхофене. Там было пятьдесят парней и девушек. Они играли в пинг-понг и шахматы, разговаривали или слушали музыку. Около десятка пар танцевали под музыку радио, которое было установлено в конце помещения рядом со своеобразной стойкой бара. Вскоре я обнаружил, что там подают только молоко и разные фруктовые соки.

Я окунулся в атмосферу студенческой жизни, которая напомнила мне импровизированные вечеринки в Виттенберге. Не было и намека на аморальное или даже фривольное поведение, того, что указывало бы на что-либо иное, кроме как обычное развлечение группы обыкновенных молодых людей.

Я чувствовал себя скованным.

Взобрался на один из стульев стойки бара и заказал у брюнетки за стойкой оранжад.

В помещении находилось несколько военнослужащих в мундирах сухопутных войск, люфтваффе, ВМС. Пять или шесть человек носили форму СС.

Офицеры и прочие военные разговаривали друг с другом поразительно раскрепощенно.

Никого из Зонтхофена я не заметил.

Я спросил официантку:

– Скажите мне, пожалуйста, фрейлейн, здесь есть кто-либо в форме НАПОЛА?

– Здесь несколько залов, – ответила она. – Возможно, они находятся в другой части здания.

У меня не было никакого желания вникать в этот вопрос более глубоко, и я спустился со своего насеста, поблагодарив ее. Но без оплаты, потому что здесь не платят.

В поле моего зрения попала блондинка, которая просматривала какие-то журналы, сидя за небольшим круглым столиком. Она была самим совершенством – фигурой, лицом и зубками, – если не считать одного недостатка, который я заметил сразу: ее глаза были цвета голубого фарфора, но почти без всякого выражения.

Я подошел к ней:

– Добрый вечер, фрейлейн. Надеюсь, не помешаю. Я заскучал в баре. Разговаривать с официанткой не особо увлекательно.

Она взглянула на меня и улыбнулась:

– Вы, должно быть, здесь новичок. Только новичок бывает столь предупредительным в разговоре с девушкой. И столь вежливым. Но садитесь, пожалуйста.

Я сел в соседнее кресло. Она положила журнал на стол.

– Вы приехали сегодня?

– Да, из Баварии, в полдень. – Я наклонился к ней. – Простите. Как ужасно с моей стороны, что я не представился. Меня зовут Петер Нойман, я учусь в Зонтхофене.

Она ответила с чуть ироничной улыбкой:

– Лотта Пфлинген. Для вас – Лизалотта.

– Скажите мне, фрейлейн… Лизалотта, надеюсь, вы мне позволите вас так называть – вы так очаровательны, добры и внимательны. Вы не раскроете бедному невежественному новичку тайны этого места? Что здесь происходит? Я имею в виду вообще. Конечно, речь идет не о генетической стороне дела, но…

– Но вам до смерти хочется знать, как мы все попадаем в постель, согласно национал-социалистическим правилам? – прервала она меня, вновь улыбаясь.

Ее слова меня сильно смутили. Должно быть, я покраснел.

– Я не это имел в виду. Мне хочется знать, как организован Шмалленог.

Она стала серьезней.

– Знаю об этом не больше чем вы. Сама здесь только три дня. Можете быть абсолютно уверены, что, если бы я находилась здесь несколько дольше, мы бы не разговаривали друг с другом в данный момент. Возможно, меня бы уже… заказали! Могу сообщить лишь то, что мы, то есть, понимаете, девушки, живем в общих комнатах на шесть или двенадцать постелей. За нами смотрят «юнгмедельфюреринен» (Jungmädelführerinnen – функционеры Союза немецких девушек, ответственные за 150 других девушек. – *Ред.*) из БДМ. Выбранные девушки… исключаются из списка обитательниц спальни и перемещаются в другое отделение, имеющее дело с правовыми вопросами брачного союза и, конечно, с будущими детьми, которых он может произвести. Потому что мы должны помнить, для чего мы здесь, – тихо закончила она, глядя в сторону. – Странный долг, который требует страна, не правда ли?

Я покачал головой и поднялся.

– Все это слишком сложно для нашего понимания. Потанцуем?

Она кивнула в знак согласия, и мы вышли на танцевальное пространство.

По радио играли блюз или что-то в этом роде. Лоб девушки приблизился к моим губам, и я чувствовал аромат духов, исходивший от ее светлых локонов.

– На самом деле все это очень глупо выглядит, – вздохнула она.

– Мы могли бы встретиться обычным способом на вечеринке и стать добрыми друзьями без обязательного условия разделить постель.

Я крепко держал ее вблизи себя. Мы медленно танцевали среди других пар.

– Вы действительно полагаете, что встреча парня и девушки в обычном порядке так уж сильно отличается? – спросил я. – Если не лицемерить, то я думаю, это одно и то же. После первоначальных нескольких минут мужчина оценивает свою жертву, а женщина готова ею стать при условии, что за это будет заплачена определенная цена и что мужчина соблюдает правила игры или моральный кодекс, если вам угодно.

Она пожала плечами.

– Чего говорить об этом? Я уверена, что вы правы. Это лучший способ поведения. Во всяком случае, вы мне нравитесь, –

прошептала она мне в ухо. – Не буду спрашивать, нравлюсь ли я вам. Вы меня выбрали. Надеюсь, не просто от скуки.

Я не ответил. Как бы то ни было, музыка прекратила играть, и мы вернулись на свои места.

После танца мы долго сидели рядом и непринужденно болтали о разном.

Около полуночи она посмотрела на часы и предложила:

– Не пойти ли нам к тебе? Мне надоела эта музыка, болтовня и шум. А тебе?

Улыбнувшись, я согласился.

Мы поднялись, и я вдруг почувствовал себя ребенком, которого ведут за руку. И все же я проехал несколько сотен километров просто для того, чтобы продемонстрировать свою мужскую состоятельность.

Перед тем как подняться на второй этаж здания, предназначенный для этой цели, я кое-что вспомнил.

– Кажется, нам нужно сначала проштамповать наши карты. Так написано на памятке, которую мне вручили.

Теперь настала очередь Лизалотты покраснеть.

Выполнив эту необходимую формальность, похожую на некий брак-экспресс, – мы пошли в мою комнату.

Когда мы взбирались по лестнице, я вдруг вспомнил о Бригитте. Но вслед за этим пришло убеждение, что я прибыл в горы Ротхаргебирге не для забавы, но для служения своей стране.

Как только мы вошли в комнату, Лотта небрежно сбросила жакет и села на кровать, скрестив ноги.

– Вот и я, герр Петер Нойман. Машина для производства детей в вашем распоряжении. – Ее смех прозвучал фальшиво. – Ты не думаешь о том, как ужасен бизнес по продаже женского тела в качестве инструмента деторождения?

Я сел рядом.

– Успокойся, Лизалотта. Ты не торгуешь телом. Ты предоставляешь его Германии, а это уже другой вопрос.

Я погладил ее по голове. Потом моя рука скользнула к ее плечам, перебирая локоны густых светлых волос, и переместилась далее по телу.

Она отдавалась мне с какой-то отчаянной решимостью. Но у меня не было чувства, что она принадлежит мне полностью и без остатка. Лотта не отводила от меня взгляда, в выражении ее лица запечатлелся вызов. Только по истечении некоторого времени, когда уже невозможно было сдерживаться, она действительно позволила себе предаться естественному влечению.

Позднее, когда она прижалась ко мне, я поместил ее голову в изгиб своей руки.

– Петер, как ты думаешь, если у нас будет сын, он будет похож на нас?

– Сын или дочь, Лотта. Мне хотелось бы, чтобы у нее были твои глаза, ротик, волосы… Ну, и что-то от меня. Чтобы ты всегда помнила своего Петера.

– Как все это смешно. Мы сблизились всего на один раз. Затем акт совершился, и ты уходишь. Я же больше никогда не увижу тебя снова.

– Почему, милая, ты говоришь «никогда»? Жизнь полна сюрпризов.

Не открывая глаз, она провела рукой по моему лицу, словно лицу слепого.

– Скажи, Петер, ты обручен? У тебя есть девушка? Ты расскажешь ей об этом?

– Давай говорить о чем-нибудь другом, Лотта. Почему ты не расскажешь, как оказалась здесь? Вы все здесь добровольно?

Она прижалась ко мне теснее и издала мяукающий звук, как кошка.

– Добровольно – да, если тебе угодно так выразиться. В большинстве своем мы из БДМ, где применяются разные способы давления, чтобы уговорить нас, упирая все время на патриотизм, конечно. Во всяком случае, тебе грозит масса неприятностей, если откажешься, бесконечная нервотрепка.

Она чуть отодвинулась.

– Не заставляй меня углубляться в это, Петер! Это так глупо, в этом нет смысла. Во всяком случае, я действительно не могу с уверенностью сказать, как получилось, что я оказалась здесь. Думаю, мне стало все ясно только тогда, когда я приехала в Шмалленог. Но было уже поздно.

Она поцеловала меня, и я снова ее обнял.

В последующие несколько дней мы жили как настоящие муж и жена.

Когда пришло это ощущение, мы стали обедать в одной из небольших гостиниц в долине или на природе, в чаще леса. Мы обследовали соседнюю местность от Виллингена до берегов Рура или Эдера.

Повсюду в горах Ротхаргебирге располагаются маленькие деревушки с домами, выкрашенными в разные цвета, с растущими на стенах цветами, с крышами, покрытыми красной черепицей, которая сверкает полировкой. В Альтенхундене, Бад-Берлебурге, Винтерберге и Эрндтенбрюкке находятся другие питомники Лебенсборна. Здесь и там можно видеть высокие, побеленные здания в стиле модерн, госпиталь или дом материнства. Можно встретить недавно построенные обычные

дома для проживания матерей и детей, где они остаются несколько месяцев и даже лет после рождения, в зависимости от обстоятельств.

Оплачивает проживание Третий рейх.

Лизалотта выглядела несколько подавленной, когда мы проходили мимо этих высоких домов, похожих на бараки. Она, несомненно, думала о том времени, когда ей придется жить в одной из этих каменных клеток со своим ребенком – с нашим ребенком.

Однажды в полдень, когда мы лежали на весенней травке, глядя в небо и наблюдая облака причудливых форм, она вдруг попросила меня показать карту, которую мне выдали по прибытии в Шмалленог (Шмалленберг. – *Ред.*).

В карте было записано среди прочих вещей, что, став партнерами, мы не можем менять своего решения. На карте, помеченной словом «Мужчина», констатировалось, что в самых исключительных обстоятельствах нас могут попросить перебраться в другие питомники.

Лотта читала это, надув губы.

– Итак, если тебя попросят, тебе придется уйти и спать с другой девушкой? Боже, как отвратительны эти люди!

Я улыбнулся:

– Не беспокойся, глупышка! Пока вопрос об этом не стоит. И не забывай, что у нас, к сожалению, осталось всего два дня для совместного проживания.

Она настороженно посмотрела на меня:

– Ты будешь мне писать, Петер? Впоследствии?

– Обещаю.

Затем мы расстались.

Для других парней из Зонтхофена, которые тоже нашли единственную в мире девушку на шесть дней, было так же трудно завершить это удивительное испытание, как и мне.

Лотта поклялась, что напишет мне, как только тесты покажут результаты нашего искусственного любовного романа.

«Искусственного» – это неточное слово. Мы с Лоттой познали немного счастья.

Поразительное испытание в жизни мужчины.

Слезы, поцелуи, обещания. И поезд отходит.

Завтра я буду в Зонтхофене, еще на несколько недель.

Глава 7
ПОБЕДА

Виттенберге. 24 июня 1940 года. В поезде, который вез меня сюда из Зонтхофена, я узнал о капитуляции Франции.

На вокзале Лейпцига царило необычайное оживление. Мы с Францем видели бегущих в разных направлениях людей. Они задавали друг другу вопросы и обнимались без видимой причины.

Внезапно дверь нашего купе открыла женщина и, увидев на наших лицах вопросительное выражение, прокричала:

– Подписано перемирие. Война окончена!

Да, позавчера было подписано перемирие в старом железнодорожном вагоне в Компьеньском лесу, месте, где Германия была унижена в 1918 году.

Генерал Кейтель (в июле был произведен в фельдмаршалы – *Ред.*) заставил генерала Хюнцигера подписать документ о капитуляции Франции из двадцати трех пунктов.

Таким образом, позор Версальского договора был окончательно смыт.

Вся Германия бурно ликовала. Государственные флаги вывесили в каждом городе, деревне, доме. Сердце каждого немца переполняла радость.

Зиг хайль!

Мы в неоплатном долгу перед нашим фюрером, Адольфом Гитлером, который привел Третий рейх к победе и триумфу.

Вопреки рекомендации Верховного командования Гитлер завершил аншлюс Австрии.

Вопреки рекомендациям дипломатов и политиков он аннексировал Судетскую область.

Вопреки рекомендациям генералов, которые считали Францию сильной и непобедимой, он отдал приказ атаковать эту страну и добился победы.

Отбросив все побочные соображения, колебания и проволочки, невзирая на колоссальные трудности, которые, как утверждают, стояли на пути наступательных планов фюрера в отношении западных держав, рейхсканцлер сохранял веру в себя и свой народ.

Отныне Германия должна верить фюреру безоглядно, потому что он никогда не ошибается. (С 1938 года большинство немецких генералов полагали, что война на Западе чревата уничтожением Германии. Фон Фрич говорил, отзываясь о Гитлере: «Это роковой

человек для Германии. Он катится к пропасти и тащит за собой Германию».)

Тем не менее все это оставляет довольно странное ощущение.

Мы, немцы, считали Францию великой державой с многочисленными вооруженными силами, готовой защищаться до конца.

Мы были уверены в победе, но не смели надеяться, что она будет такой сокрушительной и скорой.

Розенберг справедливо говорил, что западные плутократические державы пришли в полный упадок в результате их порабощения еврейским коммунизмом.

Этот еврейский коммунизм вызвал борьбу политических партий во Франции и позволил продажным политикам погрязнуть в той мерзости и анархии, которую он создал.

Победа еще раз доказала, что евреи, коммунисты и масоны – смертельные враги порядка и цивилизации.

Мы, немцы, не должны забывать этого урока.

Мы втроем приехали в Берлин, чтобы присутствовать на параде победы.

Энтузиазм бил через край, и, несмотря на дождь, толпа не переставала выражать восторг войскам, возвращавшимся с Запада.

Над столицей развевались тысячи флагов, на улицах не спадало воодушевление.

Под музыку оркестра и дробь барабанов подразделения армии, авиации и флота вышагивали прусским «гусиным» строевым шагом мимо толпы людей, которые без устали их приветствовали. Впереди громыхали танки, совершившие прорыв у Седана.

Далее шли разведывательные подразделения СС, мотопехота и горные стрелки.

За ними – пехотинцы, резервисты, полицейские и боевые подразделения СС.

Завершали парад подразделения полевой полиции в легких бронемашинах.

На официальной трибуне перед Бранденбургскими воротами приветствовали войска традиционным приветствием фюрер со стоявшими по обе стороны от него Герингом, Геббельсом, Гессом и военачальниками, казалось преисполненными гордостью.

Тем полуднем мы посетили исторический железнодорожный вагон, который был выставлен на обозрение перед новым ведомством канцлера. Это обычный вагон, принадлежавший ранее компании Wagon-Lits. Но он символизирует для нас

реванш.

Мы вошли внутрь вагона. Трудно поверить, что за этим самым столом было подписано другое соглашение о перемирии между французским генералом Фошем и изменником Эрцбергером.

Вечером, все еще вместе, мы поехали на метро в берлинский «Кролл-опера», поскольку хотели увидеть всю партийную и военную элиту, которая собиралась отпраздновать победу впечатляющей церемонией под председательством фюрера.

Нам повезло увидеть прохождение рейхсканцлера в нескольких метрах от нас. За ним следовали ближайшие соратники из коричневорубашечников или СА, старые участники движения, как их называют. Теперь они стали частью истории нашей страны.

Далее прошли около тридцати генералов. В мундирах королевско-синего цвета и брюках с красными лампасами. Их шествие казалось каким-то нереальным шлейфом тумана, который двигался ликующими возгласами толпы.

Через два часа двенадцать персон из них были произведены в фельдмаршалы.

Уличные громкоговорители воспроизводили голос фюрера, вызывавшего генералов, одного за другим, для получения маршальских жезлов.

Ближе к полуночи мы прогуливались по улицам Берлина и участвовали в общем ликовании.

По Унтер-ден-Линден, Парижерплац и Курфюрстердамм шли люди, распевая песни, размахивая флагами, выражая до хрипоты и изнеможения свое возбуждение и энтузиазм.

Блуждание привело нас на набережную Шпре, как раз к мосту Фридрихсбанхоф. Мы тоже изрядно утомились в этот незабываемый день и присели отдохнуть на скамью у реки.

Мимо катились воды Шпре, подсеребренные иллюминацией в связи с празднованием победы. Слышались слабые приглушенные голоса людей, треск фейерверков и музыка военных оркестров. Мы просидели на скамье большую часть ночи, ведя бесконечные разговоры о войне, будущем Германии и о себе.

Карл придерживался мнения, что война еще отнюдь не закончилась, что сокрушение Франции было только первым этапом программы, разработанной фюрером. До сих пор пророческий план, очерченный в «Майн кампф», выполнялся пункт за пунктом. Запад, в преддверии капитуляции, просит пощады. Уничтожение Англии – вопрос нескольких недель.

Верховное командование знало, что Великобритания понесла огромный урон, что отданный в последнюю минуту приказ

генерала Рейнхардта (так в оригинале, на самом деле Г. Рундштедта, командующего группой армий «А», приказа, одобренного Гитлером. – *Ред.*), командовавшего нашими войсками у Сент-Омера и Дюнкерка, позволил окруженным британским войскам эвакуироваться на острова. Он приказал танковым частям фон Клейста остановиться у реки А (на рубеже Гравлин – Сент-Омер– Бетюн), когда те фактически были гораздо ближе к Дюнкерку, чем войска союзников.

Вермахт продемонстрировал рыцарство, не желая уничтожать уже разгромленного противника. (Рыцарство вермахту было не свойственно. Были опасения потерять много танков перед завершающими операциями во Франции и надежда на соглашение с Англией. – *Ред.*)

Фюрер хотел показать англичанам, что он совершенно уверен в победе, что он дает им возможность избежать напрасного кровопролития. Может, англичане поймут значение такого жеста и запросят мира, пока не поздно…

Я нашел аргументацию Карла весьма здравой. Лично я, как и он, думал, что Франция и Англия разгромлены, осталось решить лишь один очень важный вопрос – восточные территории.

Временный пакт, подписанный в Москве, мог ввести в заблуждение лишь недалеких людей. В конце концов, этот пакт был только перемирием, а перемирие не длится вечно.

Фактически борьба только начинается.

Пока мы были слишком молоды, чтобы принять участие в славных битвах, которые засвидетельствовали триумф парящего германского орла. Но теперь мы были достаточно зрелы, чтобы служить в армии.

Мы втроем продолжали занимать скамью на набережной Шпре и вели заинтересованную беседу.

Внезапно я поднялся:

– Послушайте, ребята. Приятно предаваться мыслям о службе в армии, хотя реально не могу себя представить на каком-нибудь казарменном плацу в Восточной Пруссии выполняющим приемы с оружием под командой какого-нибудь захудалого шарфюрера. В любом случае совершенно очевидно, что мы должны отработать шесть месяцев трудовой повинности перед поступлением на армейскую службу.

Франц повернулся ко мне лицом:

– Ну, так что? Можно как-нибудь отвертеться от этого.

– Да, можно. Поступить на службу в «шущшгафель» (служба СС. Буквальный перевод: «эскадроны защиты». – *Ред.*).

Теперь поднялся и Карл:

– Я сам думал об этом. С нашими дипломами и опытом

пребывания в Орденсбурге можно подать заявление на поступление в Бад-Тёльц. Через год – мы уже офицеры.

Франц ничего не сказал. Я обнял его рукой за плечи.

– Ну, Франц, что ты об этом думаешь? Двое из нас согласны. Мы были вместе в детской гитлеровской организации и в гитлерюгенде. Затем нам повезло быть вместе в Баварии и Айфеле. Ты ведь не собираешься отступать сейчас? Послушай, как поют и приветствуют победу. Это отражение славы, за которую отдавали жизни другие люди, не мы. Нам нужно пойти и помочь воинам, которые сражаются за нас, которые терпят лишения ради величия нашей страны. Чем больше я думаю об этом, тем больше уверяюсь в том, что мы должны служить в отборных частях, в частях на передовой, которые первые вступают в бой и проливают кровь, чтобы прославить наш флаг.

Франц поднялся и улыбнулся:

– Что за красноречие! Должно быть, тебя возбудили флейты и трубы.

Я взглянул на него слегка обескураженно:

– О чем ты говоришь?

– Да, мне действительно нечего сказать, за исключением того, что я согласен. Было бы смешно, если бы я не согласился после такой продолжительной лекции! Я шучу, конечно. Ты прав. Это лучшее, что мы можем сделать. Ведь война не продлится вечно! И видимо, те, кто сражаются за свою страну, получат особые привилегии, когда война кончится, получат престижную работу…

Я понимал, что он ищет аргументы, которые бы убедили его самого. Это свидетельствовало о серьезности и весомости его решения.

Мы, трое, обменялись рукопожатиями, почти торжественно. Может, это выглядело смешно, глупо, но мы ничего не могли с собой поделать, мы переживали душевный подъем.

У нас, очевидно, не было представления о том, что произойдет в следующие несколько лет, но этой ночью, близ мерцающих вод Шпре, мы были едины в своем энтузиазме. Мы заранее принимали всю неопределенность, риски и опасности, которые нам уготовила судьба.

Берлин погрузился в сон, угасали последние факелы победы. За холмами Лихтенберга (район Берлина восточнее центра города. – *Ред.*) заря уже начинала подсвечивать небо.

Скоро над Германией и над нашим будущим поднимется солнце нового дня.

Глава 8
ЦЕНТР ПОДГОТОВКИ ОФИЦЕРОВ СС

«Юнкершуле» СС в Бад-Тёльце. (Одна из школ подготовки младших офицеров СС, расположенная в Баварских Альпах, к югу от Мюнхена. Другие такие школы были в Брауншвайге, Позен-Трескау (в Трескау близ Познании. – *Ред.*), Клагенфурте и Праге.) Сентябрь 1940 года. Впервые я проезжал через Бад-Тёльц в день Седана, лишь два года назад. В то время я не думал, что вернусь сюда, чтобы учиться на офицера.

Я получил странное впечатление от этого места, когда впервые прошел через школьные ворота в конце прошлого месяца. Ультрасовременный вход в здание представляет собой огромный портал с аркой и величественными белыми башнями по бокам с островерхими крышами, покрытыми глазурованной черепицей.

За воротами с удивлением обнаруживаешь обширную полосу торфа, засаженную редкими, шишковатыми деревьями, вокруг которых располагаются одноэтажные дома обыкновенного барачного типа и формы. Как будто архитектор планировал вначале построить замок определенной конструкции, а затем передумал и решил создать современную функциональную постройку.

За «юнкершуле» высятся над густыми лесами из черных сосен уходящие в небо пики альпийского хребта Карвендель. Их прорезают шумящие воды Изара, низвергающиеся чередой водопадов.

Через несколько дней после прибытия нам выдали все двадцать семь предметов, которые составляли полный комплект мундира СС. Брюки и китель из черной ткани, каска и кепи – тоже черные – с серебряным черепом, как символ смерти. Две молнии, которые обозначают ту же мощь и разрушение, что и свастика, формируют зловещую двойную S на правом лацкане кителя.

Трудно представить себе, как черный мундир преобразует человека, делает его лицо суровым, подчеркивает его черты.

Первые недели учебы пронеслись с поразительной быстротой. У нас не было времени заметить, устаем мы или нет. Словно наши инструкторы хотели подвести жирную черту под нашей прошлой жизнью, довести нас до звероподобного состояния, доказать нам, что в системе СС все по-другому.

– Встать. Лечь. Встать, лечь, встать, лечь, дальше, лечь, дальше, встать, лечь. – И так час за часом. В грязи, в воде, на бетоне, в снегу (во время занятий в горах), среди ночи и под

палящим солнцем.

Просто для небольшой передышки нам выделяют четыре часа маршировки «гусиным» шагом. К окончанию четвертого часа рекрут должен выбрасывать ноги вперед столь же жестко и прямо, как и в начале занятий. После этого часто выполняются приемы с настоящим оружием в три движения.

После ужина мы часто практикуемся в отдании чести, просто для того, чтобы убить время. Правая рука поднимается за шесть шагов до равнения с вышестоящим офицером, равнение налево или направо в зависимости от обстоятельств. Рука не опускается, пока не удаляешься от вышестоящего офицера на три шага.

По вечерам читаются также лекции по истории образования СС. «Шутцштафель» первоначально был создан в 1926 году как элитное подразделение СА. (Sturmabteilung – штурмовые отряды. СА состояли из коричневорубашечников, ранних сторонников Гитлера до прихода его к власти.) Вначале первый сформированный полк получил название Leibstandarte АН – «Лейбштандарт Адольф Гитлер». («ЛАГ» – личная охрана, «преторианская гвардия» Гитлера и НСДАП.)

С течением времени мощь НСДАП возрастала, и потребовалось увеличить число спецподразделений. Формировались другие части. Сегодня они составляют по численности нескольких дивизий.

В начале войны, в 1939 году, боевые части СС были отправлены на Западный фронт. Эти части называли вначале Waffengrenadiere SS, позднее это название сократили до Waffen SS.

Небоевые части СС были названы Allegemeine SS, так сказать, СС, выполняющие общие обязанности.

Определенные подразделения Allegemeine SS привлекались для создания SS Totenkopf Verbünde (формирование «Мертвая голова»), занятых главным образом полицейскими функциями и охраной концентрационных лагерей. Сотрудники этих формирований проходят специальную подготовку, и методы их обучения отличаются от методов обучения других частей СС.

Я заметил, что здесь, в Бад-Тёльце, рекруты подразделений дивизии «Мертвая голова» не особенно обучены и пользуются дурной репутацией. Говорят, их набирали из разных слоев общества, причем не очень приличных.

Однако быстро развивающиеся страны, такие как наша страна, нуждаются в людях, которые будут выполнять черную работу, за которую другие не возьмутся.

– Отлично, парнишка, это великий день, не так ли?

Со мной говорил ветеран «юнкершуле», который наблюдал, как я надеваю все регалии.

Я встал и, увидев серебряные знаки на его лацканах, резко вытянулся по стойке «смирно». Ветераном был шарфюрер, и очень молодой. Возможно, моложе меня.

Он улыбнулся:

– Расслабься, солдат. Всего один вопрос. Ты ведь из «коронного» класса Крёне – вы вот-вот будете присягать?

– Да, шарфюрер. Думаю, около сотни из нас примут участие в этом маленьком представлении.

Он неожиданно посерьезнел.

– Это вовсе не маленькое представление, парень. Для вас всех это очень важный день. Присяга фюреру – торжественное и очень значимое мероприятие, вам не следует относиться к нему легкомысленно.

Я снова встал по стойке «смирно» и отдал честь.

– Виноват, шарфюрер. Разумеется, вы правы.

Через два часа большинство курсантов выстроились на большом парадном плацу.

Первым выступил начальник школы, комендант, штурмбаннфюрер СС Рихард Шульце.

– Солдаты! Вы собрались здесь, чтобы принять присягу верности нашему фюреру и Германии. Не буду долго говорить, но скажу в нескольких словах, что мы считаем вас взрослыми людьми, и как таковым вам нужно знать, что нарушение клятвы, которую вы дадите, хуже смерти. Помните, что девизом СС является Meine Ehre heisst Treue («Моя честь состоит в верности»). Никогда не забывайте свой девиз, всегда его помните. Помните, что вы поклялись подчиняться и хранить верность в любых обстоятельствах. Ничто не должно ослабить вашу решимость выполнить приказ, каким бы он ни был. Вы все добровольцы. Никто не просил вас поступать на службу. Вы здесь по собственному свободному выбору. Это еще один повод никогда не забывать, что вы добровольно выбрали дисциплину и что вы должны ее соблюдать.

Громкоговорители разносили слова коменданта из конца в конец двора. Между предложениями соблюдалась многозначительная пауза. Высоко над нашими головами над верхушками деревьев кружились канюки (сарычи).

Стоя по стойке «смирно» шестью рядами, «коронный» класс, строгий и неподвижный, слушал пылкую речь с сильным силезским акцентом, усиленную громкоговорителями.

– Через несколько минут вы станете настоящими эсэсовцами! Через несколько минут вы передадите свое тело и душу нашему

Отечеству. Помните, что страна может все с вас потребовать, все ожидать от вас, включая пожертвование жизни, и вы должны подчиниться без тени протеста или малейших сомнений в отношении приказов, которые страна вам отдает. Хайль Гитлер!

Подобно раскату грома, оркестр заиграл «Германия превыше всего».

Вот в центр парадного плаца вышли два знаменосца. Первый из них держит черное знамя СС, другой – национальный флаг со свастикой.

К ним идут, печатая шаг, два офицера с обнаженными саблями. Они держат сабли скрещенными на вытянутых руках так, чтобы их концы коснулись древка знамен.

Далее выходят, в свою очередь, двое курсантов из «коронного» класса. Они медленно шагают «гусиным» шагом под аккомпанемент барабанной дроби. Останавливаются перед группой из знаменосцев и офицеров.

Звучит резкая команда:

– Ружья… на караул!

Только те, кто должны принять присягу, стоят без ружей. Другие массовым слаженным движением на три счета поднимают свои маузеры (7,92-мм винтовка образца 1898 г. или карабины на ее основе. – *Ред.*) и держат перед собой.

Два курсанта кладут средний и указательный пальцы правой руки на мечи офицеров и произносят слова клятвы.

Держа вертикально ружья за цевье и подняв два пальца правой руки, мы повторяем за ними:

– Клянусь тебе, Адольф Гитлер, мой руководитель, в верности и отваге. Обещаю подчиняться до смерти всем, кого ты выберешь моими командирами, и да поможет мне Бог.

Краткая пауза, и затем по громкоговорителям разносится команда:

– К ноге!

Затем под музыку оркестра мы маршируем мимо коменданта Шульце.

7 октября 1940 года.

– Давайте шевелитесь. Вставайте, и за дело!

Как альтернатива подъему под звуки горна этот способ весьма эффективен.

Им не следует стаскивать в спешке с постелей таких честных и добродетельных эсэсовцев, как мы.

Помощник унтера Дольцман стоит посреди казармы.

Он что-то говорит, чего я сразу не могу разобрать. Во всяком случае, говорит невероятно быстро.

Приходится улавливать обрывки его бессвязной померанской речи.

Он проходит и наклоняется надо мной.

– Ну, Нойман? – рычит он. – Тебе нужна горничная, прислужница или камердинер?

Рывком сбрасывает с меня простыню.

– Скажи, кого тебе нужно, Нойман! Сделаем все, что пожелаешь…

Идиот.

Я встаю и быстро одеваюсь, адресуя вопросы парню на соседней постели, рыжеволосому, веснушчатому берлинцу.

– Что происходит? Демобилизация? Высадка англичан?

– Ничего подобного! Шарфюрер просто сказал, что этим утром будут наносить татуировки. Он говорит, что об этом не предупреждают заранее. Думаю, это правда.

Татуировки – этого нам только не хватало! Как бы то ни было, через это, полагаю, придется пройти.

Через час мы в лазарете, в распоряжении помощников специалистов отдела медицины.

Подходит моя очередь, и мне велят лечь на импровизированный операционный стол. Санитар говорит, что мне нужно перевернуться на правый бок.

Деликатная операция производится на левой подмышке.

Санитар начинает дезинфицировать спиртом необходимый участок кожной поверхности, затем наносит на него ватным тампоном прозрачную жидкость коричневого цвета. Моя кожа немедленно впитывает ее. Я держу руку высоко поднятой и вытянутой, это крайне неудобно. Было бы лучше, думаю, если бы я стоял. Говорю об этом санитару, который мотает головой в знак несогласия.

– Это из-за затруднений в циркуляции крови. Но все произойдет так быстро, что вы не заметите.

Через мгновение какой-то вибрирующий электроприбор – точно не знаю какой, потому что закрыл глаза, – прокалывает мою кожу, вызывая болезненное ощущение. Это длится секунду или две, затем боль становится сносной и вскоре прекращается вообще.

Санитар говорит с улыбкой:

– Теперь можете встать. Все кончено.

Его поведение предполагает, что я его больше не интересую, и я решаю, что он мне неприятен.

Неловко поднимаюсь и бросаю в его направлении мрачные недобрые взгляды.

– Не беспокойтесь, через день или два это станет более

привлекательным, – утешает санитар.

Я пожал плечами. Жаловаться слишком поздно.

С другой стороны, верно и то, что эта короткая операция, хотя и неприятная, имеет практическую пользу. В случаях ранения или серьезной потери крови можно сделать переливание крови гораздо быстрее и проще, если знаешь группу крови раненого и соответствующего донора. Если это неизвестно, то придется предварительно произвести тест на кровь, что приведет к потере драгоценного времени.

Франц проходит операцию, получив блистательный знак первой группы крови.

Карл, однако, заклеймен знаком второй группы, как и я.

Некоторые получили также знаки третьей группы. Каждый с любопытством разглядывает метку татуировки другого. Произносится много комментариев и шуток.

Чуть позже санитары протирают нас спиртом еще раз. Около полудня мы наконец покидаем лазарет.

4 ноября 1940 года. Прибывает инспектировать нас рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

Нам выдают глянцевые черные шлемы и невесть какие белые ремни и перевязи.

После того как нас оснастили этой массой железа и кожи, которую, конечно, пришлось как следует подгонять, мы выглядим весьма презентабельно. Особенно впечатляют черные шлемы. Они придают нам воинственный вид, очень грозный. Более того, мы выглядим несколько зловещими.

Через окно, выходящее на большую центральную аллею, вижу вдруг большую суматоху и бегущих людей. Почти сразу за этим происходит топот ног в коридорах, а резкие свистки сообщают нам о том, что о приближении «дяди Хайни» предупредили по телефону из Хольцкирхена (населенный пункт между Бад-Тёльцем и Мюнхеном. – *Ред.*).

Так происходит всегда. Когда ожидается официальный визит, в близлежащие населенные пункты высылаются патрули с приказами предупреждать коменданта о неминуемом прибытии важных персон.

– Становись! Быстрее! Шевелитесь! Быстро!

Мы стараемся, как можем. Паниковать незачем.

Чуть позже мы выстраиваемся в виде почетного караула, под прямым углом к главному входу. Слегка повернув голову, я могу обозревать всю дорогу в перспективе.

Появляется около пятнадцати мотоциклистов, которые снижают скорость, когда поворачивают за угол. За ними следует

внушительная колонна черных «Мерседесов». В одном из них, должно быть, наш великий белый вождь.

– Ружья… на караул!

Машины плавно и красиво останавливаются. Комендант Шульце спешит к третьему «Мерседесу», из которого выходит Гиммлер, выглядящий раздраженным и мрачным. За ним следует штандартенфюрер, в котором я узнаю Рудольфа Брандта, адъютанта Гиммлера.

Высокие чины перекидываются словами, в то время как мы строго сохраняем стойку «смирно» и держим ружья перед собой.

Я питаю надежду, что они не будут рассказывать друг другу последние берлинские анекдоты, поскольку поза, которую нам приходится выдерживать, не особенно удобна.

– Вольно!

Команда прозвучала вовремя. Я уже начал ощущать покалывание и немоту в руках.

Это третий раз, когда я видел Гиммлера, и каждый раз он производил на меня одинаково странное впечатление. Он никогда не смотрит прямо в глаза и всегда кажется скованным, смущенным и нервным. У него слегка подергиваются скулы, и он постоянно вертит головой по сторонам, когда разговаривает.

И наконец, эта его худая, непрезентабельная фигура и пенсне как у школьного учителя. Он определенно не соответствует своему статусу.

Решили, что Гиммлер нас проинспектирует. В сопровождении Брандта, коменданта и около десятка группенфюреров и бригадефюреров он шагает между рядами своими жеманными шажками, мучительно стараясь улыбнуться. Неожиданно появившийся откуда-то фотограф из отдела пропаганды делает снимок Гиммлера как раз в момент, когда тому почти удается принять вид нормального человека.

Завтра в эсэсовском журнале появится фото с подписью: «Рейхсфюрер среди своих соратников».

Высокие чины скрываются внутри здания. Большие часы на бетонной стене показывают, что они оставались там более часа. Мы провели этот час в ожидании их появления.

Наконец Гиммлер с окружением отбывают, не удостоив нас общением. Мы отправляемся принимать пищу.

Декабрь. В последние две недели мы посещали лекции по стратегии, которые читал профессор из Военной академии в Берлине.

Прошли курс лекций о битве при Каннах и остальной кампании Ганнибала, о войнах византийских императоров,

Танненберге, осаде Седана.

Весь день нас пичкают Клаузевицем и более современными военными доктринами фон Бломберга и фон Мольтке.

После теории мы переходим к практике – к полевым учениям или использованию макетов местности с моделями уменьшенного масштаба. Так, мы располагаем линиями Мажино и Зигфрида в миниатюре, с военными объектами в глубине обороны, с долговременными оборонительными сооружениями и даже подъемниками боеприпасов.

Другой профессор, весьма странный тип, обеспечивает нас страстными лекциями по расовой теории. Его зовут Аренсдорф, и ему под сорок. У него лысый череп, тонкие губы и маленькие глазки цвета голубой стали.

Говорят, он преподавал немецкий в одной школе в Париже, но был выслан в 1938 году за подрывную пропаганду. Это объясняет его ненависть к французам. Она проявляется в каждом его предложении и уравновешивается только его отвращением ко всему еврейскому.

Несколько дней назад профессор рассказывал нам о том, что происходит во Франции. Он считает, что французы стараются выиграть время своим показным сотрудничеством с нами. Фактически они выжидают благоприятного момента, чтобы вонзить нам нож в спину.

Петен, говорит он, хитрый и коварный деятель. С медоточивыми словами он часто протягивает правую руку фюреру, зажав левой рукой дубинку за спиной.

Когда профессор говорит о евреях, он цедит сквозь зубы, а его глаза уменьшаются.

– Евреи для Германии являются воплощением разрушения и гибели. Если мы не обезвредим их, они уничтожат нас. Мы никогда не должны забывать об их фантастическом могуществе. Их щупальца опутывают весь земной шар. Их всегда можно обнаружить и близ средоточия могущества на Уолл-стрит, и за столами карточной игры в Макао, и в убогих лавках Гонконга. Искоренять евреев – наш национальный долг, вопрос жизни или смерти. Либо мы должны свалить еврея, либо он погубит нас.

Его лекции сбивают нас с толку, они смущают мозг тысячью противоречивых мыслей.

Апрель 1941 года. Эсэсовцы готовы к бою. Два дня назад 2-й дивизии присвоено название «Рейх». Бывший полк «Лейбштандарт» теперь развернут в 1-ю дивизию СС.

С февраля «шутцштафель» сражаются в Греции на стороне итальянцев. 1-я дивизия СС, дислоцированная в Меце,

отправилась в Болгарию и сейчас находится в Софии.

6 апреля, то есть через четыре дня, «ЛАГ» под командованием Зеппа Дитриха перешел границу Югославии и занял Монастир и Скопье.

На фронте в Киренаике в Ливии Эдвин Роммель и его войска движутся к Александрии.

Повсюду победно развевается флаг рейха.

На Востоке тоже надвигаются большие события.

Одномоторные русские истребители И-153 «Чайка» и бомбардировщики СБ-2 неоднократно нарушали воздушное пространство нового генерал-губернаторства на территории бывшей Польши. (Подобное происходило только при вытеснении из воздушного пространства СССР немецких самолетов, которые самым наглым образом нарушали границу и вели разведку, осуществляя аэрофотосъемку. – *Ред.*)

Согласно сообщениям газеты «Фёлькише беобахтер», к востоку от реки Буг (Западный Буг), которая служит временной границей с Россией, замечены передвижения крупных сил. Сто пятьдесят дивизий Тимошенко – Ворошилова концентрируются, говорят, от границы с Восточной Пруссией в Прибалтике до рубежа реки Днестр к югу от Львова.

Бад-Тёльц. Май 1941 года. На главном парадном плацу произошла впечатляющая церемония, на которой присутствовали все юнкера «коронного» класса.

Большие черные знамена СС и флаги со свастикой мягко бьются о стены на легком весеннем ветерке, благоухающем сосновым ароматом, который веет из леса Ленгрис.

Небо светлое и чистое. Над крышами «юнкершуле» носятся хищные птицы. Так случается всегда, когда на земле наблюдается необычная активность. Кажется, их привлекает любое отступление от обычной рутины. В Бад-Тёльце орлы, канюки и соколы составляют неотъемлемую часть загородного ландшафта. Они принимают участие во всех церемониях.

Мы поднимаемся, один за другим, по ступенькам трибуны.

Комендант вручает каждому из нас вместе с поздравлениями наши свидетельства о производстве в юнкера (фенрихи).

Теперь мы – офицеры.

Вслед за знаменосцами мимо нас проходят новые кадеты, которые должны занять наши места. Они поют «Марш СС».

Часть вторая
В ЗЕНИТЕ

Глава 9
НАПАДЕНИЕ

27 июня 1941 года. Несколько дней назад, на рассвете 22 июня, германские войска вторглись на территорию Советского Союза.

Вермахт и танковые дивизии СС продвигаются на восток на фронте свыше полутора тысяч километров от Балтики до Черного моря.

На севере группа армий «Север» фон Лееба, ведущая наступление в направлении Ленинграда, уже уничтожила много ворошиловских дивизий (Ворошилов был главкомом Северо-Западного направления несколько позже – с 10 июля по 31 августа 1941 г. – *Ред.*).

На Центральном фронте группа армий «Центр» фон Бока окружила Белосток и устремилась на Москву. Ее танки продвигаются очень быстро.

Сами же мы дислоцируемся в нескольких километрах от границы Галиции, в районе Перемышля. Днем и ночью сотни грузовиков и танков группы армий «Юг» фон Рундштедта переправляются через реку Сан.

Из Бад-Тёльца мы поехали прямо в Люблин, где были приписаны к 5-й дивизии СС «Викинг».

Мне даже не предоставили пятидневный отпуск для поездки в Виттенберге. Я получил строгий приказ: «Вам надлежит немедленно явиться к штандартенфюреру полка «Нордланд» 5-й дивизии СС».

Мы прибыли в Люблин группой в семнадцать человек. Полк собирался отправиться на Восточный фронт. Со всех сторон раздавались звуки свистков и команды. Во дворе старых казарм 27-го полка польских гусар ревут танковые двигатели и распределяется снаряжение. Нам был оказан прохладный прием.

Когда наступила моя очередь явиться к командиру полка, он, не глядя на меня, рявкнул:

– Из Бад-Тёльца? Значит, вы еще ничего не знаете. До дальнейших распоряжений вы будете приписаны к штабу полка.

Франца и Карла определили в танковую роту полка «Нордланд». Почему со мной поступили иначе? Меня это очень тревожило.

В эти последние несколько дней, пока ожидался приказ на выступление, я бродил по Люблину, знакомился с полком.

Он состоит из двух рот легких танков T-I и T-II, четырех рот

средних танков T-III и T-IV, подразделения мотопехоты, роты противотанковой артиллерии и батареи полковой артиллерии. Кроме того, в него входили вспомогательные подразделения Национал-социалистического механизированного корпуса (NSKK), служба снабжения, зенитная и медицинская службы, химический взвод и взвод связи. Включая, конечно, штаб полка, к которому я приписан.

28 июня. Всю ночь, волна за волной, вылетали на восток бомбардировщики «Дорнье» и «Юнкерсы». Оглушающий рев двигателей походил на мощную пульсацию, зловещую прелюдию к разрушению.

Спать не было никакой возможности. Я проговорил с Францем и Карлом до зари.

Около четырех утра канонада тяжелой артиллерии за пределами Равы-Русской заставила дрожать землю. Сотни орудий били по позициям красных километрах в десяти от реки Сан.

Это было так внушительно, что мы прекратили разговор вопреки своему желанию. Ветераны говорят, что мы еще ничего не видели и не слышали, только слушанием артиллерийской канонады и пробавляемся.

Две недели назад наши танкисты еще находились в составе 12-й армии фон Листа где-то между Афинами и Белградом. Затем, двигаясь с большой скоростью днем и ночью, они мчались по дорогам Фессалии, Македонии, Болгарии и Румынии, пока наконец не достигли границ России, все еще белые от пыли Южной Европы.

Незадолго до полудня полковник собрал всех офицеров и сержантов отделений и взводов.

Мы несколько минут стояли вокруг него в подобии большого ангара, открытого всем ветрам, прежде чем он начал говорить. Полковник говорил серьезным тоном, и вскоре мы поняли, что получим представление о русских с близкого расстояния.

– Господа, – начал он, – мы выдвигаемся к Кременцу! Выступаем завтра на заре. Мы приданы правофланговым войскам 1-й танковой группы фон Клейста, которые уже всю прошлую неделю сражаются в окрестностях Львова в составе группы армий «Юг» под командованием фон Рундштедта.

Полковник наклонился и указал на большую карту, расстеленную на полу.

– Наступаем в направлении восток-юго-восток. Первоочередная цель – Рава-Русская, Кременец. Нам будут противостоять корпуса армии Буденного (Буденный был

главкомом войсками Юго-Западного направления в июле-сентябре 1941 г. – *Ред.*).

Он оторвался от карты.

– Приказы фюрера будут направлены своим чередом командирам рот и дивизионов.

Внезапно он выпрямился и повернулся к нам лицом. На нем запечатлелось решительное выражение, челюсти стиснуты.

– Согласно полученным мною распоряжениям, должен напомнить вам о приказе, изданном на солнцестояние 21 июня. (Ночью 21 июня Гитлер выступил с торжественным обращением к войскам, объявив о начале кампании против России.) Процитирую лишь отрывок из этого приказа: «Фюрер и рейхсканцлер и с ним весь немецкий народ убеждены, что вы выполните свой долг и будете вести решительную борьбу с врагом до его полного разгрома. Отборные войска СС, наделенные высоким боевым духом, будут всегда направляться на самые важные участки фронта и продемонстрируют немецкому народу, что он может на них рассчитывать».

Он наклонился, подобрал карту и начал ее медленно сворачивать, будто желая выиграть время. Наконец сказал:

– И еще. Штаб Верховного главнокомандования в Восточной Пруссии требует довести до вашего сведения следующий приказ. Он касается курса, которого мы должны придерживаться на оккупированной территории России. Ни при каких обстоятельствах мы не должны обременять себя решением проблем гражданского населения, это все будет в компетенции местных комендантов. У нас нет права оспаривать их решения, – добавил он и, пристально посмотрев на нас, продолжил: – За исключением абсолютно необходимых случаев или когда стоит вопрос о враждебных действиях против армии! Думаю, господа, вы понимаете, что я имею в виду… Мы получили также специальные инструкции относительно русских комиссаров, захваченных в ходе боевых действий или задержанных на оккупированной территории. Нам предписано не брать их в плен ни при каких обстоятельствах. Приказ совершенно ясный. Они должны быть казнены немедленно, но перед нашими войсками или командным пунктом полка! Это очень важно. В случае необходимости их нужно переместить в зону боев и расстрелять как террористов, но не как солдат.

Он изобразил улыбку и сделал неопределенный жест рукой.

– Это все, господа. Казнить немедленно.

Только теперь я понял, что служу в войсках СС в боевых условиях.

29 июня. Три часа ночи. Время «Ч» назначено на 4.15.

Мы на берегу реки Сан, зажатые в бронетранспортерах. Ждем сигнала из штаба дивизии, который даст понять, что и для нас настало время выступать в поход на Москву.

На Москву… Возможно, это слишком далекая цель. Вначале надо довольствоваться меньшим.

Переживания перед первым боем, перед испытанием огнем, перед неизвестным и холодок раннего утра… Всего этого не чувствую. Знаю только, что в бронетранспортере не очень комфортно.

В белой дымке тумана на заре начинают проступать мощные силуэты танков и бронетранспортеров.

Механики заняты наладкой броневых и бетонных громадин, которые поведут огонь раньше нас, прикрывая наше наступление.

На противоположной стороне реки все спокойно. За чащей деревьев небольшая деревушка Невеская, которая, по данным полковой разведки, совершенно разрушена. Неделю назад оттуда сбежало все население, и для входа в деревню нет никаких препятствий. Вероятно, мы не встретим сопротивления до самого города Вишня.

Мелькает фигура Франца, который, должно быть, ищет меня. Подзываю его жестом. Увидев меня, он подходит.

– Непыльная работа в штабе, судя по всему.

Серьезное выражение его лица противоречит легкомыслию слов.

– Значит, все начнется через полчаса, – говорит он отрывисто. – Удачи, Петер.

– Удачи, Франц. И Карлу тоже передай, если увидишь его.

Франц качает головой и не отвечает. С натянутой улыбкой он медленно удаляется. Осознаю вдруг, что именно я втянул его во все это, откуда он может не вернуться.

Но у меня не осталось времени на переживания. Воздух прорезают резкие свистки. Вижу, как командиры взбираются на свои танки, за ними следуют наводчики и водители. Раздается приглушенный шум заводящихся двигателей.

Гляжу на часы. Только 3.45. Неужели перенесли время пересечения реки Сан?

Заметив мое удивление, молодой лейтенант, стоявший рядом со мной, тупо роняет:

– Полк выдвигается на рубеж наступления. Это недолго.

Через несколько минут открывает огонь артиллерия.

Неясный рокот из глубины леса быстро превращается в ужасающий, апокалиптический грохот, который заставляет дрожать землю и все вибрировать. Резкие хлопки легких орудий

вскоре поглощаются оглушающим мощным ревом 600-миллиметровых снарядов сверхмощного орудия на железнодорожной платформе.

Таково для нас было начало боевых действий. Оно очень впечатляло.

Медленно наступал рассвет, рассеивая остатки туманной дымки, которая висела над рекой Сан и плыла между ветвей деревьев, искалеченных разрывами снарядов.

Вдруг мы слышим пронзительный визг сигнальной ракеты, посланной в серое небо с продолжительным свистом. Огромная зеленая вспышка – и светящаяся ракета, подвешенная на парашюте, медленно спускается вниз.

Зеленый цвет… Это сигнал к наступлению!

Громоподобный грохот. Первые танки проходят через понтонный мост. За ними следуют наши бронетранспортеры. Преодолеваем метров двести, подскакивая на разбитой дороге. Водитель изо всех сил старается избежать воронок, все время петляя. Затем пересекаем реку Сан и выезжаем на довольно широкую дорогу, которая, однако, тоже сильно разбита. Полевая полиция с красными и белыми личными знаками сигнализирует нам по мере продвижения, что все в порядке. Пока.

Наступление на Восток для нас началось.

5-я дивизия СС «Викинг» рвется вперед на максимально возможной скорости, рвется на равнины Украины.

Мы проходим городок Вишня: внушительные груды щебня, сожженные постройки, чьи черные остовы еще дымятся. Другие избы стоят полые и пустые, как сценические декорации, как металлические каркасы, гнутое железо. На улицу свисают электропровода. Стоит на коленях над мертвым телом плачущая женщина.

Наш бронетранспортер наезжает на собаку, которая исчезает с жалобным воем под его гусеницами. Если исключить грохот артиллерийской канонады, город спокоен. Поразительно спокоен. Безжалостное солнце освещает руины, высвечивая каждый уголок и углубление, так что все их ужасное состояние выходит из тени.

На углу улицы с разбитого грузовика свешивается тело, скаты грузовика горят. Лицо трупа наполовину обуглилось. Зубы торчат, как клыки животного. Это – русский, на нем еще фуражка цвета хаки с красной звездой.

Мы едем по сельской местности.

По мере того как солнце поднимается выше, жара становится невыносимой. Пыль, поднятая танками и грузовиками, липнет к нашей потной коже. Я снимаю фуражку и обтираю лицо носовым

платком, который немедленно покрывается длинными темными полосками.

Бросаю это занятие, когда пыль затвердевает на моем лице в виде плотной маски, оставив только щели для глаз. Вокруг рта пыль, смешавшись со слюной, образует некую черную массу.

Душит запах перегретого масла и бензина. Я наклоняюсь за борт бронетранспортера в попытке сделать глоток свежего воздуха.

Пшеничные и кукурузные поля сожжены. Небольшие сельскохозяйственные постройки разрушены до основания. Телеграфные столбы повалены. Уничтожены даже дорожные знаки.

Здесь для создания зоны «выжженной земли» поработал спецназ НКВД. (Специальные подразделения, подготовленные в районе Ладожского озера, для проведения саботажа и диверсий. НКВД, Народный комиссариат внутренних дел, располагал несколькими полками с приданными им двадцатью подразделениями коммандос. Во время отступления Красной армии на эти подразделения возлагались задачи выведения из строя шоссейных и железных дорог, памятников культуры, мостов, заводов, электростанций, плотин и т. д. – *Авт.*)

Внезапно колонна останавливается. Вижу, как головные танки со скрежетом тормозят в 600–700 метрах перед нами.

Сквозь колонну проносится мотоциклист в защитном шлеме, неистово сигналя, чтобы освободить себе проезд.

Танки открывают огонь. Резкие хлопки их орудий контрастируют с тупым уханьем артиллерийских орудий, все еще посылающих на восток смертоносные снаряды.

– Боевое построение! Быстро!

Приказы сыплются со всех сторон. Я выскакиваю из бронетранспортера в совершенном замешательстве, пытаясь утихомирить беспорядочное биение своего сердца.

– Смотри туда, юнкер! Ложись! Неужели не видишь, что нас обстреливают? – слышу над ухом голос.

Не осознавая четко, что делаю, я бегу позади группы истребителей танков, которые бегут к танкам, попавшим в беду.

И вот я сразу оказываюсь в самом центре группы.

Кладу на бедро автомат МР и нажимаю на спуск. Посылаю длинную очередь в направлении лесочка, охваченного пожаром, вызванным огнем нашей артиллерии. Должно быть, среди деревьев укрыто несколько противотанковых орудий противника, поскольку броня некоторых наших танков получила глубокие вмятины.

Лежа в поле на животе под прикрытием бугорка, я пытаюсь

выбрать какую-нибудь цель – человека или орудие. Но напрасно. Ничего не вижу, кроме сосен.

Вдруг вижу каску в траве. Две каски. Бегут люди короткими перебежками, стараясь, чтобы их не заметили. Сильно жму пальцем на спуск. Трачу на бегущих людей целый магазин. Один из них падает, я отчетливо вижу его простреленную голову.

Боже мой! Мой магазин набили разрывными пулями.

Щелчок – и я вставляю новый магазин. Берегитесь, мужики!

Неожиданно замечаю, что нахожусь в центре группы пехотинцев, которые с любопытством смотрят на меня, юнкера (фенриха), стреляющего как угорелый, словно простой солдат.

Пехотинцы вскакивают и бегут к лесу, я за ними. Не сознавая почему, я начинаю кричать. Возможно, потому, что другие кричат тоже.

Вспоминаю учения в Фогельзанге и бегу короткими перебежками, распластываясь на земле через каждые несколько метров.

И вот мы стреляем все разом. Должно быть, слева вражеское пулеметное гнездо, потому что я вижу, как несколько солдат падают. Падают и, возможно, умирают. Я вдруг сознаю, что не боюсь, что у меня нет теперь страха.

В сотне метров перед собой, на противоположном берегу узкой речушки, распознаю лафет, затем жерло орудия.

Гранаты. Я забыл о гранатах.

Тяжело бросаюсь на землю и снимаю с пояса гранату. Собираюсь уже вырвать чеку, как замечаю перед собой танкистов. Их очереди оказались роковыми для красных артиллеристов.

Теперь пехотинцы преследуют около пятнадцати русских красноармейцев, которые пытаются убежать. Возможно ли, чтобы такая смехотворно малая группа людей могла вызвать такой хаос? Подсчитывая убитых, я прикидываю, что в целом их, должно быть, около тридцати.

С места, где нахожусь, вижу, как русские далеко забросили свои винтовки и, сдаваясь, подняли руки вверх. Несколько умело разнесенных очередей посылают их ничком на землю. Двое пытаются скрыться, но пули быстрее, чем они.

Я останавливаюсь как вкопанный. Они же пленные?

Танкисты вскоре возвращаются. У каждого свешивается с плеча захваченное оружие. Они довольны и возбуждены, как школьники, которые только что подшутили над кем-то.

Увидев меня, они кричат:

– Ты вел себя отлично, юнкер!

Все это хорошо, но у меня дрожат ноги, когда я снова взбираюсь на бронетранспортер.

Так вот, значит, как выглядит испытание огнем. Убить человека так просто. Довольно странно, что я не чувствую никаких угрызений совести. Здесь либо ты его, либо он тебя. И если бы не я, его убили бы другие. Боже мой, вот для чего мы здесь.

Мой первый русский. И первый человек, которого я убил.

Полк «Нордланд» снова в движении, теперь чуть осторожнее, и рядом с водителями грузовиков посажены вооруженные солдаты.

Лейтенант, который ранее утром говорил со мной, сообщает мне то, что узнал от корреспондента отдела пропаганды. Менее чем через неделю после начала Русской кампании небольшие группы партизан стали появляться повсюду, обстреливая наши колонны.

Пока никаких серьезных боев, за исключением сражений у Белостока и в Брест-Литовске (Бресте. – *Ред.*), где женский батальон НКВД обороняет крепость и еще не сдается (Брестскую крепость защищали подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий, 17-го погранотряда и 132-го отдельного батальона войск НКВД – всего в начале обороны 3,5 тыс. человек. – *Ред.*). Красные, видимо, не хотят задерживаться на равнинах, которые трудно оборонять. Они, вероятно, отступают к другому краю Пинских болот, которые образуют естественный оборонительный рубеж, прикрывающий с севера пшеничные поля Украины.

Колонна снова останавливается. Через минуту я спрыгиваю и стараюсь выяснить, что происходит. Впереди колонны замечаю нашего полковника, занятого беседой с группой офицеров. Он замечает меня и подзывает ближе.

– Сюда, юнкер. Ты, кажется, хорошо показал себя в первой стычке. Или это только слухи. Продолжай хорошо служить, может, мы сделаем из тебя что-нибудь путное. Пока же стой здесь и слушай, это лучший способ чему-то научиться.

В этот момент замечаю бригадефюрера (генерал-майора), которого прежде не видел. Я не отдал чести, но он, кажется, слишком озабочен другим, чтобы обращать внимание на вещи такого рода. Куда-то тычет на карте, которую я не вижу. Прислушиваюсь к тому, что он говорит.

– Львов здесь юго-восточнее. 3-я дивизия наступает по дороге на Кременец. 2-я и 4-я идут в обход по дороге на Яворов. Через два дня мы будем в Львове. – Он поворачивается к полковнику. – На некоторое время уберите свои транспортные средства с дороги. Пусть они движутся в поле по обеим сторонам. Тогда смогут пройти танки полка «Вестланд».

Этот приказ немедленно рассылается посредством курьеров.

С громко завывающими моторами грузовики и бронетранспортеры съезжают один за другим в поле. Им будет непросто вернуться снова на дорогу.

Смотрю на часы. Почти два часа дня.

С утра мы прошли не очень много. Полагая, что мы на некоторое время задержимся здесь, я иду искать Франца.

Люди быстро поняли, что происходит, и выглядят так, будто их ничего не заботит. Сидят у дороги, играя в карты. Некоторые загорают, раздевшись до пояса. Удачи! Лично я одно время долго жарился на солнце, просто ради удовольствия видеть свою кожу менее белой.

Вскоре замечаю двух неразлучных приятелей, спокойно сидящих на гусеницах танка T-II и болтающих, словно на пикнике. Вспомнив о пикнике, начинаю ощущать в животе муки голода. Подхожу к ним.

– Хайль Гитлер! Бывалые воины. На войне хорошо, но вы не знаете, случаем, где можно пожевать?

– Пожевать? Мы тоже голодны. Но умеем терпеть.

Франц начинает смеяться:

– Должно быть, бой пробудил в нем аппетит. Разыгрывает героя, несется во весь опор, подставляя голову под пули, при первых звуках стрельбы. Ради бога, приятель, будь сдержанней. Тебе не надо гоняться за русскими, как гончая собака, – добавляет он более серьезно.

Киваю в знак согласия.

– Кажется, я был немного не в себе. Увидел, как спрыгивают с грузовиков, и подумал, что красные начали массированную атаку.

– Бедняга Петер! Посмотри, как он жалеет, что не принял участие в большом сражении, – продолжил Франц, дразня меня.

Глухой рокот, который начинается вдали на дороге, превращается в оглушительный рев двигателей, работающих на низкой передаче, и ужасный скрежет гусениц, разрывающих асфальтовое покрытие. Во все стороны разлетаются куски асфальта и гравия. Думаю, раз весь «Викинг» пришел в движение, дорога приобретет не очень презентабельный вид.

Почти все командиры танков высунулись из башен и, проезжая мимо, весело кричат нам:

– Эй, это «Викинг»? Бьете баклуши? Ждете, что вам поднесут Львов на блюдечке с голубой каемочкой? Не нервничайте, парни, раз мы едем туда, для вас не останется ни одного мужика, ни подходящей женщины. Эх вы, бездельники.

Танки катят мимо нас добрых полчаса, поднимая клубы пыли и вгрызаясь в дорогу все глубже.

Между колоннами стремятся вклиниться грузовики с

солдатами. Видимо, эти люди отстали от 1-й дивизии.

Сейчас почти три часа дня, полевые кухни еще не появились.

Наконец, к нашему успокоению, раздают ломти хлеба и мясной паштет в тюбиках. Ветераны называют это «паштет из задницы обезьяны». Его вид явно не способствует аппетиту. Темно-коричневый, с белыми прожилками весьма отвратного вкуса. Но мы с шести утра ничего не ели и выдавливаем весь его без остатка. Должен признаться, я поступаю так же.

Затем появляется полковник.

– Ну, ребята, – говорит он, – кажется, нам придется позаботиться о проведении здесь ночи. Командирам взводов следовало бы организовать караульную службу и хозяйственные работы. Два эсэсовца на взвод, смена – каждые два часа. Хочу также, чтобы организовали дежурство на зенитках. На всякий случай.

Он быстро шагает, чтобы догнать группу офицеров.

– Вакер! Легкую роту «Йена» вперед, к дороге на Сокаль. Дивизион тяжелой артиллерии «Герцог» – в арьергард. Кто-нибудь видел ван Колдена?

Лейтенант, захваченный врасплох, высовывает голову из танка.

– Слушаю, герр полковник.

Это – голландец, которого я уже видел несколько раз. Ему лет тридцать. Очень славный парень. Говорят, он заслужил Рыцарский крест, поблескивающий на привязи вокруг его шеи, когда участвовал в кампании в Фессалии под командованием Листа.

В дивизии «Викинг» много голландцев, а также фламандцев, валлонов, финнов, датчан и норвежцев. «Викинг» – первая дивизия из европейских добровольцев.

Когда мы прогуливаемся, Карл вдруг говорит:

– Давайте осмотрим окрестности, раз уж придется заночевать здесь. У нас много времени.

Я – за, но Франц говорит, что устал. От чего устал, не могу себе представить. Однако на прогулку в поле мы отправляемся вдвоем. Возможно, это несколько опасное занятие. Хотя окрестности выглядят мирными, утренняя стычка показала, что красные, избегая встречи с нами с открытым забралом, стреляют нам в спину, если могут. Очевидно, они вынуждены так действовать, но все равно это нечестная игра, по нашему мнению.

Нам говорили, что первые бои за Бугом и перед Ковно (Каунасом) были довольно неприятными и в любом случае неожиданными.

Очевидно, русские знали все о наших планах, вероятно, за

месяцы. Точно так же, как мы знали все об их планах. Тем не менее стремительность нашего наступления явно застала их врасплох. Похоже, что прогнозы Верховного главнокомандования – как и во Франции – не поспеют за скоростью нашего продвижения в восточном направлении.

Согласно информации, переданной вчера вечером германским радио, Верховное главнокомандование надеется достичь Москвы в течение предстоящих двух недель.

Оказывается, некоторые «Дорнье-215» – разведывательные самолеты – сообщили о необычной активности вокруг Кремля. Пилоты сообщили, что на некоторых улицах русской столицы уже сооружаются баррикады.

Однако на данный момент мы пока еще не в Москве. Мы бродим по полям Польши, и это чертовски глупая идея.

– Должен сказать, меня интересует, что мы здесь ищем, – ворчит Карл, с трудом вытаскивая ботинки из глубокой грязи.

Я поворачиваюсь к нему.

– Неужто ты начинаешь жаловаться? Это ведь твоя идея. Кроме того, нельзя же сидеть в крытом кузове грузовика без еды до утра!

Мы выходим на узкую полевую дорогу с глубокой колеей. Очевидно, по ней часто ездят телеги. А если ездят, то с какой-то целью.

Вскоре в поле зрения попадает небольшой сельский домик. Его скрывает высокий забор.

Молча подходим к нему. Начинают лаять собаки. Возможно, здесь еще живут люди.

Осторожно входим.

Когда заворачиваем за угол, появляется невысокий, морщинистый, белобородый мужик, помахивая ружьем. Я хватаюсь за свой маузер. Очевидно, этого достаточно, чтобы он бросил свое ружье и поднял руки вверх.

Кто это? Он что-то быстро и невнятно бормочет и зовет нас в дом.

Карл тоже держит наготове свою длинноствольную «пушку», пока мы следуем за мужиком внутрь дома.

В доме сумрак, вонь и дым.

В сумраке мы различаем наконец двух женщин и курносого мальчишку лет десяти, робко прячущегося за юбку более молодой женщины.

Я спрашиваю:

– Кто говорит по-немецки?

– Nie zrazumiee pan niemisk, – отвечает мужик.

Мне кажется, это означает «Я не говорю по-немецки».

Это не способствует нашему разговору. Мое знание польского по меньшей мере весьма поверхностно.

Еда, сосиски, масло. Как это по-польски?

Спрашиваю:

– Сосиски, масло?

Киваю в сторону буфета.

Женщины ужасно пугаются, мужик все более придуривается. Нам начинает сильно надоедать их тупость.

Карл начинает кричать и тоже указывает на буфет.

– Heilige Sakrament vom Teufel! У вас есть еда, черт возьми? – орет он, раскрасневшись от гнева.

Поляк вдруг понимает, кажется, этот очаровательный язык. Он подходит к более молодой женщине и начинает поглаживать ее плечи.

– Piekny Kobieta, dobry Kobieta… Czy Masz. (Разве она не хороша? Хорошая девушка, можете воспользоваться ею, если хотите.)

Я изумлен до крайности, требуется время, чтобы я осознал это.

Неожиданно до меня дошло. Мы четверть часа указываем ему на буфет. Но перед буфетом женщина. Его жена.

Ублюдок! Очевидно, у русских (в данном случае поляков из Западной Украины. – *Ред.*), попавших под оккупацию, принято обеспечивать себе комфорт за счет своих женщин.

Мужик одаривает нас вялой поощрительной улыбкой, которая обнажает его почерневший беззубый рот. Какая досада! Возможно, в ином случае мы бы не отказались.

Наконец несчастный догадывается. И нам не нужно тратить оставшееся для кампании в России время на попытки заставить его понимать.

В три шага я оказываюсь у буфета.

Так яростно распахиваю дверцу, что она чуть не слетает с петель.

Внутри хлеб и бутылки. Негусто.

Нюхаю квадратную бутылку, которая обещает какое-то количество приемлемой водки. Конфискую эту мизерную добычу и даю Карлу понять, что пора возвращаться в лагерь.

Мы с гордостью выходим из дома под неописуемый гомон польских крестьян, которые, вероятно, часами будут выяснять друг у друга, что, в конце концов, произошло. И кто были эти двое вооруженных до зубов эсэсовцев, которые угрожали им с единственной целью очистить их кухонный буфет? Через полчаса мы были в лагере, когда уже наступила ночь. Таков был наш первый день на фронте, весьма необычный.

30 июня. В этот раз все серьезно. Бронетранспортер везет нас на полной скорости к небольшой деревне близ Львова, где, как нам сообщают, располагается важный очаг сопротивления.

Полковник решил передать меня на день в подчинение лейтенанту Шольцбергу, который командует ротой легкой пехоты, приданной танкам. В ожидании назначения я должен ознакомиться с различными видами боя. Так рекомендовано нашим полковым командованием.

Перед нами около пятнадцати танков. Видим, как они движутся вперед тяжелым ходом в нескольких сотнях метров от нас. Неожиданно они поворачивают под прямым углом и направляются в поле. Деревня находится очень близко. Вскоре мы слышим грохот выстрелов их 50-мм (T-III) и 75-мм (T-IV) орудий, вслед за которым сразу же сердито бахают русские противотанковые пушки.

Бронетранспортеры останавливаются в двух сотнях метров от танков. Мы немедленно спрыгиваем на землю.

Танки развертываются веером по местности и ведут огонь из всех орудий по домам.

Лейтенант смотрит на часы. Как раз перед атакой командир дивизиона определил точное время прекращения танками огня. Только после этого можно начать атаку мотопехоты.

С автоматами наизготовку мы прячемся за грузовиками.

Пальцы нервно поглаживают курки.

Внезапно обстрел со стороны красных усилился.

Танки прекращают огонь.

Теперь дело за нами.

С неистовым ором мы выскакиваем из прикрытия и мчимся к ближайшим домам.

Под моей командой два отделения – отделения шарфюрера Дикенера и роттенфюрера Либезиса.

Они знают, что я из Бад-Тёльца. Не пощадят мои чувства, если я допущу малейшую оплошность.

Мои двадцать подчиненных бегут вперед, бросаются наземь между перебежками, используя любое прикрытие, какое попадется – участки разрушенной стены, груды строительного мусора и металлолома.

Теперь русские стреляют в нас в упор.

Несколько их противотанковых пушек установлены в середине главной улицы. Возможно, они полагали, что наши танки будут проходить через деревню.

Та-та-та-та. Это бьет тяжелый ворошиловский 12,7-миллиметровый пулемет. (Пулемет ДШК («Дегтярев, Шпагин,

крупнокалиберный») образца 1938 г. – *Ред.*) Вместе с производимым пугающим грохотом он очень опасен.

В Бад-Тёльце и Зонтхофене мы изучали почти все виды оружия. Была возможность даже пользоваться ими на маневрах.

Солдаты пробиваются вперед через двери домов, открывая их пинками ног или прикладами своих автоматов. Русские быстро выбиты. Те, кто еще в деревне, поднимают вверх руки. Слишком поздно.

Я иду в большой деревянный дом, из которого стреляли полдесятка русских. Эти дикари (защитники своей земли! – *Ред.*) либо погибли от наших гранат и карабинов, либо сбежали. Я счел все же целесообразным самому убедиться в том, что в доме никого не осталось.

У порога два мертвых тела.

Разбитые черепа, зияющие раны, остекленевшие глаза. Эти двое получили свое.

Я поднимаюсь на второй этаж по шаткой лестнице, сбитой из грубо обструганных досок. За мной следует молодой эсэсовец, которого я встречал прежде. Поворачиваюсь и улыбаюсь ему. Он пришел, очевидно, потому, что увидел, как я один вхожу в дом.

С пальцем на курке своего автомата МР-40 медленно двигаюсь к закрытой двери.

Замок поддается удару ногой.

Из темноты вдруг выступает кричащий человек. Стреляю, повинуясь простому рефлексу. Перемещая ствол по дуге слева направо. В этот раз я напуган, стиснув зубы, в страхе продолжаю опустошать магазин.

Черная дымка, окутавшая меня подобно свинцовому облаку, мгновенно рассеялась, как только я начал стрелять. У моих ног лежит русский, буквально разорванный на куски.

Ощущаю вдруг нервную дрожь и сознаю, что находился в реальной опасности. Это отучит меня думать о себе как о бывалом воине! Очень опасно заходить в одиночку или даже парами в здание, где может скрываться большое число врагов.

Снаружи продолжается артиллерийская стрельба. Кажется, что она грохочет с возрастающей силой. В результате своей авантюры я потерял связь с подчиненными мне двумя отделениями, которые без меня, несомненно, хуже себя не ощущают. Но все равно они, должно быть, думают, что я паршивый командир взвода.

Наступление продолжается. Очищена почти половина деревни. Много трупов русских, но есть и некоторое количество убитых немцев. Противотанковые пушки русских выведены из строя ручными гранатами. Особенно преуспел в этом деле

шарфюрер Дикенер.

Он зубами резким движением вырывал чеку, секунду-две ждал, а затем бросал смертоносный снаряд более чем на тридцать метров.

Некоторые дома горят. Зажигательные гранаты тоже вносят свой вклад.

Из-за угла улицы появляется группа русских, которые тащат за собой 7,2-миллиметровую пушку. Они несколько самоуверенны. Четыре или пять дружных залпов встречают их так, как они того заслуживают.

Один из них, схватившись за живот, идет вперед, пошатываясь. Даем ему подойти ближе, не понимая его маневра. Вдруг видим, что он падает и катается по земле, воя, как раненое животное.

Пуля из маузера в голову кладет конец его страданиям. В данном случае акт милосердия помог ему уйти из жизни.

Та-та-та-та… Та-та-та-та…

Ворошиловский пулемет все еще выплевывает свой смертельный яд.

Никто даже не может понять, откуда исходит угроза. Это подлое устройство уже уничтожило дюжину наших солдат. Прикидываю, что если установить угол обстрела и точки попадания, то появится шанс выяснения хотя бы направления, с которого ведется огонь. Вот оно – я заметил его! Окно на втором этаже высокого квадратного здания. Явно административного здания.

– Четыре человека за мной! Пошли!

Подобно индейцам, мы крадемся, один за другим, от стены к стене, от дерева к дереву. Пользуясь в основном естественными укрытиями и заграждениями, мы выходим к цели.

Но эти свиньи заметили наше приближение и открыли ураганный огонь. Нам не добраться до них.

Протяжный пронзительный вопль завершается ужасным гортанным клекотом. Молодой солдат валится на землю с разбитой скулой и простреленным горлом. Он захлебывается в собственной крови, хлещущей изо рта. Нам приходится бросить его. Попытка вынести его в безопасное место стоила бы жизни одному из нас.

Русский пулемет продолжает яростно стрелять по раненому. От первых же пуль агонизирующее тело бедняги спазматически дернулось. Теперь он больше не шевелится. Тоже получил свое.

Я понимаю, что выбить русских невозможно. Нас мало. По моему сигналу мы четверо возвращаемся под укрытие, в расположение остальной роты.

Лейтенант Шольцберг разговаривает со своими подчиненными. Заметив меня, быстро поворачивается.

– А, это вы? Послушайте, мой мальчик, вы получите свою пулю в два раза быстрее, если будете действовать таким образом. Не надо вести себя так, как будто вы рыцарь, совершающий крестовый поход. Просто убивайте русских, вот и все. Я связался со штабом дивизии, попросив прислать на помощь два танка. Вы, однако, оставайтесь на месте, ни шагу отсюда.

Слышится топот бегущих ног. К лейтенанту подбегает эсэсовец и становится по стойке «смирно».

– Господин лейтенант, мы захватили десять большевиков, двое из них штатские. Что с ними делать?

– Ведите их сюда, – приказывает офицер.

Почти сразу появляются русские с поднятыми вверх руками. Скажу без предубеждений: у них не особенно привлекательный вид – бритые головы, монголоидные лица, пергаментная кожа и бороды как у каторжников. Очень напоминают сброд из гетто. На рукавах двух штатских замечаю золотые звездочки.

Комиссары!

Шольцберг заметил, что я смотрю на них. Он понимающе кивает мне:

– Они ваши, Нойман! Распорядитесь ими.

Чувствую, как меня прошибает холодный пот. Их следует расстрелять. Да. Но мне не хочется этого делать.

Мои колебания, хотя и мимолетные, не остаются без внимания лейтенанта, который быстро добавляет:

– Впрочем, лучше не вы. Успокойтесь, Нойман. Пусть эту небольшую формальность выполнит Либезис.

Он подает знак. Спокойно, небрежно, неторопливо роттенфюрер встает и идет к одному из штатских.

– Ты комиссар?

– Да! А что? – говорит пленный в замешательстве.

Либезис медленно достает из кобуры пистолет, вставляет магазин под взглядом вдруг выкатившихся глаз русского, целится в его бритую голову и нажимает на спуск.

Теперь остается только один комиссар.

Мгновение – и больше не остается комиссаров.

Первый пленный бросился на землю, кричал, не понимая, что происходит. Второй попытался удрать. Пуля, должно быть, попала ему в позвоночник, потому что он некоторое время катался по полу, дрыгая во все стороны ногами при неподвижном теле. Затем он замер, сразу и навсегда.

Между тем пленные, охваченные ужасом и под прицелом эсэсовского маузера, отнюдь не выглядят удовлетворенными

таким оборотом событий.

Они, вероятно, гадают, как и когда разделят роковую судьбу двух первых мужиков. Но не торопятся выяснять это.

Однако это – война.

Это все же война, и у нас нет времени беспокоиться об их печальной доле.

Прибывают два 22-тонных T-IV. Грохочут их почти 300-сильные двигатели. Они останавливаются в нескольких метрах от нас. Короткими, отрывистыми фразами Шольцберг объясняет танкистам, что от них требуется.

Монстры со страшным скрежетом разворачиваются. Во время движения их пушки потряхивает. Через несколько минут они начинают вести огонь по дому, в котором, вероятно, продолжал укрываться опасный ворошиловский пулемет (12,7-мм ДШК. – *Ред.*) русских.

Вскоре дело сделано – без малейших помех.

Около дюжины 75-миллиметровых снарядов пробили фасад здания, в то время как тяжелые станковые пулеметы довершили дело.

Теперь несколько пехотинцев вбегают в развалины и через мгновение появляются оттуда, помахивая в победном жесте своими автоматами.

Проводим последний осмотр, чтобы убедиться в полном отсутствии большевиков в руинах. Несколько выстрелов маузеров приканчивают раненых русских и тем самым избавляют их от напрасной боли и мучений. Мы снова возвращаемся в свои бронетранспортеры.

Пленных я больше не видел. Очевидно, их тоже избавили от мучений продолжительного плена.

По дороге в лагерь мы ошалело поем, может, для того, чтобы дать выход большой радости в связи с тем, что еще находимся в стане живых.

3 июля. Наступление продолжается оглушающими темпами. Пали на севере – Ковно (Каунас), на юге – Белосток (Каунас был захвачен немцами еще 23 июня, Белосток – 27 июня. – *Ред.*). Армии фон Бока и танковые дивизии Гудериана (2-я танковая группа в составе группы армий «Центр» Федора фон Бока. – *Ред.*) рвутся к Москве.

30 июня дивизии фон Штюльпнагеля (17-я армия. – *Ред.*) захватили Львов.

Я ездил вчера в этот город, упомянутый последним, вместе с майором Дерне, которого послали с миссией связи в штаб группы армий «Юг».

Мы прибыли туда из Дубно, который захватили у русских после ожесточенного сражения, длившегося целых два дня. Буденновские танковые войска были оснащены (наряду с большим количеством устаревших танков (Т-26, БТ-7, БТ-5 и др.) в западных округах Красная армия имела 967 Т-34 и 508 тяжелых КВ-1 и КВ-2. – *Ред.*) новыми танками Т-34. Этот танк был почти совершенным изделием (Т-34 в начале войны имели много недостатков: малый моторесурс двигателя (всего 50 часов), частый выход из строя коробки передач, хрупкие траки гусениц, теснота башни, слабая радиофицированность, ограниченный обзор командира и т. д. – *Ред.*). Танковая битва продолжалась день и ночь, склоняясь то в одну, то в другую сторону. Роковая битва гигантов, сражавшихся трассирующими снарядами ночью. В этом районе русские держались изо всех сил, до последнего солдата. Нам даже не досаждали пленные. Каждый новый квартал, в который мы входили, был абсолютно безлюдным.

Русские увозили с собой своих убитых и раненых, даже использованные ящики для снарядов и гильзы. Не оставляли ничего, ни малейшего признака своего пребывания. Кроме смерти и разрушений.

Во Львове мы застали ужасные сцены.

Перед отступлением русские сожгли и разграбили все, что не вывезли. Не имея возможности переправить заключенных на восток, они просто уничтожили их.

В тюрьме НКВД, где помещались русские и польские политзаключенные, осталось только около сотни человек. Других заключенных, видимо, расстреляли во внутренних дворах тюрьмы, поскольку там громоздились груды трупов, порой внушительной высоты.

Население Львова тоже не избежало бойни. Видимо, наше наступление дезорганизовало красных и привело их в замешательство. Они спасались пешком, в телегах и в кузовах грузовиков, в хаотическом состоянии, стреляя, как безумные, во все, что было на виду.

Они не прекращали стрелять из двигавшихся грузовиков, целясь в мелькавшие по пути дома.

Именно политические комиссары приказали красным расстрелять заключенных – мужчин и женщин. Их арестовали в последние несколько недель под весьма смехотворными предлогами – систематические опоздания на работу, случайные ошибки на производстве, которые расценивались как саботаж, или же невыполнение норм сельхозпоставок.

Зловоние на улицах неописуемо. Армейских кремационных грузовиков вскоре оказалось недостаточно, и за городом

выстроили огромные поленницы дров для сжигания трупов.

Перед уборкой тел многие горожане пытались опознать останки друзей или родственников. С носовыми платочками, прижатыми ко рту, они копались среди мертвых тел, переворачивали тела, с которых поднимались рои мух. (По данным украинских историков, в застенках НКВД во Львове было расстреляно около 2,5 тыс. чел. Однако немцы позже уничтожили здесь 140 тыс. военнопленных (не только советских), а из 100 тыс. евреев львовского гетто к моменту освобождения города уцелело только 300 чел., прятавшихся в канализации в городе. Об этом автор, естественно, не пишет. – *Ред.*)

В городе воцарилось безмолвие, прерывавшееся только сигналами наших транспортных средств и громкоговорителями агитационных машин, оглашавших на польском языке срочные объявления для выживших гражданских лиц.

Повидав эти ужасы, я больше не буду чувствовать особые угрызения совести в отношении уничтожения русских, о чем говорил Шольцберг.

Майор Дерне выполнил поручение, и мы поехали в обратном направлении. У него французский 50-сильный «Ситроен», который несется как ветер. Мы вернулись в Дубно через два часа, несмотря на скверное состояние дорог.

10 июля. По пыльным дорогам Украины катятся гусеницы танков танковой (до октября 1943 г. называлась моторизованной. – *Ред.*) дивизии «Викинг».

Переход от Дубно к окрестностям Житомира был относительно легким, если не считать нескольких стычек с очагами сопротивления отдельных красноармейских отрядов или группами партизан. Фактически многие отряды рассеивались, как только мы начинали атаковать их, а сами красноармейцы прятались в соседних селах. Затем, быстро разобравшись по взводам или ротам, они снова нападали на наши линии коммуникаций.

Куда бы мы ни приходили, повсюду видели следы разрушений, вызванные действиями спецподразделений НКВД. И мы встречали те же бесконечные колонны советских пленных из Львовского мешка, шагающих в тыл. Их было более чем 100 тысяч. В дополнение к этому русские бросили здесь почти 2 тыс. танков (из-за технических неисправностей на маршах, в ходе нанесения контрударов здесь было потеряно около половины общего числа машин. Всего на Западной Украине с 22 июня по 6 июля Красная армия потеряла 4381 танк из 4783. – *Ред.*) и 1500 орудий.

11 июля. Войска буденновской 6-й армии (командующий генерал-лейтенант И.А. Музыченко. – *Ред.*) блокируют наступление, обороняя лес к юго-востоку от Житомира.

С утра мы стояли на боевом рубеже, ожидая, когда танки завершат свою работу перед нашей атакой.

Тактика танковых частей состоит в следующем. Подходя к позиции противника, танковые батальоны развертываются веером так, чтобы обойти фланги противостоящей стороны и окружить противника. Далее они, действуя как клещи, постепенно снова смыкаются, вынуждая русских, таким образом, отступать в уменьшающуюся зону.

Затем наша пехота атакует образованный таким образом мешок и методично его зачищает…

Оглушительный грохот артиллерии, обрабатывавшей с рассвета позиции русских, прекратился. Нам сообщают, что передовой эшелон штаба передал по радио приказ начать наступление.

Я подаю водителю знак начать движение. Некоторое время назад нас оснастили новыми полугусеничными бронетранспортерами, которые развивают приличную скорость на любой местности. На них установлена 50-миллиметровая пушка, и два артиллериста готовы вести огонь.

Внезапно бронетранспортер останавливается. Мы спрыгиваем.

Впереди, в трехстах метрах от нас, бой в полном разгаре, или скорее мы видим беспорядочную массу людей, среди которых различаем солдат в русских и немецких мундирах. Похоже, что красные собираются здесь удержаться.

Со всех сторон носятся с воем и свистом снаряды и пули.

Некоторые из наших солдат довольно глупо передвигаются в полный рост.

– Ради бога, пригнитесь! Где вы находитесь, по вашему мнению? На учениях?

Перед нами лес и несколько разрушенных изб, откуда ведется сильный огонь из противотанковых ружей. (В июле 1941 г. в Красной армии такого оружия еще не было – ПТР были срочно разработаны и приняты на вооружение в конце августа. – *Ред.*)

Начинает кричать Шольцберг:

– Рассредоточиться! Цель взвода Ноймана – ближайшие хаты! Другие – в лес! – Он поднимает руку. – Вперед, быстрее!

Полусогнувшись, я бегу впереди своих солдат. Разворачиваю взвод дугой. Мы продвигаемся вперед довольно быстро, без особых затруднений.

Другие боевые группы уже достигли опушки леса. Огнеметы

изрыгают длинные красные языки пламени, и сосны загораются, как факелы.

Русские ведут огонь в нашем направлении без остановки.

Вдруг раздается ужасный визг, как при конце света… Страшный грохот. Кажется, что разверзается твердь, будто поддетая гигантской лопатой. Во все стороны разлетаются комья земли.

О боже! Нас обстреливают снарядами калибром по меньшей мере в 400 миллиметров! (Красной армией иногда использовались 305-мм и 356-мм орудия на железнодорожных транспортерах – эти орудия были сделаны еще до революции 1917 г. 305-мм орудия царских линкоров стояли также на некоторых батареях береговой обороны (например, в Севастополе). – *Ред.*)

Наши это орудия или большевиков?

Откуда они бьют? Десять солдат ранены осколками снаряда, который разрывается рядом с ними.

А батарея, которая, должно быть, скрыта бог знает где, продолжала вести огонь. На мой шлем падала грязь, поднятая ввысь взрывами. Мое лицо почти полностью залеплено землей. Думаю в этот момент, что с удовольствием проглотил бы большую порцию земли, только прекратился бы этот чертов обстрел.

Но нам нужно идти вперед любой ценой и выйти из-под обстрела русских, если не хотим превратиться в удобрение.

В этот раз, без сомнения, такое может случиться. Именно мерзкие красные нас обстреливают. Мы слышим орудийную канонаду в близлежащем лесу.

Сквозь эту завесу смерти мы бежим как угорелые, припадая к земле через каждые двадцать метров или около этого. Погибли еще десять солдат, разорванные на куски огромными, как суповые тарелки, фрагментами зубчатой стали. Один из раненых ползет по земле, ругая санитаров за то, что они не выносят его из зоны обстрела немедленно. От этого ему гораздо легче!

Наконец первые дома. Несколько взрывов. Зажигательные гранаты. Соломенные крыши вспыхивают ярким пламенем.

Русские с воплями убегают. Один из них, чья одежда горит, катается по земле, визжа, как свинья на скотобойне.

Стреляем в группу русских. Внезапно меня переполняет гнев. Разве они не достали нас своим нелепым сопротивлением? Мы должны стереть их с лица земли. Стереть…

Я стреляю и меняю магазин, снова и снова. Солдаты швыряют гранаты в дома, откуда еще ведется огонь. Крыши рушатся в тучах искр.

В дыму мелькают зеленые призраки, пытающиеся убежать в лес.

Гранаты.

Фрагменты разорванной плоти падают на землю среди деревянных и каменных обломков.

Окончательная зачистка хат автоматными очередями – и мы, в свою очередь, вбегаем в густой подлесок, где другие взводы уже ведут тяжелый бой.

Остаток дня проводим в прочесывании лесных чащ, зачистках и преследовании красных, которые возникают со всех сторон с поднятыми руками. Пинками ног мы отправляем их к грузовикам.

Они пополнят число заключенных концентрационных лагерей, спешно созданных в Карпатах и Галиции.

Житомир, 28 июля. Мы заняли этот город несколько дней назад. Называя его городом, я, возможно, преувеличиваю, поскольку все, что мы видим, – это километры развалин и снова развалин.

В дивизию поступили новые приказы.

В дополнение к политкомиссарам нам следует расстреливать без суда еврейских функционеров, как гражданских, так и военных.

Ликвидации, казни, чистки. Все эти слова – синонимы разрушения – кажутся совершенно банальными и лишенными смысла, когда привыкаешь к ним.

Это словарь общего пользования, и мы употребляем эти слова так, как если бы речь шла об уничтожении назойливых насекомых или опасных животных.

Однако такие слова применяются к людям. Но к тем людям, которым суждено было стать нашими смертельными врагами.

Приказ предусматривает также личную ответственность офицера СС за выполнение данных директив, даже если его подчиненный не смог их выполнить.

То есть наша собственная жизнь зависит от смерти других.

В Дубно я видел, как Карл расстреливает из своего маузера группу штатских лиц, состоявших в местном русском ИТУ. (Исправительно-трудовое управление – Центральная администрация исправительно-трудовых лагерей. – *Авт.*) Эти лица ни в коем случае не отличались святостью и, видимо, не колебались отправить какого-нибудь беднягу на шахты Сибири за небольшую провинность. И все же я остановился на миг как вкопанный перед лицом поразительного хладнокровия Карла. Его рука не дрогнула.

Неужели это тот же парень, которого я когда-то видел

играющим в волейбол в коротких штанишках у волнорезов искусственного озера Аусеальстер в Гамбурге?

4 августа. Линия Сталина – то есть Витебск – Могилев – Гомель – Киев – прорвана в нескольких местах. Форсирован Днепр в верховьях.

Группа армий «Север» фон Леeба после взятия Полоцка обходит Лугу и движется на Ленинград. (Наступление в обход Луги на Ленинград началось 8 августа. – *Ред.*)

Смоленск взят центральной группой армий фон Бока, отбросившей войска Тимошенко.

Дорога на Москву открыта. (Как раз под Смоленском на Московском направлении немцы впервые были вынуждены 30 июля перейти к обороне – до 30 сентября. – *Ред.*)

6 августа. Дивизия «Викинг» прошла Житомир и заняла почти без сопротивления Белую Церковь, один из оплотов знаменитой линии Сталина. Эскадрильи «Дорнье» и «Юнкерсов» фельдмаршала Кессельринга (фельдмаршал Кессельринг командовал 2-м воздушным флотом, поддерживавшим с воздуха группу армий «Центр». – *Ред.*) и генерала Лёра (командующий 4-м воздушным флотом, поддерживавшим группу армий «Юг». – *Ред.*) уничтожают позиции противника в киевском секторе и вдоль Днепра.

Столица Украины окружена с севера и юга, взята в клещи войсками фон Клейста и танковыми дивизиями фон Рейхенау. (Автор продолжает путаться. В данном случае имеются в виду попытки наступления на Киев с юга 1-й танковой группы Клейста и 6-й армии Рейхенау. Киевская группировка Красной армии была окружена позже – 15 сентября. – *Ред.*)

8 августа. Буденный попал в западню!

Беспрерывно наступая, днем и ночью, наша дивизия вместе с 1-й дивизией СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» соединились наконец с венгерскими войсками в Первомайске.

6-я и 12-я армии красных, а также часть 18-й армии окружены и попали в Уманский котел (6-я и 12-я армии были окружены 2 августа и сражались до 1–11 августа. Из окружения вышли лишь 11 тыс. из более чем 100 тыс. человек. – *Ред.*).

Впервые с начала кампании мы приняли участие в таком важном сражении.

Венгры, собиравшиеся атаковать, рассказывают, что в течение четырех дней и ночей позиции русских обстреливало фантастическое количество артиллерийских орудий.

В самом деле, вдоль дороги мы заметили сотни тяжелых батарей, стволы орудий которых были задраны вверх на сорок пять градусов. Их прикрывали камуфляжные сети или ветки деревьев.

Адский грохот тысяч орудий заставляет трястись землю. В секторах, удерживающихся большевиками, не могло остаться ни одного оборонительного сооружения на многие километры.

На рассвете все танки, не участвующие в окружении Киева, движутся на юго-восток.

Мы готовы выступить в 9 часов.

Почва болотистая, и продвижение затрудняется тем, что все мосты разрушены. Строившиеся русскими для проезда крестьянских телег, эти мосты рушились даже тогда, когда по ним пытались проехать легкие танки. Вместо каждого рухнувшего моста саперам приходилось возводить понтонные переправы, пока не будут созданы новые, более прочные сооружения.

Русские, должно быть, получили очень строгие приказы держаться, потому что начали сражаться как бешеные. В отличие от прежних боев в начале июля.

Приказы Генштаба Красной армии об уничтожении имущества и директивы, изданные руководителями СССР, должно быть, имели какое-то отношение к таким проявлениям героизма.

Над нашими головами жужжат несколько бомбардировщиков красных, летящих на низкой высоте. Это их классический способ избегать «мессершмиттов», скорость которых значительно выше. Но им не уйти далеко.

Сейчас мы движемся в авангарде и должны быть чрезвычайно осторожными.

Люфтваффе плохо представляют наши позиции. Нас уже обстреливали немецкие истребители, приняв за русские войска.

Немало немецких солдат погибло от пуль и снарядов, выпущенных «Штуками» («Юнкерс-87») и Ме-109. Нам отныне приказано во главе колонны нести флаг со свастикой.

По мере своего продвижения мы встречаем полусожженные деревни, где приходится зачищать дом за домом.

Часто русские солдаты, скрывающиеся в развалинах, используют против нас стрелковое оружие и гранаты через несколько часов после нашего прибытия.

Более того, надо быть очень осторожным, когда прогуливаешься, поскольку сельская местность напичкана минами. Неосторожно открытая дверь может привести в действие адскую машину. В некоторых местах повсюду мины-сюрпризы. Лежащий на полу красивый пистолет может быть незаметно подсоединен к взрывному заряду. Внутри безобидного самовара

может содержаться несколько килограммов взрывчатки, ожидающей подрыва. Банки варенья, бутылки водки и даже колодец, за веревку которого хочется потянуть, чтобы набрать немного свежей воды, представляют собой смертельные ловушки, которых следует остерегаться.

Иногда найти провода, ведущие к кислотному взрывателю или ударному капсюлю, легко. Труднее демонтировать минную ловушку без того, чтобы в процессе работы не отправиться на тот свет.

Самый простой способ заключается в том, чтобы из безопасного укрытия бросить в дом три-четыре гранаты, в том числе перед входом в него. Взрывы одновременно выведут из строя мины-ловушки.

10 августа. Повсюду от Новоукраинки до Голованевска лежат десятки тысяч трупов русских.

Русские гибли на склонах холмов, берегах рек, на обеих сторонах мостов, на открытой местности. Во время сопротивления их сметали дивизиями, батальонами, полками, ротами.

Часто груды переплетенных тел высились на метр или больше, словно их скашивали пулеметы, шеренгу за шеренгой.

Надо самому увидеть эту чудовищную массу разлагающихся трупов, чтобы полностью осознать, на что это было похоже.

В определенные временные отрезки дня, когда солнце особенно палит, газы распирают животы трупов, и тогда слышатся неимоверно противные булькающие звуки.

Когда мы становимся лагерем, то прежде всего распыляем в окрестностях негашеную известь или бензин.

20 августа. Этим утром нас позвал к себе полковник.

Штаб полка размещается в небольшом изолированном доме у дороги. Когда я вошел, полковника окружала группа офицеров, ожидавшая, что он скажет.

– Господа, – обратился он. – Разведка сообщает, что русские разрушают сооружения на огромной плотине у Днепропетровска. Несколько турбогенераторов мощностью в 62 тысячи киловатт отправлены на восток. Далее, сообщения из надежных источников свидетельствуют о том, что специальные команды НКВД готовы взорвать остальные объекты плотины.

Он указал на карту, расстеленную на грубом дубовом столе.

– Начиная с июля они быстро построили долговременные огневые сооружения на обоих берегах реки. Опять же, по сообщениям разведки, в долине реки установлены тысячи

противотанковых и зенитных орудий калибром 76,2 мм. (Зенитные орудия Красной армии имели калибр 25, 37, 76 и 85 мм. Последние два успешно применялись против танков. – *Ред.*) Нам предстоят нелегкие операции…

Он выпрямился и повернулся к нам лицом.

– Верховное командование считает, что мы можем захватить плотину в сохранности, если не будем терять ни минуты.

Выражение его лица стало серьезным.

– Приказы вполне ясные. Нам нужно наступать в направлении Днепра немедленно. Навстречу головным частям фон Клейста, к Чигирину, что расположен на одном из притоков реки.

22 августа. Днепр у наших ног, широкий и величавый.

Обрывы на его западном берегу господствуют над всей индустриальной долиной с притоком Днепра рекой Самарой. Дальний берег Днепра, видимый сквозь низко стелющуюся дымку, низкий и плоский, и это явно облегчает наше наступление.

Пока в секторе почти спокойно, если не учитывать постоянной артиллерийской дуэли и обычные рейды авиации с целью бомбардировки.

Если не пасмурное небо, если нет дождя, можно различить на востоке высокие трубы заводов – гордость советских пятилеток.

Есть надежда, что через несколько месяцев все заводы долины Днепра и Донецкого бассейна будут производить вооружение для германской армии.

Пока же идет дождь.

Если это можно назвать дождем. Скорее каскад, завеса воды, низвергающейся с постоянно темного неба.

Фактически нам везет, потому что на Северном и Центральном фронтах грязь делает операции совершенно невозможными. Говорят, целые полки там вязнут в грязи после всего лишь часового дождя.

В любом случае дождь вдоль Днепра не мешает артиллерии красных обрушивать на нас снаряды и фугасы со щедростью и упорством, достойными лучшего применения.

К счастью, часть снарядов зарывается в грязи без разрывов.

Бух… ух…

В этот раз смерть обошла нас стороной.

24 августа. Мощный взрыв, прозвучавший особенно внушительно в ночной тишине.

Горячая воздушная волна, будто из открытой дверцы домны, проносится над темной равниной.

Просто произошел второй подрыв плотины.

Нам не найти действующих гидростанций: они определенно выведены из строя.

Идем в наступление.

Танки полка «Викинг» сползают по крутым дорогам, ведущим к берегам Днепра. За ними на полной скорости следуют бронетранспортеры с войсками. Они совершают настоящий слалом в попытках объехать бесчисленные воронки и трупы людей и животных, загораживающие дорогу.

Красные на противоположном берегу отчаянно пытаются задержать эту грозную лавину танков и пехоты.

Поворачивая, мы уже видим первые десантные резиновые лодки саперов, готовящиеся под пулеметным огнем форсировать реку.

По нашим танкам ведется огонь, охватывающий территорию на многие километры, из зениток, которые используются как противотанковые орудия. Танки меняют позиции в ожидании момента, когда наведенный понтон позволит им переправиться через Днепр.

Мы же цепко держимся за железные стойки наших бронетранспортеров, направляясь к берегу. Прежде чем стрелять, ждем, когда подойдем на дистанцию действенного огня.

Сотни «Штук» с адским воем пикируют на батареи красных, которые частично замаскированы камуфляжными сетками и ветками.

В сотне метров перед нами только что опрокинувшийся грузовик катится, переворачиваясь снова и снова, уничтожая, видимо, взвод противотанковой роты. Из тридцати человек ни один не спасается. Раненый с перебитыми обеими ногами просит нас прикончить его. На это нет времени. Земля трясется, кажется, все распадается и исчезает.

Ослепительная вспышка. Дьявольский грохот.

Снаряд попал в передок нашего бронетранспортера. Чудо, что мы еще живы.

Повсеместно сцены смерти. Пока мы мучительно откапываем остатки грузовика, по нам ведется ураганный огонь. Несколько человек попали в ловушку между металлическими частями разбитой машины. Здесь тоже опасно. Мы не можем их выручить – в менее чем пятистах метрах от нас батареи русских.

Я обнаруживаю вдруг, что пропал мой МР-40. Очевидно, его завалили обломки грузовика.

Хватаю другой автомат из рук погибшего роттенфюрера (обер-ефрейтора), чьи остекленевшие, неподвижные глаза больше

не видят ужасного, смертельного сражения вокруг нас.

Возникает впечатление, что интенсивность огня русских увеличивается.

Снаряды и взрывы обрушиваются со всех сторон. Больше не решаюсь поднять голову. Лежа плашмя на земле, пытаюсь определить, ведут ли наступление другие подразделения полка. Нельзя оставаться в этом аду долго.

Боже, если мне будет суждено выбраться живым из всего этого, то я преклоню колени в церкви Виттенберге и буду молиться.

Кто-то должен взять на себя ответственность. Поднимаю левую руку.

– Взвод! Вперед!

МР-40 кажется ужасно тяжелым. Должно быть, я поранил руку об обломки перевернувшегося грузовика.

На бегу мне вдруг приходит в голову одна мысль: у меня нет патронов. Боже мой, какая глупость с моей стороны! Через несколько минут, пользуясь затишьем, вижу солдата, который несет внушительный патронташ, перекинутый через плечо. Хватаю несколько магазинов (по 20 патронов в каждом).

Теперь я полностью оснащен для форсирования Днепра.

Огонь русских постепенно ослабевает. Люфтваффе и орудия наших танков подавляют батареи красных одну за другой.

Саперы, рассредоточенные по берегу, наводят первые понтоны.

Через несколько часов мы тоже переправляемся по понтонному мосту, прикрываясь броней танков.

Далее всего лишь операции по ликвидации отдельных очагов сопротивления противника.

27 августа. После ужасного сражения взят Днепропетровск.

Но одна сторона гигантской Запорожской плотины (Днепрогэс, построенный в 1927–1932 гг. – *Ред.*) разрушена на длину почти в двести метров. Из девяти турбогенераторов общей мощностью в более чем полмиллиона киловатт пять вывезены русскими.

Другие преднамеренно выведены из строя саперами НКВД, которые просто запустили их на полную мощность без смазки.

Огромная масса бетона, каменных глыб и железа обречена на бесполезное существование. С гигантским продуктом советского гения покончено. (После войны, уже в 1947 г., была введена в строй первая очередь Днепрогэса, а до 1950 г. гидроэлектростанция была восстановлена полностью. – *Ред.*)

Уже прибыли эксперты генерал-лейтенанта Томаса, чтобы определить размеры ущерба. Специалистам из организации Тодта придется потрудиться, если они собираются вернуть плотину к работе в течение нескольких месяцев. (Мощность Днепрогэса в 1932 году составляла 650 тысяч киловатт. В 1943 году организация Тодта снова привела гидроэлектростанцию в рабочее состояние. Но введенные в строй мощности не превышали 38 тысяч киловатт, что составляло 5 процентов от довоенных.)

Такую работу нельзя, разумеется, завершить без труда и хлопот.

Между тем у нас целая неделя для отдыха. Мы, конечно, заслужили ее.

У Франца немного поранена рука, но его состояние не настолько серьезно, чтобы рассчитывать на эвакуацию в госпиталь Хохенлихена (немецкий госпиталь для лечения членов СС).

Шольцбергу не так повезло.

Разрыв снаряда снес ему голову, как только он ступил на восточный берег Днепра.

16 сентября. В Новогеоргиевске нет ничего, кроме развалин… (Новогеоргиевск на северо-востоке Кировоградской области был в 1961 г. затоплен водами Кременчугского водохранилища. – *Ред.*)

На километры нет ни одного стоячего сооружения. Улиц больше нет. Только траншеи среди обломков и рухнувшей каменной кладки. Повсюду остовы разрушенных домов, которые еще слегка дымятся. Случается услышать глухой взрыв снаряда или гранаты, до которых добрался жар еще тлеющих пожаров.

По четырем углам пепелища, бывшего ранее городом, установлены указатели со стрелками, указывающими, где найти различные склады снабжения, полковые медпункты, дивизионный штаб и т. п.

В дневное время город выглядит неестественным, безмолвным, почти пустынным.

Редкие жители, осмеливающиеся выйти на улицы, ходят, глядя прямо перед собой и делая вид, что нас не замечают. Они кажутся удрученными и жалкими. В других занятых нами городах русские, казалось, воспринимали оккупацию с неким подобием фатализма и обреченности. Но в районе Новогеоргиевска есть партизаны.

И все же группы жителей собираются вокруг плакатов, вывешенных нашей службой пропаганды. Они перечисляют все виды разрушений, за которые ответственны команды НКВД. Есть другие плакаты, которые разъясняют планы восстановления и

распределения земли, разработанные помощниками генерала Томаса. Русские задумчиво покачивают головами и идут дальше.

Ночи в Новогеоргиевске более оживленны.

«Оживленны» – не то слово. В течение трех дней нас донимали группы партизан, постоянно нападавшие на грузовики и отдельные отряды солдат.

Некоторые шайки партизан скрываются днем в развалинах города. Или, возможно, они маскируются под честных рабочих, владея документами, доказывающими, что у них есть работа. Поэтому их трудно разоблачить и схватить.

Другие укрываются, видимо, в близлежащем лесу Градижск и по ночам проникают в места, где имеют своих сторонников.

По приказу местного коменданта с семи часов вечера установлен комендантский час. После этого часа патрули задерживают всех, у кого нет пропуска. Арестованных сажают в муниципальную тюрьму в качестве заложников.

Несмотря на это, по словам солдат 17-й армии Штюльпнагеля, оккупирующих город, нападения партизан становятся все более частыми. Снова и снова убивают офицеров и солдат на улицах, взрываются мосты, пускаются под откос поезда, обстреливаются из автоматов или забрасываются гранатами снабженческие подразделения, пользующиеся побочными путями. И никто из задержанных не признает какую-либо связь с партизанами.

На все вопросы русские отвечают, что они ничего не знают, ничего не видели, ничего не слышали.

А убийства продолжаются. Скоро находиться в городе будет опаснее, чем участвовать в атаке под артиллерийским обстрелом. Сегодня вечером убиты два финских шарфюрера (унтер-фельдфебеля) из полка «Норд».

23 сентября. Мы отправляемся на рассвете. Идем в Красную для проведения карательной операции. В этот раз партизаны зашли далеко, подорвав два бензовоза. Шестеро солдат были убиты и трое ранены. Последние ужасно обожжены и определенно не выживут.

Нельзя позволять этим террористам продолжать их преступления. Несколько крестьян сообщили нам, что некоторые подозрительные группы скрываются близ Красной. Полковник немедленно приказал голландскому унтерштурмфюреру (лейтенанту) Колдену взять под свою команду два взвода и прочесать лес Градижск.

Выделено по одному бронетранспортеру на взвод. Мы отбыли около шести часов утра. При почти дневном свете.

Имею при себе в качестве командиров отделений шарфюрера Дикенера и роттенфюрера Либезиса. Один прямая противоположность другому. Дикенер – большой, спокойный, неразговорчивый уроженец Вюртемберга, лаконичный, сдержанный и не особенно чтимый в своем отделении. Солдаты считают его надсмотрщиком, но он, видимо, относится безразлично к их мнению и поддерживает дисциплину посредством угроз и наказаний. В свое время он состоял в СА и был вовлечен в заварушку 1934 года, когда произошла история с Рёмом. С другой стороны, Либезис – бодрый тирольский крестьянин. Он ревет, как разъяренный бык, если его приказы не исполняются, но в увольнении щиплет за задницы русских баб и выпивает со своими подчиненными, как обычный рядовой солдат. Храбростью в бою он заслужил Железный крест и серебряную руну СС. Несмотря на все его недостатки, солдаты отделения Либезиса считают его первоклассным командиром.

Мы снова переправляемся через Днепр по понтонному мосту. Но в этот раз не опасаясь снарядов и бомб.

Без артобстрела, но под проливным дождем.

Конструктор бронетранспортера, не сомневаюсь, прекрасный изобретатель, но он мог бы, по крайней мере, предусмотреть для нас алюминиевую крышу или хотя бы брезентовый верх. С автоматами и пулеметами между колен и с поникшими под дождем плечами мы, должно быть, выглядим жалкой кучкой охотников за террористами.

Мы проезжаем деревни, жители которых со страхом наблюдают за нами. Затем бежим и запираем их в своих домах. Они уже поняли разницу между эмблемами птицы на рукаве и на груди. Вероятно, они говорят друг другу: «Птица на рукаве очень опасно. Не надо попадаться им на глаза».

Отличительный признак СС состоит в том, что мы носим нацистского орла на левом рукаве. Солдаты вермахта носят его на груди, справа.

И вот нескончаемый лес – Красная.

Колден спрыгивает из кузова первым. Следуя за ним, я направляюсь к дому старосты, который узнается по ржавым остаткам серпа и молота, совершенно оторванных. Эсэсовцы с карабинами наготове тоже выбираются из грузовиков.

Лейтенант открывает дверь ногой.

В доме находится старик неприятной внешности и две женщины, парализованные от неожиданности страхом, когда мы входим.

Колден знает несколько слов на украинском и спрашивает старика:

– В деревне или окрестностях имеются незарегистрированные жители?

Старик явно затрудняется с ответом. Он поднимает голову и смотрит на каждого из нас по очереди в замешательстве и сильном страхе. Наконец бормочет:

– Нет, никого нет, кого вы не знаете.

Я поворачиваюсь к лейтенанту:

– Не думаю, что мы чего-нибудь добьемся от него, унтерштурмфюрер. Лучше опросить обычных людей. Женщины особенно склонны к общению.

– К черту! Он заговорит или получит пулю, грязный ублюдок!

Голландец вытаскивает свой маузер и наставляет дуло в грудь старику. Посинев от ярости, он забывает говорить по-украински и кричит старику:

– Ладно, негодяй! Если не скажешь, где эти грязные партизаны, я всажу в тебя свинец, не будь я из Гронингена.

Он хватает старика за плечо и яростно трясет его.

– Террористы! Не понимаешь? Террористы! Что тебе известно о террористах?

Старик медленно сползает на колени и хватается за подол плаща Колдена.

– Сжалься, батюшка. Не убивай!

Он смертельно бледен и дрожит. Ползает по полу, стараясь увернуться от сильных пинков голландца в солнечное сплетение.

– Сжалься!

– Грязная свинья! – орет Колден.

Он стреляет три раза.

Старик обмяк, его глаза закатываются до белков.

Лейтенант глядит на расползающееся пятно крови на полу так, словно не понимает, что случилось.

Внезапно, не знаю почему, у меня возникает желание вцепиться в горло подлому голландцу. Бедный старик! Однако мы на действительной службе. Эсэсовец не должен поддаваться чувствам.

Когда выходим, Колден, белый как мел, поворачивается ко мне:

– Знаю, что совершил глупость! Потерял самообладание. Но старый негодяй что-то знал. Они все что-то знают. И не говорят. Тем хуже для них! Слишком много наших солдат погибает!

На улицах пусто. Селение выглядит мирно, но мы видим, как жители со страхом наблюдают за нами из окон. Все слышали выстрелы и, должно быть, догадались, что мы ищем террористов.

К нам подходит унтершарфюрер (унтер-офицер) Мартин, который командует вторым взводом.

– Что случилось? Русские выглядят запуганными!

Мартин – ветеран «Лейбштандарта». Он прослужил более месяца в Восточной Пруссии в «Вольфшанце» («Волчье логово» – название находившейся здесь штаб-квартиры Гитлера). Затем его снова послали на фронт. Он все еще носит нарукавную нашивку с именем фюрера и гордится тем, что входил в состав личной охраны Ади, когда тот был во Франции. В остальном он всегда весьма добродушен и флегматичен. Родом Мартин из Любека и довольно простоватый парень.

– Не в настроении разговаривать, так? – спрашивает он.

– Перестань, Мартин! – рявкнул Колден. – Мы здесь не для того, чтобы шутить.

Голландец поворачивается к нам:

– Ваши солдаты должны блокировать всю зону. Никто не должен покидать своего дома.

Приказы передали по отделениям, и мы двинулись к центру деревни. По пути лейтенант отдает свои распоряжения. Сначала мы опросим местных жителей и, если ничего не узнаем, прочешем лес. Но у нас мало шансов, потому что партизан, скорее всего, крестьяне уже предупредили о нашем прибытии.

Мы разделились.

Я подзываю двух эсэсовцев, которые находились поблизости, и приказываю им следовать за мной. Выбираю вполне приличный дом, и мы втроем в него вторгаемся.

Нам навстречу поднимается старый крестьянин в рваной одежде, с окладистой бородой. У растопленной печки в глубоком кресле сидит женщина, видимо парализованная. Она остается неподвижной, но в страхе выпучила глаза.

Несмотря на свой грозный вид, я чувствую себя неловко. О чем буду спрашивать этих людей? Прячутся ли террористы у них в шкафу? Глупый вопрос, ибо сам не могу поверить, что они скажут «да».

На шум из двери в дальнем конце комнаты выходит другая, более молодая женщина. Она молча глядит на нас.

Я спрашиваю:

– Здесь есть террористы?

Чувствую, что выгляжу крайне глупо.

– Нет, господин, нет, – заверяет меня старик.

Несмотря на его невинный вид, у меня сразу возникает чувство, что он валяет дурака, в действительности что-то зная. Но что делать? Он выглядит подавленным, его пальцы нервно сжимаются и разжимаются. Он ничего не скажет.

Два эсэсовца смотрят на меня с удивлением и вопросительно. Они явно считают, что я показываю себя не с лучшей стороны.

Обращаясь к молодой женщине, заставляю себя говорить более уверенно и резко. Она тоже ничего не говорит, кроме «нет и еще раз нет».

Все это выводит меня из терпения. Я начинаю кричать и угрожающе помахивать кулаком.

– Проклятые дикари! Нам нужно прикончить каждого из вас, прежде чем вы заговорите?

Но перед лицом молчаливых русских понимаю, что продолжать эту сцену бесполезно. Даю понять двум эсэсовцам, что можно уходить. Хлопаю дверью за собой как можно сильнее и слышу звон разбивающегося стакана. Слабое утешение.

Не сделав и десяти шагов, слышим активную перестрелку. Спешим в направлении, откуда исходит звук стрельбы. Вижу дюжину убегающих людей. Останавливаюсь и затем догадываюсь, что случилось.

Рядом с нашими грузовиками лежат на земле трое часовых, которых мы оставили для охраны. Один из них еще стонет.

Партизаны!

Должно быть, они подобрались к грузовикам, когда увидели, что мы удалились. Но ведь деревня окружена. Как им удалось это сделать?

Нельзя терять ни одной минуты. На звук стрельбы наши солдаты бегут со всех сторон. Как старший, я приказываю им садиться в кузов грузовика. Времени для разъяснения обстановки нет. Важно перехватить бандитов.

Мы срываемся с места. Бронетранспортер несется в лес на предельной скорости. Вдруг мы тормозим. Водитель заметил среди деревьев немецкий мундир.

Я спрыгиваю и в ужасе отступаю.

Это рядовой моего взвода, берлинец лет двадцати, который прибыл к нам месяц назад.

Его лицо представляет собой одну сплошную страшную рану. Ему вставили большую ветку в рот, отвратительно исказив его. Замечаю, что они избивали беднягу палками, затем прикончили его штыком. Живот берлинца в крови. Грязные твари!

Но я пока ничего не понимаю. Они только что убежали.

Очевидно, бедного парня убили недавно, тайком, пока он стоял на часах.

Они заплатят за это.

Совершенно потрясенный, взбираюсь снова в кузов.

– Едем! Дальше! Надо догнать их и схватить!

Схватить их. Но как? Лес велик. Судя по карте, он тянется до Хорола и Миргорода.

Часы поиска пешком через труднопроходимый подлесок не

дают результата. Напрасно исследованы все дороги в радиусе двадцати пяти километров. Как обычно, партизаны неуловимы и, кажется, обладают крыльями.

Неохотно приказываю возвращаться.

Солдаты молчат. Со сжатыми кулаками и напряженными лицами они думают о своих товарищах, за которых надо отомстить.

В Красной все население собрано на рыночной площади, перед неким подобием военного мемориала. Это – бронзовый солдат, размахивающий ружьем.

Жители села собраны по приказу Колдена. Перед ними лежат на земле мертвые тела. Мертвые немцы…

Я подхожу к голландцу.

– Не мог найти их, лейтенант! – После некоторого молчания добавляю: – Вы нашли тело рядового в лесу?

– Рядового? Нет, только тех, которые там. – Он указывает на трупы. – Это солдаты, убитые у грузовиков. Я распоряжусь относительно другого парня.

Вызваны несколько эсэсовцев. Они спешат на окраину деревни.

Колден поворачивается ко мне, его лицо напряжено. Вижу, как вздулась вена на его лбу.

– Грязные свиньи! Они заплатят за это. Я говорил тебе, они все знают. Все эти грязные украинцы ненавидят нас. Режим красных обрек их на рабство, но, несмотря на это, они стремятся всадить нам нож в спину. Они любят свою русскую землю, любят. Отлично, они насытятся ею! Мы набьем ею их рты, – говорит он, ухмыляясь.

Через несколько минут возвращаются два эсэсовца. Они несут на обрывке брезента мертвое тело молодого берлинца. У одного из эсэсовцев текут слезы.

– Ужасно! – шепчет Колден, отворачивая плащ, прикрывающий тело. – Пусть русские полюбуются на это. Давайте, давайте, проведите их мимо этого, пусть они подышат этим и потрогают его. Пусть узнают, что может случиться с ними самими, – говорит он двум эсэсовцам, выполняющим функции санитаров.

Вдруг он выхватывает автомат из рук капрала, стоящего рядом.

– Ублюдки! Вот что с ними случится, скорее всего! – рычит он, стреляя в толпу.

Вопли и крики. Русские, стоящие впереди, падают на землю. Сомкнутые ряды местных жителей рассеиваются. Они в ужасе стремятся разбежаться по домам.

Охранники СС пытаются сначала удержать их. Затем, поддавшись безотчетной ярости, они тоже стреляют в массу людей и бьют их тем, что попало под руку.

Происходит кровавая бойня.

Русские бегут во все стороны, крича от ужаса.

Женщина, обезумевшая и растрепанная, бежит к большому пруду, держа в руках младенца. Она, как животное, воет от страха. Автоматная очередь сбивает ее с ног. Ребенок катится и катится по земле. Я бросаюсь вперед. Хватаю куль пеленок и бегу с ним под навес дома. Пусть будет спасено хотя бы одно человеческое существо.

Сейчас эсэсовцы не поддаются контролю.

Вся их ярость, накопленная за последние несколько дней пребывания в оккупированных деревнях, под непрерывными атаками партизан, прорвалась наружу.

Они обезумели.

Повсюду льется кровь. Этих людей обуяла жажда крови. Они больше не дисциплинированные солдаты, подчиняющиеся любой команде, но свирепые звери, которых невозможно сдержать.

Все это ужасно. Кровь. Дикие крики. Яростное избиение.

Удушающий черный дым поднимается вверх над несчастной деревней. Должно быть, горят соломенные крыши, подожженные трассирующими пулями.

Роттенфюрер Либезис прислоняется к стене с отупелым видом.

– Либезис, помоги мне остановить это безумие!

Приходится кричать ему в ухо.

Автоматная стрельба, вопли русских женщин, детей и стариков и крики эсэсовцев сливаются в ужасающий гам.

– Сделать ничего нельзя, Нойман! – говорит он, уставившись на меня так, словно потерял рассудок.

Его голова болтается из стороны в сторону, как у пьяного.

– Нельзя остановить людей, почувствовавших жажду крови, – страдальчески бормочет он. – Они не жалеют собственных жизней. Что может для них значить смерть других? Убийство кажется им делом легким и естественным.

Он вяло машет рукой в сторону рыночной площади.

– Смотри, юнкер! Смотри на этих людей, которые вчера шутили и смеялись как дети! Они превратились в диких зверей просто потому, что обозлены и жаждут мести.

– Но часовых и рядового убили не эти русские.

– Не имеет значения, Нойман. Они могли бы спасти себя, предоставив информацию. Они должны заплатить за то, что не сделали этого.

– Ну а ты, Либезис?

Он начинает дрожать. Его лицо принимает ужасное выражение. Это лицо безумца.

– Мне все время страшно, просто страшно, – говорит он. Тон его голоса внезапно меняется. – Боюсь смерти, крови, войны – всего этого. Сейчас же я просто в шоке. У меня сдают нервы, юнкер. Действительно сдают нервы!

Я резко от него отворачиваюсь. Мы сходим с ума. В голове разносятся эхом человеческие вопли. Всплывают в воображении картины крови и дыма.

На земле, в грязи лежат женщины.

Это уже слишком.

Взявшись за маузер, я спешу к шарфюреру Дикенеру, которого вижу рядом. Его мундир запачкан грязью. Он стоит расставив ноги, держа карабин. Лицо – в красных царапинах. Следы от ногтей.

– Дикенер, приказываю призвать к порядку ваших солдат. Это бойня позорит честь мундира, который мы носим!

Он смотрит на меня. Сначала мне кажется, что он меня не понимает. Затем он ухмыляется циничной улыбкой:

– Вы хотите сделать из меня дурака, Нойман? Где, по-вашему, мы находимся? На пикнике в воскресной школе? Вы теперь эсэсовец, юнкер. Это ваших людей подвергли бойне, как вы выражаетесь! – Он пожимает плечами. – Во всяком случае, приказ отдал Колден. Идите к нему.

– Я отправлю вас, Дикенер, в Тарнув. (Одна из тюрем, предназначенная для провинившихся эсэсовцев. Находилась в Польше, в городе Тарнув, к востоку от Кракова. – *Ред.*) За отказ выполнить приказ. Вы – свинья, Дикенер!

Внезапно тот побледнел и резко щелкнул каблуками.

– Виноват, господин офицер. Слушаюсь!

Он вынимает свисток и издает длинную трель.

Но солдаты, кажется, его не слышат.

Колден шагает к нам крупными шагами.

– В чем дело? Что случилось, Нойман?

– Случилось то, что происходит, унтерштурмфюрер. Если вы не отдадите приказ немедленно остановить бойню, я приму командование над ротой. И поверьте, в моем рапорте вы будете упомянуты не с лучшей стороны!

Он поворачивается к Дикенеру:

– Он не в своем уме! Какая собака его укусила?

Голландец переводит на меня взгляд.

– Рапорт? Бойня? Что ты несешь? Ты еще ничего не видел, ты – хныкающий юнкершика! Иди-ка ты, убирайся отсюда, или я

напишу в рапорте, что ты оскорбляешь вышестоящего офицера и не соблюдаешь субординации. Что ты думаешь обо всем этом? Считаешь, что мы забавляемся? Думаешь, что солдаты играют в Джека-потрошителя? А как насчет твоих товарищей? Полагаю, ты воображаешь, что состоятся трибуналы, которые решат по закону, кто виновен, а кто нет. Послушай, ты, глупый сосунок, если мы будем медлить с этим и не преподадим этим проклятым мужикам несколько суровых незабываемых уроков, партизаны уничтожат наших солдат больше, чем все армии Тимошенко и Буденного, вместе взятые.

Он наклоняется ко мне и говорит неожиданно более ровным голосом:

– Послушай, Нойман. Успокойся. Ты еще молод. Через несколько лет ты поймешь, что люди, как они есть, более или менее скоты, когда у них власть или, что то же самое, оружие в руках и разумные причины употребить его. У всех у них одинаковая скрытая порочная жилка, даже у тех, которые происходят из так называемых приличных семей, «хороших самаритян». Только в мирное время эта дурная жилка проявляется просто в ненависти к соседу или к какому-нибудь успешному человеку. На войне солдат убивает, и ему нравится убивать!

Между тем эсэсовцы успокоились, и несколько выживших русских вновь собрались на краю рынка. Они сгорбились рядом с телами жертв, громко плача. Одна женщина, став на колени над трупом, вознесла вверх руки, жутко воя, как собака.

Перед отбытием Колден говорит мне:

– Фактически ты прав, урок был слишком суров. Больше здесь нечего делать.

Он идет к одному из грузовиков и издает протяжные гудки, нажимая на сигнальную кнопку.

Я сижу на краю дороги, обхватив голову руками.

В моей голове смешивалось слишком много противоречивых впечатлений – дьявольской, кричащей, издевательской чередой. Жизнь, смерть, убийства, жизнь, смерть… Зачем мы только пошли в СС? Сейчас уже слишком поздно об этом думать. Теперь нас крепко стиснули эти стальные челюсти, которые не выпустят. Детство, вся моя учеба, Виттенберге, Бригитта проносятся в моей голове подобно призракам прошлого, которое закончилось и ушло отчаянно далеко. Кто я такой, чтобы порицать других? Я тоже стал посланником смерти. Возможно, такова моя судьба.

Свистки, отрывистые приказы, солдаты, бегущие по мостовой, звуки чавкающих сапог по грязной улице.

И вот грузовики и бронетранспортеры отбывают.

В головном бронетранспортере стоит почетный караул – над телами убитых солдат, лежащих на брезенте.

Так или иначе, мы все набились во вторую машину.

Большинство домов Красной горит. В огне вся деревня. Дома рушатся среди мириад искр, остаются только обугленные остовы, зловеще чернеющие на фоне облачного неба.

Были применены зажигательные гранаты – и от домов ничего не осталось.

24 сентября. По ночам меня преследуют видения ужасных сцен в Красной.

Возможно, мы, СС, жестоки и беспощадны. Но партизаны тоже ведут бесчеловечную войну и не знают пощады. Может, их нельзя порицать за желание защитить свою страну, но все равно наш долг состоит в их уничтожении.

Где искать настоящую справедливость? Если она существует вообще.

Поразительно, что Верховное главнокомандование делает вид, будто ничего не знает об этих карательных операциях СС. Оно закрывает глаза на это, поскольку тоже знает, что обуздать террористов можно только посредством массовых казней. Когда убивают жен и детей этих бандитов, виновных в подлом и трусливом убийстве какого-нибудь немецкого солдата, то эти бандиты, возможно, задумаются.

Если, конечно, карательные меры не увеличивают число партизан и их жажду мести.

Так возникает порочный круг смертей, до бесконечности.

Все равно этого нельзя постичь.

Несколько месяцев назад, когда мы вступали в украинские деревни, нас приветствовали как освободителей. Триумфальные арки воздвигались практически во всех деревнях, через которые мы проходили (на Западной Украине, где ощущалось недовольство форсированной «советизацией» 1939–1941 гг. Однако и там вскоре немцев будут в большинстве ненавидеть (хотя будут и те, кто пойдет воевать в дивизию СС «Галичина» и другие формирования). – *Ред.*). Где бы мы ни останавливались, приходили делегации местных женщин во главе со старостами, с цветами и традиционными хлебом и солью. Невозможно поверить, чтобы эти люди были изменниками своей страны или даже потенциальными коллаборационистами. Энтузиазм был всеобщим, и задержки движения, случавшиеся из-за стремления этих толп приветствовать наши танки, свидетельствовали о подлинном характере этого энтузиазма.

Сейчас обстановка совершенно иная. Каждый житель

замкнулся в своей скорлупе. Освобожденное (? – *Ред.*) население относится к нам враждебно.

По-моему, имеется несколько причин этого.

Начнем с совершенно бесспорного факта. Службы генерала Томаса совершили серьезные ошибки в методах организации производства и торговли на оккупированных территориях.

В 1936 году генерал-лейтенанта Томаса поставили руководить экономическим отделом Генштаба. С того времени он отличился составлением четырех досье, известных как зеленое, красное, желтое и коричневое досье. В них он разъяснял свою программу рациональной эксплуатации будущих оккупированных территорий как на Востоке, так и на Западе.

Россию он поделил на двадцать пять зон, от Балтики до Кавказа и Урала. В предместье Берлина, в Целендорфе, готовились будущие специалисты по главным отраслям промышленности, торговли и ремесел.

Эти группы специалистов генерала Томаса, ответственные за эксплуатацию оккупированных территорий, столкнулись с почти неразрешимыми проблемами.

Большинство заводов и электростанций красные при отступлении разрушили. (Оборудование в большинстве случаев было демонтировано и вывезено на Урал и в Сибирь, где вскоре заработали возрожденные заводы. – *Ред.*) А несколько заводов, которые сохранились, были демонтированы, а их оборудование отправлено в Германию.

Таким образом, население обрекли на безработицу и нищету. Русские на оккупированных территориях не преминули обвинить во всем вермахт. Разумеется, подрывные радиопередачи и листовки, напечатанные в Москве, усугубляли положение.

В первые недели оккупации наша немецкая пропаганда повторяла снова и снова, что колхозная система должна быть уничтожена. Однако колхозы пришлись по душе генерал-лейтенанту Томасу, хотя они не удовлетворяли крестьян.

И что в результате?

Крестьяне почувствовали себя обманутыми. Они прислушивались больше к московскому радио и попадали в ловушки, подстроенные Кремлем, который вел свою игру.

В июле (3 июля 1941 г. – *Ред.*) Сталин обратился к русскому (всему советскому. – *Ред.*) народу с очень четкими и понятными словами:

«В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом… Вместе с Красной армией на защиту Родины поднимается весь советский народ. Что требуется для

того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага? Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война все изменила. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом… Онемечивание, превращение [свободных народов СССР] в рабов немецких князей и баронов. Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение… Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага… При вынужденном отходе частей Красной армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего… Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия…

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зарвавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом…

Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной армии, нашего славного Красного флота!

Все силы народа – на разгром врага!

Вперед, за нашу победу!»

В этом обращении не было никакого упоминания о жалости. Мы – враги. Нас следует разбить.

Что делать со всем этим?

Такие ужасные операции, как карательная акция в Красной, несомненно, бесчеловечны. Но встает вопрос: можно ли их избежать?

Сама война чудовищно бесчеловечна. И нынешняя война

может быть закончена только уничтожением той или иной воюющей стороны.

Глава 10
ПАРТИЗАНЫ ОДЕССЫ

4 января 1942 года. С середины декабря на всех фронтах установилось более или менее затишье. (С 5 декабря по 20 апреля происходило контрнаступление советских войск под Москвой. Кроме того, советские войска проводили наступательные операции под Ленинградом, южнее Харькова, в Крыму и др. – *Ред.*)

Над равниной, от Дона до Москвы, дуют студеные ветры с Урала. Обстановку диктует сильный холод. Людям не остается ничего, кроме как подчиниться.

Самая тяжелая и жестокая зима в России за последние сорок лет. Сами красные признают это. (Неверно. Зима 1939/40 г. была более суровой. – *Ред.*)

Мрачная, зловещая, колючая зима, которая отражает, кажется, колоссальную и беспощадную битву гигантов. Природа теперь самый эффективный союзник России.

В нашем секторе, на всем протяжении реки Кальмиус (фронт в это время проходил восточнее, по реке Миус. – *Ред.*) между Сталино (ныне Донецк. – *Ред.*) и морем, холод хотя и сильный, но сносный.

Но на фронте группы армий «Центр», на подступах к Москве он доставляет нашим войскам ужасные страдания.

Сослуживцы, прибывшие из Смоленска или Брянска, рассказывают, что немецкие дивизии в окопах, вырытых зигзагообразно, лежат в снегу и на мерзлой земле.

За две недели тысячи солдат умерли от холода. Госпитали полны обмороженных людей. На запад беспрерывным потоком уходят набитые ими санитарные поезда.

Все покрывается толстым слоем льда. Танки и грузовики примерзают к земле, и поэтому больше нам не помощники.

Мы узнали, что 5 декабря после боев невероятного напряжения солдаты одной роты 258-й пехотной дивизии, достигшей окрестностей Москвы, были забиты насмерть из-за того, что их оружие замерзло и стало бесполезным. Рабочие местного завода просто поубивали их кирками и лопатами. (Из серии фронтовых сказок-страшилок. 258-я пехотная дивизия участвовала в прорыве севернее Наро-Фоминска в начале декабря – к 2 декабря немцы вышли к Алабину и на подступы к Апрелевке, но были к 5 декабря отброшены в исходное положение за реку Нара. – *Ред.*)

В лесах под Калугой, Ленинградом и в других местах танковые дивизии Гудериана, а также войска Гота, Гепнера и другие отражают контратаки русских. Наши солдаты действуют в таких условиях, в каких находились ветераны французского императора Наполеона во время его кампании в 1812 году.

Пайки доставляют им нерегулярно. Люди рыщут по местности в поисках павших от холода или истощения лошадей, чтобы добыть себе немного мяса для еды.

К счастью, мы находимся в гораздо лучших условиях. В нашем секторе невзгоды более терпимы.

19 января. Я повышен в звании.

Теперь я унтерштурмфюрер (лейтенант).

Вчера после полудня, вероятно из-за дефицита развлечений, вручали значительное количество Железных крестов.

Сам я получил, помимо Железного креста 1-го класса, Korps-Tagesbefehl (рассылка приказов по корпусу) – занимательное чтиво.

«…Отличился во время боя у моста через реку Крынка близ станицы Скосырской, уничтожив батарею красных, которая являлась частью полкового резерва штурмовых орудий. За несколько минут были уничтожены подрывными зарядами восемь 122-мм орудий, четыре 152-мм орудия и четыре 400-мм реактивных миномета (максимальный калибр тяжелых реактивных минометов (М-30, М-31 и М-31УК) – 300 мм. – *Ред.*) …» – говорилось в приказе.

21 января. На основании приказов свыше мы квартируем в маленькой деревне близ села Ряженое на берегах Кальмиуса (село Ряженое находится на реке Миус. Следовательно, автор действительно перепутал Миус с Кальмиусом. – *Ред.*).

Это жалкая дыра, как и все деревни в Донецком крае. Одна главная улица, образованная двумя рядами одноэтажных домов. В центре церковь, построенная из неоструганных досок, с вечным куполом в форме луковицы, покрытым многоцветной глазуревой мозаикой. Единственное каменное здание – сельсовет – вносит в весь этот анахронизм подобие современной архитектуры.

Улицы не вымощены. В ужасную русскую распутицу летом ходишь почти по колено в глубокой, вязкой грязи. Старики рассказывают о том, как курьер-казак во времена Екатерины II Великой, посланный с важным приказом в Царицын, застрял в грязи, когда проходил донскую деревню, и не смог выбраться. Легенда столь актуальна, что даже сегодня, когда здесь проходит молодой казак, он не забывает помолиться за этого несчастного

парня Геспоровича, похороненного на главной улице.

Зимой вся эта грязь замерзает, поэтому ходишь как по неожиданно замерзшей морской ряби.

Жители столь же невзрачны, как окрестности. Все молодые люди, способные воевать, ушли из деревни или были насильно уведены перед нашим прибытием. Остались одни старики, женщины и дети.

Все эти люди, одетые в тряпки из мешковины, проводят время в дрязгах по поводу остатков пищи из нашей полевой кухни. Так бывает повсюду.

22 января. Всю ночь падал густой снег. Этим утром бледное солнце заставляет крыши блестеть, придавая поселку бодрый и приветливый вид.

На дальнем конце деревни собираются вокруг общего колодца женщины, многословные и жестикулирующие. В это время они выглядят как все матери мира.

Карл рядом со мной, мы не спеша шагаем по единственной улице, выбирая проходимые места. Наши сапоги хрустят на безупречно чистом белом снежном покрове. Нам нравится наблюдать за всеми этими русскими, живущими своей повседневной жизнью. Проходим мимо кузни. Кузнец бьет молотом изо всех сил по раскаленной подкове. Он приветливо улыбается нам и продолжает работу.

Карл, не останавливаясь, вдруг поворачивается ко мне.

– Невероятно, что мы трое смогли все эти годы держаться вместе, – замечает он.

Я улыбаюсь в ответ:

– Не большая удача, чем то, что мы ухитрились остаться в живых до сих пор. Будем надеяться, что доживем до окончания этой кровавой войны без… ну, без заминок.

Проходим группу финнов, которые недавно прибыли в полк. Они приветствуют нас строго по регламенту: равнение налево и руки выброшены вперед. У них белесые, почти прозрачные глаза и светлые волосы, подсеребренные сединой. В прошлом году дивизия «Викинг» понесла тяжелые потери, и в конце декабря прибыли новые пополнения новобранцев.

– Удивительно, – говорит Карл, словно во сне. – Кто бы подумал, что эти проклятые русские доставят нам столько хлопот? Только черти сопротивляются так же, как они!

– Послушай, Карл, черт с ней, с этой войной. Пойдем к Насте, это позволит нам подумать о другом.

Настя заведует местным «солдатским домом». Это старая гостиница, превращенная в солдатский клуб. Через несколько

минут мы входим сюда под приветственные возгласы и шутки других офицеров, уже сидящих за столиками со своими кружками пива и маленькими стаканчиками водки.

Подходим к деревянному бару.

– Дай нам что-нибудь выпить, дорогуша, – говорит Карл.

Настя заворачивает свои светлые косы вокруг головы над маленьким, узким, веснушчатым лицом. У нее привлекательный, довольно полный бюст, в общем, она красотка. Кроме того, она не стесняется дать попользоваться своими прелестями при соответствующем обращении. Предпочтительно с прибавлением пяти рублей.

Настя одаривает нас любезной улыбкой:

– Водка, ракия, виноградное вино?

– Я хочу легкого крымского вина. А ты, Петер? – спрашивает Карл.

– Я тоже. Выпьем виноградного вина.

Он поворачивается ко мне:

– Добавил бы к этому жареную рыбу и немного бирючей икры. Я пробовал ее позавчера. Ужасно вкусно! Ты попробуешь? – Не ожидая моего ответа, он наклоняется к официантке: – Послушай, дорогуша, принеси нам жареную рыбу с икрой.

Та исчезает на кухне, и через полчаса мы вальяжно сидим перед огромной порцией донской щуки и каспийской икры, которая в Берлине стоила бы по меньшей мере сто марок.

У России есть свои преимущества.

Перед гостиницей останавливается пролетка. Веселый и бойкий Франц сходит с экзотического транспортного средства, сыплет немного мелочи вознице, одетому в засаленную старую робу, и входит с торжественным видом в солдатский дом.

Он направляется прямо к нам.

– Знал, что найду вас у очаровательной Насти, – говорит он, садясь без всяких церемоний за стол. – Вижу, заправляетесь. Могли бы и меня пригласить, старые чревоугодники. – Он поворачивается к официантке: – Настя, любовь моя, принеси мне тарелку!

Молодая женщина сразу же приносит оловянную миску, в которую Франц кладет значительную часть нашей щуки. Мы наблюдаем с хмурым видом, как он поглощает жареную рыбу с золотистой корочкой. Он фантастически жаден. Пусть он наш друг, настоящий брат, но в данный момент у него неудовлетворенный до опасной степени аппетит.

Едва не поперхнувшись рыбной костью, он вдруг кричит:

– Да, чуть не забыл! Я принял приглашение за вас. От какого-то типа, пока не знаю. Он – бывший унтерофицер царской армии,

в прошлом месяце был в Одессе. Знает немецкий в совершенстве. Он все рассказал мне об осаде города. Кроме шуток, я расскажу об этом вам. Сходим на встречу с ним.

Василий Укарин – странный тип. Костлявый, с бакенбардами, он выглядит так, словно бреется только раз в три-четыре месяца. Ростом более ста восьмидесяти сантиметров, он весит менее пятидесяти килограммов.

Когда мы вошли в его дом, он поклонился чуть ли не до земли. У меня возникло опасение, что он переломится пополам.

– Господа, посетив мой скромный дом, вы оказываете мне большую честь. Вот лейтенант, – он указал на Франца, – уже выслушал мой рассказ с большим пониманием и любезностью. Чрезвычайно смущен тем, что он упомянул меня в разговоре с вами, ведь я столь незначительная личность.

Он говорит на довольно напыщенном, устарелом немецком, который порой раздражает. Очевидно, на таком языке говорили при дворе Николая II в 1914 году.

Попивая чай, а также водку (маленькими рюмками), мы слушали его рассказ о событиях в Одессе.

– …В начале июля немецко-румынские войска под командованием румынского командующего Антонеску приближались к Одессе.

Крупный порт на Черном море приготовился к борьбе, которая должна была продолжаться несколько месяцев. День за днем город бомбили «Штуки». Сначала порт и оборонительные сооружения, потом, когда сопротивление усилилось, и сам город. В это время супертяжелые орудия калибром 600 миллиметров на железнодорожных платформах вели огонь по городу день и ночь, превратив его тоннами стальных снарядов в развалины. (Преувеличение. Очевидно, автор спутал Одессу с Севастополем. – *Ред.*) И эти развалины сметались на следующий день новыми тоннами взрывных зарядов.

Со стороны русских беспрерывно били по войскам противника огромные крепостные орудия, стволы которых были более шести метров в длину. (Снова про Севастополь. – *Ред.*) Боевые корабли, стоявшие на якоре у морского побережья, посылали в противника над крышами городских домов залп за залпом. От этих залпов дрожали стекла в окнах домов.

Старые героические крейсеры «Приезжий» и «Красный Октябрь», выжившие еще в сражении за Порт-Артур, хотя и подвергались постоянно бомбардировкам и обстрелам люфтваффе, продолжали отважно вести огонь по Овидиополю и Аккерману, где окопались войска Антонеску, пока эти

поржавевшие, изношенные корабли не были вынуждены выйти из боя. (Автор неточен. Очевидно, речь идет о легком крейсере «Красный Крым» (бывший «Светлана», спущен на воду в 1915 г., достроен в 1928 г., получив название «Профинтерн», с 1939 г. «Красный Крым»); относительно второго корабля совсем непонятно. Под Одессой вместе с «Красным Крымом» действовал «Красный Кавказ» (бывший легкий крейсер «Адмирал Лазарев», спущен на воду в 1916 г., достроен после революции, вошел в строй в 1932 г.). Оба крейсера успешно провоевали всю войну. – *Ред.*)

«Приезжий» (? – *Ред.*) был потоплен, но «Красному Октябрю» удалось достичь Евпатории, и оттуда он продолжил путь в Новороссийск на Кубани. Оттуда он немного позже совершил переход в Севастополь, чтобы помочь в обороне города.

Старый Василий обладал замечательным талантом рассказчика, и мы несколько растрогались, когда слушали эту удивительную историю. Три эсэсовца внимали словам русского, который повествовал о бедах своего Отечества. Уникальная сцена.

Старик продолжал:

– Когда через два с половиной месяца первые румынские подразделения вошли в Одессу, они не нашли ни одного красноармейца. Ни живого, ни мертвого.

Советские войска эвакуировали все. Даже старые, поржавевшие остовы грузовиков и легковых машин, сгоревшие во время бомбежки. Даже указатели и прочий хлам, который армия обычно бросает за ненадобностью, отступая с поля битвы.

Лишь высокие разбитые стены разбомбленных зданий и электрические провода, свисавшие на улицах, свидетельствовали о том, что Одесса была ареной сражения.

В городе было тихо. Завывание ветра среди развалин и опрокинутых кирпичных труб выглядело зловещим знамением для немецко-румынских войск, когда они маршировали по пустынным улицам под звуки оркестра.

Все ставни были закрыты, а жители заперлись в своих домах, поскольку предпочитали не быть свидетелями того, как их несчастный город попирают сапоги врага.

Василий бросил на нас быстрый взгляд, затем, увидев, что мы оставались бесстрастными, продолжил:

– Прошло немного дней, и войска генерала Антонеску начали осознавать, что город отнюдь не вымер.

По ночам слышались под землей странные звуки. Патрули, совершавшие обходы районов города, докладывали, что слышат шумы, крики, команды, но обнаружить ничего не могут.

Затем начались убийства.

Вначале бандиты (советские подпольщики и партизаны. – *Ред.*) охотились за отдельными солдатами.

Мы почувствовали вдруг, что старик не решался смотреть на нас, что его голос дрогнул. Особенно после того, как он произнес слово «бандиты». Но он возобновил рассказ:

– Затем было совершено ночью нападение на грузовики вермахта. Они были расстреляны из автоматов. Солдаты, находившиеся в кузовах, исчезли. Их больше никто не видел.

И вот однажды, во время проведения совещания в штабе, на которое собралось около сотни офицеров, здание штаба немецко-румынских войск было взорвано. Из развалин откопали около тридцати человек. Остальные погибли под завалами камня и гравия.

На следующий день начались репрессии.

За два дня расстреляли 18 тысяч евреев.

В предыдущие недели немцы произвели должным образом перепись всех евреев города и людей с примесью еврейской крови.

Атмосфера маленькой комнаты, в которой мы сидели, вдруг стала напряженной, словно ее зарядили электричеством. Нам показалось, что русский затруднялся в выборе слов, которые были бы для нас приемлемыми. «Должным образом» звучало фальшиво. Эти слова казались неискренними. Мы терпеливо ждали, как далеко он зайдет в своем подобострастии. В его искренности можно было усомниться.

– После инцидента со штабом евреев отвели на скотобойню и склады, расположенные за доками. Был получен приказ уничтожить их всех.

Румынские и немецкие солдаты открыли двери складов, словно выпускали всех на волю. Евреи выходили, обрадованные неожиданной свободой, надежду на которую потеряли, но были встречены перекрестным огнем десятков пулеметов. С отчаянными криками и метаниями, как ведут себя звери с целью избежать смерти, они гибли массами, были изрешечены пулями.

Некоторые пытались броситься в море, но их убивали из автоматов. Такая гибель не лучше.

На скотобойне применялись ручные гранаты. Вероятно, по прихоти офицера, командовавшего убойным отрядом. Но гранаты производили слишком много шума, поэтому командовавшие расстрелом офицеры сочли лучшим быстро и эффективно закончить дело при помощи старых добрых пулеметов фирмы «Шкода».

Неожиданно Василий встал и прошел по комнате к медному самовару с гравировкой. Он стоял на подобии серванта. Василий

повернул краник и наполнил чайник новой порцией зеленого, пахнущего мятой чая, который пьют русские. Манерно, с жеманными жестами и бесконечными замечаниями типа «Простите», «Пожалуйста», «Извините меня», «Вы позволите?» он налил в чашку каждого из нас горячую, цвета амбры, жидкость.

Затем снова сел, задышав свободнее, и нагнулся к нам с заговорщическим видом, словно скрывая факт наличия в кармане своего пальто бомбы замедленного действия.

– Но ведь очень трудно убить столь большое число людей за один раз. В Одессе было зарегистрировано 128 тысяч евреев. В объявлении Верховного главнокомандования говорилось, что все евреи города должны быть выселены и отправлены «под сопровождением» румын в Польшу, где для них подготовили лагеря проживания. Приказ уточнял, что они должны были следовать «под сопровождением», но ничего не говорил о том, что они должны были есть.

Становилось холодно, и на дорогах Бессарабии и Молдавии, ведущих в Карпаты, уже лежал снег. Колонна двигалась по таким дорогам километр за километром. Километр за километром можно было слышать мольбы о помощи, вопли голодных, озябших существ. Иногда на дороге, вьющейся среди гор, раздавались резкие хлопки ружейных выстрелов. Тысячи таких выстрелов. Когда колонна наконец прибыла в Буковину, стало ясно, что лагеря не потребуются.

Перед продолжением рассказа Василий взглянул на нас искоса.

– В Одессе немцы неожиданно выяснили, почему было невозможно до сих пор схватить террористов, виновных в убийствах.

Для этого использовалась вся подземная система города.

Должен сказать, что обширные катакомбы тянутся под городом еще с римских времен. (Одесские катакомбы – в основном бывшие каменоломни, возникшие в первой половине XIX в. и в дальнейшем расширявшиеся. – *Ред.*) Древние подземные переходы были построены для обороны или в подобных целях, о которых точно ничего не известно. На глубине девяти и даже пятнадцати метров существуют настоящие улицы, площади, огромные галереи.

И именно там обустроились партизаны. Под землей хранились их оружие и боеприпасы. К тому же, еще до вступления в город дивизий Антонеску, там была в совершенстве налажена организованная жизнь. Хлебопекарни ежедневно пекли свежий хлеб, имелись мясные и продовольственные запасы разных видов, типографии, ружейные мастерские и даже миниатюрная тюрьма.

Радиостанция поддерживала постоянную связь партизан с гарнизоном Севастополя, который снабжал их своей информацией, передавал приказы из Москвы и фронтовые новости. Беспроволочные антенны искусно спрятали в свинцовые трубы, на вид безобидные.

Вначале немцы попытались послать под землю войсковые подразделения. Но выяснилось, что проникнуть туда через узкие проходы шириной в два метра, оборонявшиеся на выходе пулеметчиками в блокпостах из стали и бетона, невозможно.

Доложили Верховному главнокомандованию. Из Бухареста прислали специалистов-саперов, и те попытались разными способами взять верх над повстанцами.

В то же время продолжались убийства и подрывы складов боеприпасов и продовольствия. Офицеры штаба Антонеску в отчаянии рвали на голове волосы из-за неспособности добиться конкретных результатов.

Они испробовали все. Выходы из подземелья при их обнаружении минировались. Галереи затапливались. Но многие из них выходили в море, поэтому у партизан иногда просто промокали ноги. Пытались напрочь блокировать выходы. Патрули были выставлены на всех известных входах и выходах из катакомб. И в то же время московское радио продолжало каждый вечер публично выражать радость в связи с героическими подвигами партизан Одессы.

В отчаянии румыны пошли на применение отравляющих газов.

Подземные переходы обстреливались разными снарядами, гранатами и контейнерами с отравляющим газом. Но при отсутствии давления газ проникал недалеко. Этот последний способ признали безуспешным, как и все другие.

Становились все более жестокими карательные меры против гражданского населения. Надеялись посредством таких средств заставить партизан отказаться от борьбы. Но и это не дало результата.

Василий Укарин снова поднялся и наделил каждого из нас большим стаканом водки. Затем улыбнулся загадочной улыбкой.

– Именно на этом этапе я попросил у коменданта разрешение вернуться в эту маленькую деревеньку, в которой родился, – заключил он.

Он дружелюбно смотрел на нас, машинально потирая длинные пальцы своих скелетообразных рук.

Я пытался понять, для чего он рассказал нам эту историю, поскольку без знания причины этого испытывал неприятные ощущения.

Первым заговорил Карл:

– Когда же наконец партизан уничтожили?

– Когда? – произнес старик изменившимся голосом. – Борьба продолжается до сих пор. (Лишь в концу 1943 года оккупанты наконец нейтрализовали «подземных партизан Одессы». – *Ред.*)

После этого мы попрощались. Русский рассыпался в тысячах благодарностей за то, что мы оказали ему честь своим посещением, пригласил зайти снова.

Мы не обсуждали свой визит и не принимали никакого решения. Но, думаю, больше никогда не придем к нему. Этот тип неопределенным образом возбуждал тревогу, и я не мог не чувствовать, что, несмотря на его покорный вид и обходительность, он высказал нам то, что хотел, чтобы мы услышали то, о чем он хотел предостеречь нас.

И его рассказ давал обильную пищу для размышлений.

Когда мы молча возвращались в сумерках в лагерь, Франц сказал:

– Понимаете, вся эта фигня, которую сообщил нам старик, всего лишь подрывная пропаганда, распространяемая партизанами.

Мы с Карлом ему не ответили.

24 февраля. Почта, видимо, задерживавшаяся, как это часто случается, в том или ином месте, поступила сразу огромной кипой. Письма были отовсюду, некоторые отправлены в ноябре прошлого года.

Иногда полевая почта чересчур усердствует.

Клаус написал за всю семью. Короткое письмо по существу и без околичностей.

Все хорошо, за исключением мамы с ее невылеченным ревматизмом и папы с его ангинами. Что касается Лены, то от нее уже несколько месяцев нет ни слова.

Он сообщает, что семья переехала. Думаю, я знаю почему. С тех пор как папа оказался в тюрьме, знакомые люди избегают его по соображениям осторожности или из страха перед гестапо. Ему пришлось просить администрацию железной дороги отослать его назад в Гамбург.

Другая порция новостей несколько удивила.

Лизалотта пишет, что нашему ребенку уже год. Она дала ему имя Петер. Администрация Лебенсборна позволила ей содержать в пансионате ребенка чуть дольше. Судя по ее письму, младенец блондин, нормального веса и похож на меня.

Забавно, но я не ощущаю себя отцом.

6 марта. Зима кончается. По тысяче признаков заметно, что природа обновляется, меняет кожу.

Как прозрачно течение реки, когда сходит снег.

Мне близка эта строчка стихов, ритм и экспрессия которой выдают руку мастера.

Строго говоря, снег еще не сошел, но таял – и вовремя.

Надеемся, что операции скоро возобновятся.

4 апреля. Этим утром к нам приехал генерал Гилле из штаба ССФХА (верховное командование СС). Я впервые получил возможность видеть его вблизи.

Он завтракал в нашей столовой. Поразил меня чрезвычайной простотой и добродушием. Говорят, что в служебной обстановке он очень строг. Мне, однако, генерал не показался чересчур суровым.

Довольно высокий, подвижный для своих пятидесяти с лишним лет, чуть лысеющий, он обладал румяным лицом и носом бонвивана. Очки в черепаховой оправе усиливали впечатление заразительного добродушия, которое он производил.

Гилле носил повязанный вокруг шеи рыцарский крест Железного креста с мечами и бриллиантами. На правой стороне его кителя сверкала звезда военного ордена «За заслуги».

Раньше я однажды видел генерала Гилле на церемонии вступления в должность где-то на равнинах Причерноморья. По этому случаю его сопровождали фельдмаршал фон Клейст (до ноября 1942 г. командовал 1-й танковой группой (с октября 1941 г. – танковая армия). – *Ред.*) и командир 1-й дивизии СС Зепп Дитрих.

В то время мы с большим удовольствием наблюдали издали этих трех «больших шишек».

Помню, впрочем, что фельдмаршал имел довольно надменный вид. Его тонкие губы никогда не двигались, разве только в случае крайней необходимости. С другой стороны, старый толстяк Дитрих размахивал руками и много говорил. Он выглядел торговцем, стремящимся всучить товар покупателю. Что неудивительно, поскольку, говорят, он служил мальчиком в мясной лавке (тогда как Клейст – представитель древнего аристократического рода, давшего Пруссии и Германии немало военачальников. – *Ред.*).

29 апреля. В ружье! Партизаны!

Солдаты быстро карабкаются в бронетранспортеры, которые

сразу же направляются на север.

Лишь минутами раньше подвергся нападению ряд транспортных средств, которые везли рабочие команды по шоссе на Волноваху. Два отделения 1-й роты немедленно отрядили для того, чтобы перехватить террористов.

По этому случаю местные крестьяне сказали, что мы могли застать партизан врасплох на равнине, где они, видимо, укрываются. Русские редко осуждали своих партизан. Но у меня сложилось ощущение, что в этом районе крестьяне не очень любили их. Партизаны грабили крестьянские хозяйства, обирали сельских жителей и были скоры на расправу.

Кроме того, крестьянам стала надоедать оплата партизанами реквизиций квитанциями, так называемыми ИСИКБК (купоны исполкома партии). Накапливаются бумажки, но срок возмещения их деньгами не наступает. И не без причины. Сельские жители знают, что само владение этими купонами является преступлением, немедленно караемым смертью.

Это заставляет их дважды подумать.

С течением времени эти зловещие красные и белые купоны становятся для русских Донецкого бассейна все более ненавистными.

Проходят часы, но два отделения, посланные для преследования террористов, все еще не возвращаются. Командовать карательным отрядом назначили Колдена. Фактически после гибели Шольцберга его всегда выбирают для проведения такого рода операций.

Его принцип: за десять капель немецкой крови убивать десять русских.

Мы недолюбливали друг друга, но между нами косвенно установился статус-кво. Поскольку месяц назад его повысили до капитана, командует ротой он. Но Колден оставляет меня в покое, я же закрываю глаза на некоторые его шалости, когда мы участвуем в одной операции.

«Некоторые шалости» – это мягко выражаясь.

Два дня назад он чуть не замучил местную девушку, которая сопротивлялась его домогательствам. В результате мать девушки пришла в штаб полка и устроила там большой скандал. Случилось так, что полковника не было, и как раз мне пришлось выдерживать весь напор ее негодования. Я пытался заставить ее замолчать угрозой того, что, если она будет продолжать кричать на меня, ее дочь в течение трех дней отправят в солдатский бордель.

Не очень деликатно, но это был единственный способ положить конец ее опасному визгу.

Моя угроза ничего не значила, потому что, прежде всего, у меня не было полномочий ее исполнить.

Длинные позывные горна. Толпа крестьян расступается, чтобы освободить путь через главную улицу.

Солдаты Колдена наконец вернулись в деревню.

В бронетранспортере стоят русские со связанными за спиной руками. Их сторожат эсэсовцы с маузерами наготове.

Я выступаю вперед.

Машины останавливаются. Солдаты заставляют пленных спуститься вниз ударами прикладов. Пленные все в крови. Они одеты в длинные шинели из грубой желтоватой камвольной шерсти, холщовые (кирзовые. – *Ред.*) сапоги и шапки-ушанки на меху с красными звездами. Выглядят так же, как пленные красноармейцы.

Среди них три женщины.

Меня это не особенно удивляет, поскольку я давно знал, что в рядах партизан воюют женщины. Однако в этот раз я впервые их увидел воочию.

Одна из них молода. Она спрыгивает с бронетранспортера, вид у нее угрюмый и злобный. Рядовой из 1-й роты грубо толкает ее.

Две другие женщины старше. Надо подойти к ним очень близко, чтобы определить, что они женщины. Их лица или, лучше сказать, физиономии с курносыми носами и выступающими скулами огрубели и обрюзгли. Они похожи на потомков какого-нибудь монгольского племени.

Пройдя по мостовой, я встречаю Колдена, который возвращается из штаба полка, где отрапортовал об операции. Минуя его, окликаю:

– Эй, Колд, все в порядке?

– Все прекрасно, Нойман, – отвечает он довольным тоном, – если не считать двух раненых. Это первый раз, когда я добрался до партизан. Поверь, я заставлю их говорить.

Следую за ним в избу, где будет проводиться допрос пленных. Я свободен от дежурства, но мне любопытно, как капитан будет добиваться от пленных признаний.

Он садится за столик, на котором стоит пишущая машинка и лежат несколько листов бумаги со штампами полка. Мне известны приказы о необходимости отсылать письменные отчеты, содержащие всю возможную информацию, которая будет получена от пленных перед их расстрелом.

– Ведите кого-нибудь из этих свиней! – рявкает Колден, вставая. – Кого, не имеет значения, – добавляет он, замечая, что

один из эсэсовцев затрудняется с выбором.

К нему выталкивают мужика. С него стаскивают шинель и гимнастерку. Он невероятно тощ и явно дрожит то ли от холода, то ли от страха. Лицо с глубокими впадинами глаз наполовину скрыто разросшейся седой бородой. Скулы запачканы кровью и грязью. Очевидно, его уже пытались заставить говорить во время возвращения на бронетранспортере.

Начинается допрос. В течение нескольких минут Колден становится багровым от ярости и начинает орать по-немецки. Это характерно для него. Когда он теряет самообладание, всегда забывает свой русский.

– Ты, грязная тварь, ты заговоришь или сдохнешь!

Он хватает то, что попадается под руку. Это деревянная крышка от пишущей машинки. Обезумев от гнева, он начинает яростно бить ею партизана, в то время как пленный пытается защитить голову, уклоняясь от ударов. Он не может двигать руками, связанными веревкой, конец которой держит солдат.

Пленный катается по полу. Колден пинает его ногами. С выбитой челюстью мужик тащится по полу, завывая, как собака.

– Свинья! Давайте другого! – кричит голландец, выпрямляясь.

Он вынимает из кармана носовой платок и стирает со своего лица кровь и пот.

– Эти сукины сыны ничего не говорят! Еще два года такой работы – и я совсем сойду с ума. – Он поворачивается ко мне. – Отчеты! Как эти штабные крысы полагают, можно получить эти отчеты? Пусть приезжают сюда и попытаются поговорить с этими проклятыми мужиками, когда те не хотят говорить!

С лицом, перекошенным от злости, он подходит к одному из пленных и начинает его яростно трясти, срываясь на крик:

– Ну, свинья, ты террорист или нет? В этом нет сомнений. Тебя поймали с оружием в руках. Тебя расстреляют. Это принято на войне!

Пленный явно ничего не понимает и не отрывает от Колдена испуганных глаз.

Допрос, сопровождаемый ударами кулаком и пинками ногой, продолжается четверть часа. После этого русского подхватывают два эсэсовца и бросают без дальнейших истязаний в дальний конец комнаты, где он оказывается среди других партизан под дулами винтовок солдат 1-й роты.

Теперь настает очередь допроса одной из женщин – той, самой молодой, которую я заметил раньше.

Колден поднимает голову и смотрит на нее. Спрашивает по-русски:

– Как тебя зовут?

Принимая все более и более надменный и злобный вид, она меряет голландца взглядом. На ее губах мелькает презрительная усмешка.

Капитан подходит к ней.

– Ты тоже презираешь нас? Ладно, ладно, маленькая мужичка, но ведь ты всего лишь человек. Если не хочешь говорить, тогда жди, что с тобой станет. Твое красивое тело позеленеет и сгниет, когда тебя захоронят в земле. Затем оно станет коричневым и, наконец, черным, пока не будет съедено миллионами червей!

Он говорит медленно, по-немецки, его лицо искажает зловещая ухмылка. Русская молча смотрит на него.

Он приближается к ней и срывает с нее грубую холщовую рубашку.

Потеряв равновесие, женщина падает на пол. Ее руки связаны впереди, и ей трудно подняться на ноги. Полуодетая, она пытается опереться на один локоть, взгляд прожигает Колдена, который направляется к ней.

– Тебе так удобнее, барышня, – рычит он.

Поворачивается к двум эсэсовцам, которые стерегут пленницу.

– Бедняжке еще слишком жарко! Давайте, разденьте ее совсем.

Солдаты выступают вперед, но прежде чем они могут дотронуться до нее, русская начинает пронзительно вопить и кататься по полу, дрыгая ногами во все стороны.

Наконец солдаты преодолевают ее сопротивление. На их лицах остаются царапины и следы от укусов.

Колден снова наклоняется над партизанкой.

– Ну, все еще не хочешь говорить?

Женщина приподнимается. Вдруг, не давая Колдену отойти, она плюет ему в лицо. Голландец издает ужасный яростный рык. Обезумев от злобы, он кидается к ней. Бросившись на беззащитную женщину, он начинает бить пленницу кулаками. Русская, до сих пор молчавшая, теперь визжит, как дикое животное. Должно быть, ей достался особенно сильный удар. Струйка окровавленной слюны окрашивает уголок ее рта. Я в ужасе наблюдаю эту сцену. Вмешаться невозможно. Невозможно.

Колден – на службе. Приказы неумолимы. Добиться от пленных показаний любыми средствами.

Нанеся распростертой на полу женщине последний удар, голландец выпрямляется. Он, видимо, немного успокаивается.

Затем хватает ведро с водой, которой солдат собирается

смыть следы крови на полу, и плещет ею на русскую девушку, находящуюся в обморочном состоянии.

Обморочном? Я не вполне уверен в этом. Слышу, как из ее полураскрытого рта исходит подобие хрипа. На ее теле масса кровоточащих ссадин, оно постоянно содрогается долгими приступами дрожи. Слишком долгими. Ее пальцы царапают пол.

Она умирает.

Капитан не особенно тревожится. Он садится за стол и поднимает голову.

– Реди! Иди сюда! – зовет Колден.

Входит унтер и замирает в стойке «смирно». Его правая рука выстреливает вперед как пружина.

– Слушаю, герр капитан!

– Реди! Избавь меня от всего этого. На рынок. Всех десятерых. Как в Люблясе! Это будет им уроком.

Это СС сделала меня таким? Трусом, опасающимся громко выразить свое негодование и ужас?

И все же я ничего не мог сделать. Приказы делают Колдена совершенно неуязвимым. Мое вмешательство, очевидно, было бы расценено как нарушение субординации. Рапорт голландца отправил бы меня на гауптвахту или в тюрьму Тарнува. А Тарнув означает рано или поздно смерть.

Следовательно, я тоже цепляюсь за жизнь. Потому что живем лишь один раз.

Если Колден был жесток, то не имел ли он основания для этого? Никто не просил этих женщин становиться в ряды партизан. Никто не просил их наносить нам удары в спину. Они поставили себя на один уровень с мужчинами. И должны пострадать от тех же последствий.

Невозможно отрицать и то, что мы обязаны заставить их говорить.

Чего же я протестую? И главное, почему меня должны беспокоить смерть или страдания врага, даже если это женщина, если смерть или страдания даже женщины способствуют безопасности моих соотечественников-немцев?

Неужели мы в самом деле монстры, когда пытаемся уничтожить тех, которые в конечном счете желают нашей гибели?

Больше никто из них не может делать вид, будто просто защищает отечество, на которое вероломно напали. Лишь несколько невежественных бюргеров и опустившихся субъектов могут продолжать настаивать на этом, закрыв глаза и уши.

Кто может утверждать, что у нас не было абсолютной необходимости разгромить Советский Союз, прежде чем он

усилился бы настолько, чтобы уничтожить нас?

Мы просто предупредили осуществление плана русских.

Россия представляла собой страшную угрозу для нас и всей Европы. Устранить ее – наш очевидный долг.

Следует использовать любые средства, чтобы достичь этой цели.

Все эти мысли смешались в моей голове. Это же слишком сложная проблема, чтобы решать ее одному.

Со вчерашнего вечера они покачивались, подвешенные за ноги к нижним ветвям деревьев, которые росли вокруг небольшой рыночной площади.

Некоторым для смерти потребовались часы. Они беспрерывно стонали всю ночь, оглашая всю деревню своими воплями и мольбами о пощаде.

С рассветом население маленького поселка вышло наблюдать ужасную сцену вблизи. Кажется, без особых эмоций.

Странные они, эти люди.

Я видел, как крестьяне (очевидно, лишь некоторые. – *Ред.*) смеялись, наблюдая предсмертные конвульсии пленных. Насмехались над последним хрипом. По их лицам я мог судить, что они злорадно комментировали смерть каждого из повешенных.

Возможно, партизаны осложняли им жизнь. Но ведь они были одной крови.

Русская душа действительно потемки.

Ловлю себя на мысли о том, что однажды читал в Виттенберге статью одного их соотечественника – не помню его имени.

«Русский – как степь – дикий, яростный, жестокий, непостижимый. Он не признает ни Бога, ни черта. Жизнь и смерть для него ничего не значат».

Ничего!

У русских один хозяин – Судьба.

Глава 11
ПРОДВИЖЕНИЕ НА ЮГ

24 июля. В окрестностях Ростова-на-Дону грохочут пушки.

С передовых позиций мы можем наблюдать, как «Штуки» сбрасывают на красных с высоты в 150 метров смертоносные грузы. Слышится жуткое завывание их двигателей под крыльями.

В течение четырех часов тяжелая артиллерия обстреливает железную дорогу и шоссе Таганрог – Ростов-на-Дону. Русские же, видимо, отчаянно дерутся, и атаки нашей бронетехники отбиты почти повсеместно.

Мы занимаем оборону на невысоком холме – господствующая высота на самом южном краю Таганрогского залива. Отсюда наблюдается белая пенистая линия прибоя, которая бьется о берег, и чрезвычайно голубая вода залива.

Большевики противостоят нам на дистанции в 300 метров. Они беспрерывно бомбардируют нас снарядами и минами.

Если так будет продолжаться, этот сектор станет непригодным для обороны.

Все гадают, чего ждет Верховное командование и почему оно не вводит в действие главные силы против очага обороны Новочеркасск – Ростов-на-Дону.

Утром танки, в том числе «Пантеры» («Пантер» летом 1942 г. на фронте не было. – *Ред.*), пытались трижды прорваться сквозь оборонительные рубежи красных.

Но грозные пушки калибра 76,2 миллиметра отбивали атаки с тяжелыми для нас потерями. Броня наших танков стала толще и лучшего качества. Но их выигрыш в неуязвимости обернулся проигрышем в тактико-технических свойствах. Механики утверждают, что двигатели работают с натугой, поскольку не предназначены таскать такой груз брони.

Первые «Тигры» фактически одного образца – более крупные и с более толстой броней, чем у «Пантер», – появились на Южном фронте. Длинноствольные пушки делают их легкоузнаваемыми издали. (Автор ошибается. К этому времени (к лету 1942 г.) у немцев появились модернизированные Pz IV (T-IV) с длинноствольной 75-мм пушкой и усиленной броней. Pz V «Пантера» и Pz VI «Тигр» покажут себя только в следующем 1943 г. – *Ред.*)

С приближением солнца к зениту жара становится все более и более невыносимой.

Вокруг нас клубится пыль, поднятая бомбежкой железной

дороги. Становится трудно дышать. Отсутствие ветра не позволяет развеять пыль.

Впервые русские заставили нас принять тактику окопной войны. Пытаясь остановить наше наступление, они, должно быть, подтянули к Ростову-на-Дону все свои резервы. Против нас, видимо, перебросили немало частей с Дальнего Востока, поскольку большинство солдат, попадающих к нам в плен, – монголы, ойраты или киргизы. Они на самом деле выглядят как дикари. Несмотря на свой свирепый вид, они становятся в плену робкими и трусливыми.

Непривычно наблюдать сейчас точно таких же типов в немецкой форме. Они из пленных, захваченных в прошлом году. Носят на левом рукаве подобие креста с меткой РОА (так называемая Русская освободительная армия) и сверху «Х» – значение чего не могу понять, если это не голубой Андреевский крест на белом фоне. Представляю себе, если кто-нибудь из них попадет в руки соотечественников на той стороне, их судьба будет незавидной. (Формирования РОА с упомянутыми опознавательными знаками появились только в 1943 г. В 1942 г. на советско-германском фронте действовали «национальные легионы», сформированные из предателей соответствующего происхождения (например, туркестанские и грузинские). – *Ред.*)

Не прекращается жуткая артиллерийская бомбардировка. Ее вполне достаточно, чтобы свести человека с ума. Беспрерывная канонада, а также дробь пулеметов и автоматов сливаются в один запредельный грохот, который дергает нервы и подавляет волю.

– Я разделаюсь с ними, – говорил Геббельс.

Пока они, видимо, заняты тем, чтобы разделаться с нами!

Как странно: вдали – голубое небо, лазурное море, чуть заметные барашки волн на далеком пляже, слабое покачивание легким бризом сосен. Там покой и жизнь. Здесь же гибель и смертоносные снаряды.

Все же мы предпочитаем такое существование бесконечной войне, которую вели с партизанами у Кальмиуса. Тогда мы проводили неделю за неделей в охоте за тенями, которые ускользали от нас и пропадали без следа.

Когда поступил приказ начать наступление, ни один солдат дивизии «Викинг» не пожалел об этом, мы приготовились к атаке быстро и с легким сердцем.

– Ура-а-а, за Сталина! Ура-а-а, за Сталина!

Цепи русских устремляются на нас с бешеным ором.

Некоторые из них обнажены по пояс и ничем не экипированы, кроме пилоток. Они атакуют с примкнутыми штыками,

пренебрегая опасностью, хотя огонь пулеметов косит их сотнями, образуя большие бреши в атакующих рядах.

– Ура-а-а, за Сталина! Ура-а-а, за Сталина!

В соответствии с пропагандистскими листовками красные презирают смерть. Они даже не думают о ней.

Когда же красного поражает пуля или осколок, он катается по земле, как младенец.

– Ура-а-а, за Сталина! Ура-а-а, за Сталина!

Третья волна наступающих войск стремительно катится на нас.

Лица большевиков перекошены. От ненависти или страха? Кто скажет? И все же растут груды трупов. Настоящая бойня, мертвые и раненые в одной массе.

Когда ряды атакующих сильно редеют, выжившие останавливаются в нерешительности и, объятые страхом, поворачивают назад. Но они встречают следующую цепь атаки, которая бежит с криками «Ура-а-а, за Сталина!».

Тра-та-та-та – строчат пулеметы.

И так час за часом, пока они не извлекут урока.

И один Бог знает, когда это случится. У них ведь необъятные резервы живой силы. И все же в этот раз им потребуется несколько часов, чтобы доставить подкрепление.

Между тем немецкие танки идут в наступление и быстро прорываются через дезорганизованную оборону противника.

Громыхая на полной скорости через вспаханные поля и дороги, опрокидывая постройки, стоящие на пути, сбивая мертвых и раненых в одну кровавую массу, они упорно движутся вперед с жутким воем сирен. Они открывают путь мотопехоте и войскам СС.

Солдаты «Викинга» бегут за танками, пуская в ход автоматы, ручные гранаты, огнеметы и, конечно, бесценные кинжалы СС.

26 июля. Из тренировочных лагерей в Богемии (Чехии) и Моравии прибыл новый контингент добровольцев.

Проходя мимо небольшой группы новичков, получавших экипировку, я заметил вдруг Михаэля Стинсмана.

Стинсман! Невероятно.

Я подошел и похлопал его по плечу:

– Михаэль, старина! Что ты здесь делаешь, черт возьми?

Он быстро обернулся:

– Петер Нойман! Ну и ну! Ну и ну!

Михаэль издал продолжительный свист, когда увидел серебряный квадрат на лацкане моего кителя. Он не переставал с удивлением покачивать головой.

– Лейтенант! Это ж надо! Я слышал от Клауса, что ты офицер и служишь в «Викинге», но все равно я не думал, что встречусь здесь с тобой.

Я положил ему руку на плечо:

– Искренне рад увидеть тебя снова, Михаэль. Как там Виттенберге? Расскажи, каким образом ты надел этот мундир? Я всегда полагал, что СС тебя не привлекает.

Он смотрел на меня, слегка улыбаясь.

– Знаешь, народ меняется. Я принял решение в декабре. После того как папа Рузвельт начал показывать зубы. Во всяком случае, мне показалось, что все мои друзья на фронте. – Он предложил мне сигарету. – Кроме того, не я один здесь из Виттенберге. Несколько недель служба пропаганды СС читала нам лекции о Шиллере. Поразмыслив над ними, я решил, что лучше уехать в Брауншвейг, чем горбатиться с киркой и лопатой в Имперской трудовой службе.

Мне показалось, что он преднамеренно сдержался, чтобы не добавить: «…и остаться в покое».

Мы стояли у складов снабжения 2-й роты, где я рассчитывал найти Франца и Карла.

Поставив ногу на ступеньку лестницы, Михаэль добавил:

– В Брауншвейге время не теряли. Там была школа подготовки мотопехоты СС. Больше мы не возвращались в Виттенберге. Оттуда в Позен-Трескау (Трескау близ Познани. – *Ред.*), затем в Невеклов к югу от Праги, где находился анвертерлагер (лагерь обучения кадет СС). И вот я здесь.

В моей голове молнией мелькнула одна мысль. Что он говорил тогда – о своей еврейской матери?

Возможно, чуть напрягшись, я повернулся к нему.

– Скажи, Михаэль, ко мне это не имеет отношения, но как ты выпутался из…

– Из?.. – спросил он, став вдруг серьезным.

Между нами установилось минутное молчание. Затем мы направились в караульное помещение на первый этаж.

У двери Михаэль сказал:

– Знаю, что ты имеешь в виду. Только прошу тебя не говорить об этом ни одной душе!

Он произнес последние слова усталым голосом, затем пожал плечами.

– В любом случае это действительно ничего не значит. Мог бы я отделаться? Отправиться в Тарнув? Мне это надо?

Я грубо схватил его за руку.

– Но, боже мой, дружище! Что тебя заставило выбрать СС?

Он поджал губы.

– Не могу понять! Может, вызов судьбе или для жизненного опыта, а может, чтобы показать… кому-то из них!

Справившись в караульном помещении, где можно найти Франца, мы спустились в мастерскую по ремонту танков в подвальном помещении. Механики чинили поврежденные бронетранспортеры и танки.

Мы быстро нашли Франца. Увидев Михаэля, он вознес руки к небу:

– Стинсман! Боже мой! Ты решил провести отпуск на Черноморском побережье, да?

Пока они с большим энтузиазмом хлопали друг друга по спинам, я оглядывался вокруг в надежде увидеть Карла.

– Ты не найдешь его здесь, – сказал Франц, увидев мои старания. – Вместе с одним сослуживцем из 3-й роты он уехал с заданием. В Кривой Рог. Не думаю, что они вернутся до вечера.

– В любом случае приятно видеть вас обоих снова, – сказал удовлетворенно Михаэль. Он взял меня за руку. – Пойдем. В этой дыре должно быть какое-нибудь место, где можно выпить. Выпьем в честь воссоединения нас четырех или трех – в честь старого ордена рыцарей Виттенберге! – добавил он, смеясь. – Но кто я такой, чтобы приказывать? Я жалкий рядовой между парой лейтенантов!

28 июля. Ростов-на-Дону отвоевывается у красных в сражении за каждый дом (Ростов-на-Дону был захвачен немцами 23 июля. – *Ред.*)

Весь город объят битвой.

Два дня мы ведем атаки на то, что осталось от гигантской фабрики, которая, говорят, производила джем. В ней засела целая советская рота, которая держит под обстрелом привокзальную зону и сортировочную станцию.

Позиция ужасно опасная для нас. Вокруг привокзальной площади, которую мы занимаем, располагаются еще не зачищенные здания. Красные ведут из окон огонь очередями из пулеметов или новых противотанковых ружей Дегтярева, которые имеют большую пробивную силу. (Однозарядное ПТРД образца 1941 г. (появилось в августе). Ее 14,5-мм пуля с металлокерамическим сердечником пробивала броню толщиной до 35 мм на дистанции до 300 м. – *Ред.*)

– Если так будет продолжаться, нам всем достанется! – кричит мне на ухо Либезис.

Однако не остается ничего другого, кроме как держаться. По крайней мере, до тех пор, пока основные силы роты не окружат фабрику и вокзал.

Нас не так много, чтобы занять все здания на привокзальной площади. Два взвода держат целый квартал, их недостаточно. Либезис прав. Мы попали в трудное положение.

Приказы вполне конкретные. Держаться и, если возможно, выбивать засевших в зданиях красных.

Выбивать. Легко сказать. У нас нет ни одного танка, даже легкого танка с убогой 37-мм пушкой. (Имеются в виду легкие танки чехословацкого производства 35(t) и 38(t), использовавшиеся в вермахте. – *Ред.*) Если в ближайшее время не подойдут подкрепления, мы будем теми, кого они выбьют.

Я приказал своему взводу окопаться саперными лопатками насколько возможно. Узкий ход сообщения связывает наш взвод более или менее с позициями на Торговой улице, удерживаемыми взводом Рекнера, то есть взводом Карла. Этот ход сообщения стоил нам, между прочим, жизней трех человек. Он недостаточно глубок, поэтому нам приходится ползти по-пластунски, чтобы пересечь площадь.

Трем солдатам, получившим наряд на работы, угораздило подняться слишком рано. Один из проклятых снайперов – они засели на всех крышах – не дал им никакого шанса укрыться.

Бой продолжается. Ростов-на-Дону подвергается апокалиптической бомбардировке, которая не оставляет камня на камне. Немецкая артиллерия, «Штуки», пикирующие бомбардировщики, тяжелые орудия русских превращают город в дымящиеся руины.

Не замечаю, как ко мне подходит Карл, вскакиваю, когда он кричит мне на ухо:

– Вокзал взят! Я только что получил донесение: полроты Улкийая обошли привокзальную площадь у железнодорожного переезда и движутся к нам на помощь.

Вскоре прибывает около сотни солдат. Они движутся гуськом, перебежками. Ползут вдоль стен, используя малейшее укрытие – дерево или постройку. Впрочем, противотанковые ружья Дегтярева наносят потери, их жертвами стали несколько эсэсовцев.

Финский лейтенант Улкийай вваливается, запыхавшись, в наш окоп.

Он не без труда выдыхает:

– Атаковать надо немедленно! Наступление на фабрику ведет весь полк, затем – насосная станция. Командую я. – Увидев через мгновение наши отупевшие лица, он с улыбкой добавляет: – Не волнуйтесь! С юга атакуют танки.

Через пятнадцать минут начинаем продвигаться к фабрике. Красные осознают, что мы пришли в движение, и встречают нас

длинными очередями из своих тяжелых станковых пулеметов.

Как бы то ни было, нам удается метр за метром продвигаться вперед, но с большими потерями. Жду каждую секунду, что меня поразит осколок железа, который разрешит все тактические проблемы наступления в обстановке уличного боя.

Вокруг меня долбят стены пули, посылая в воздух кусочки кирпича и штукатурки. Вспоминаю вдруг ковбойские фильмы детства, когда со свистом пролетают пули, за которым следует благозвучное завывание. Сейчас же я не слышу свиста пуль. Неужели русская сталь обладает способностью убивать в тишине?

Вот огромные деревянные раздвижные двери. За ними внутреннее помещение фабрики. Вижу несколько чанов большой емкости и какое-то число ржавых металлических ящиков.

В первом ангаре сейчас нет обороны. Отлично. Значит, русские отступают.

Осторожно продвигаемся вперед. Вверху огромная стеклянная крыша, но нет ни единого целого стекла. Наступаем на участок битого стекла.

Вдруг – страшный взрыв. Деревянные двери перед нами сорваны с петель. Грохот второго взрыва, затем третьего.

Тяжелое орудие русских, должно быть, нацелено на ангар.

Солдаты бросаются плашмя на землю. Огонь русских усиливается. Отовсюду на нас осыпаются камни, куски бетона и осколки металла.

Надо либо отступить и уйти, либо продолжать двигаться вперед. Если мы остановимся там, где находимся, то рискуем быть погребенными под развалинами ангара, который явно собирается обрушиться на нас сверху.

Я лежу животом на битом стекле, а крохотные осколки, которые взрывом поднимаются вверх, жалят мое лицо. Провожу рукой по щеке. Она вся в крови.

Улкийай подает команду, подняв руку.

– «Викинги», вперед!

Яростный бросок сокращает дистанцию между нами и советскими солдатами до ста метров. Эти свиньи все еще стреляют, и перекрестный огонь их стрелкового оружия наносит нам большие потери.

Пятьдесят метров, тридцать, двадцать, десять.

Красные раздеты по пояс и пронзительно кричат.

Гранатами по первой батарее. Удары прикладами карабинов, автоматные очереди, ужасный грохот, глухие взрывы. Пыль, жара. Внезапный рывок. Гранаты. Лежащие в крови тела. Разбитые лица, вспоротые животы. Снова очередь. Гранаты…

Трупы множатся. Автоматами и кинжалами мы овладеваем

помещением и зачищаем его.

Неожиданно я замечаю, что русский, которого мы приняли за убитого, начинает снова стрелять. С гримасой агонии на лице он гибнет от автоматной очереди.

Проходящий мимо солдат кричит мне:

– Убьем всех. Никаких пленных!

Из его рта, перекошенного от бешенства, выделяется пена, как у сумасшедшего. Взрыв гранаты в метре от этого солдата заставляет его прекратить движение, он падает.

Растянувшись на земле, выдыхает:

– Ублюдки! Они меня достали…

Он пытается опереться на один локоть, но поток крови, вылившейся в рот, гасит его последние возгласы.

Меня вдруг охватывает страх, заставляющий внутренне напрячься. На этот раз хочу остаться там, где стою. Нет никакой возможности двинуться дальше.

В адской пыли носятся раскаленные осколки и камни – непреодолимый барьер.

Вижу перед собой гимнастерку цвета хаки. Стреляю первым. Желтое лицо, перекошенное страхом и злобой, медленно оседает к моим ногам.

Я неистово пинаю ногами перекошенное лицо снова и снова.

Все еще слышу выстрелы противотанковых ружей. Неужели нет способа подавить их?

Вдруг начинается глухой гул, который заставляет дрожать землю. За ним следует нарастающий грохот 75-миллиметровых орудий. Это признаки того, что танки здесь. Они прибыли вовремя. Выбита из строя половина атакующих сил.

В нескольких местах образуются бреши, когда бронированные монстры таранят стены. Они мелькают всюду в облаках пыли. Страшная вибрация, как в землетрясение.

Через час фабрика в наших руках. Русских, которые могли бы рассказать, как была захвачена фабрика по изготовлению джема, не осталось.

1 августа. После серьезного боя у Батайска в нескольких километрах от Ростова-на-Дону путь к дальнейшему наступлению был открыт.

Мы движемся на юг по окаймленным фруктовыми деревьями дорогам, которые постепенно поднимаются к подножью гор Кавказа.

Флаги со свастикой развеваются от Воронежа до Дона, и мы ведем наступление по всему фронту. Летняя кампания проходит успешно.

Эсэсовцы, оголенные до пояса, поют в своих грузовиках песню о танках:

Весь мир, где кости изъедены червями,
Трепещет перед нашим наступлением!..

Их кожа загорает на ярком солнце, энтузиазм, переполняющий сердца этих людей и заставляющий их петь, неописуем.

В каждой деревне, которую мы проезжаем, крестьяне долины реки Ея машут нам руками. Они, видимо, несколько смущены внезапно появившейся лавиной немецких войск, двигающейся в сторону Кубани.

Оборонительные линии русских прорваны, и нам следует воспользоваться этим успехом для дальнейшего наступления.

Быстрее, еще быстрее.

Впереди Кавказ, затем Грузия и Турция.

А за Евфратом – Сирия и Египет, где сражаются дивизии Африканского корпуса Роммеля.

Каким величественным эпосом станет наш поход, если из Причерноморья немецкие танковые дивизии дойдут до Каира и пирамид!

Верховное главнокомандование, очевидно, воодушевлялось этой идеей, когда направило большую часть группы армий «Юг» в сторону турецкой границы.

Эсэсовцы русского фронта в черных мундирах и герои войны в пустыне встретятся в каком-то пункте страны фараонов – какая безумная и вместе с тем прекрасная мечта!

К сожалению, «Викинг» отделяет от Суэцкого канала расстояние в полторы тысячи километров.

4 августа. Ожесточенные бои вдоль нефтепровода.

На окружавших местность холмах засели арьергардные части казачьей дивизии. С лесочка над долиной речки, притока Кубани, они держат под постоянным обстрелом всю дорогу на Кропоткин. Они беспрерывно бьют по нам с рассвета. До сих пор нам не удалось сколько-нибудь засечь их позиции точно. Должно быть, ночью они бесшумно установили свои 122-миллиметровые батареи, поскольку, когда стало светло и мы захотели снова двинуться по дороге, чтобы соединиться с остальными силами дивизии, на нас обрушился шквал снарядов.

Командование полка немедленно сообщило об этом в штаб дивизии, откуда поступил приказ о зачистке местности, прежде чем полк продолжит движение.

Деревня, которую мы занимаем, расположена рядом с нефтепроводом. Сначала мы подумали, что русские предпримут попытку контратаковать, чтобы вывести из строя насосную станцию в нескольких километрах отсюда. По здравом размышлении, однако, мне показалось, что такой маневр был бы глупым и бесцельным. Нефтепровод, поврежденный на протяжении сотен километров, больше не представляет стратегической ценности.

Нефтепровод представляет собой большое скопление труб, по которым нефть из скважин близ Орджоникидзе и из Прикаспийской области перекачивается на нефтеперегонные заводы Ростова-на-Дону. Отныне русским придется транспортировать сырую нефть танкерами. Естественно, им это не понравится.

Как мы и ожидаем, обстрел продолжается. Казаки бомбардируют нас большим количеством снарядов, и это уже вызвало значительные потери среди личного состава полка. Убито по крайней мере десять солдат.

Находясь в укрытии в виде кирпичного здания на небольшой площади, я замечаю рядом с артиллерийской батареей Михаэля, внимательно изучающего через полевой бинокль поросшие лесом холмы. Подхожу к нему.

– Хочешь посмотреть? – спрашивает он, уступая мне место.

Навожу резкость и через несколько секунд могу различить крохотные грибовидные облачка от орудийных выстрелов.

Огонь поочередно ведут по крайней мере две батареи из четырех орудий. У казаков, должно быть, имеется также несколько станковых пулеметов – судя по тому, что пули постоянно сбивают черепицу с крыш.

Выбить их оттуда будет чертовски трудной работой. Но они блокируют дорогу. Все это просчет штаба дивизии, который не счел необходимым выслать передовые части для подавления сопротивления красных или даже разведывательные самолеты «Шторьхи» для выявления обстановки в горах.

К нам подходит майор Штресслинг, временно прикомандированный к нашему полку.

– Так, Нойман, что-нибудь наблюдаете?

Он улыбается, выглядит, как всегда, добродушным ребенком. Мне показалось легкомысленным следовать примеру Стинсмана, который вытянулся по стойке «смирно».

– Все в порядке, приятель. Расслабься! – весело говорит ему майор.

Он – блондин с румяным лицом. Его бычья шея тесно стянута воротником кителя и сзади наползает на спину. Должно быть,

ему за пятьдесят. Странно, что в таком возрасте он всего лишь майор. Возможно, он был унтером в СА, который прошел по служебной лестнице все звания.

Я поворачиваюсь к нему.

– Стараюсь определить, сколько у них орудий, майор. Могу различить восемь – десять единиц, а также несколько станковых пулеметов.

Он неопределенно улыбается, ничего не говорит, поворачивается вдруг на каблуках сапог и удаляется.

Странный тип. Интересно, в чем именно состоит его работа в полку.

Я обтер лоб. Жара как в печке. С восходом солнца к зениту носить каску становится невыносимо.

Оставляю Михаэля с его биноклем и иду укрыться в полковом штабе, поскольку свободен от дежурства. Вокруг разрывы мин минометов, поэтому пробираюсь вдоль стен очень осторожно.

Вдруг слышу отдаленный шум, который быстро усиливается. Он исходит, видимо, от высоких бетонных зданий, вероятно зернохранилищ.

Затем угол улицы огибает странная процессия.

Удивительно. Она кажется абсолютно равнодушной к свистящим и воющим вокруг пулям и снарядам.

Вдруг, услышав стенания, я понимаю.

Это – похороны.

Очень странное явление – эти похороны на Кубани.

Впереди идет священник, который носит крест и подобие вышитой тиары на голове. За ним идут женщины с лицами, почти полностью закрытыми черными платками. Они нескладно рыдают, трясутся и дергаются, как будто поражены какой-то нервной болезнью. За ними следуют другие женщины без платков, которые плачут даже громче, чем те, что идут во главе процессии.

Далее несут подобие носилок, на которые помещено мертвое тело женщины, одетой в шелковое платье. У нее почерневшее лицо, и над ней роятся черные клубы мух. Труп женщины с сомкнутыми на животе руками покрывают многочисленные цветы.

Покойную несут мужчины, у одного из них на щеках слезы. Очевидно, это муж покойной.

Скорбящие заводят необычное мелодичное пение, мягкое и благочестивое. Оно начинается по знаку одного из несущих покойную. Траурная мелодия зловеще плывет над мрачной процессией.

Процессию сопровождает приторно-сладкий запах смерти и

цветов. Ее участники медленно проходят мимо, их руки раскачиваются в такт исполняющегося нараспев молебна.

Прикованный к своему месту, я усилием воли собираюсь с духом. Похоронный кортеж проходит в нескольких метрах, нарочито не обращая на меня никакого внимания. Да, сейчас в этой местности большое число эсэсовцев. Или, возможно, женщину убила немецкая пуля.

Снаряды с жутким свистом постоянно падают на деревню, разрушая дом за домом. Не прекращается грохот взрывов. И мерный, слишком мерный, звук шагов. Пронзительные вопли скорбящих. Плач женщин и прочих, которые следуют за покойной к месту захоронения, где она упокоится навеки. Продолжающееся выражение пением скорби и прощания с покойной со стороны людей в опасной для них обстановке… Во всем этом что-то глубоко бесчеловечное, почти безумное.

Пытаюсь представить на мгновение траурную церемонию на деревенском кладбище.

Возникают в воображении странные символы захоронения, сделанные из металла и часто увенчанные серпом и молотом – проржавевшие железные звезды, которые раскачиваются и скрипят над небольшими металлическими надгробиями из кованого железа и погнутых железных стержней. Странные символы без очевидного смысла. Таковы могилы в Советской России… Звезды ржавеют, завывает ветер в железных надгробных памятниках. Но это не имеет значения. Видимо, после захоронения должна быть связь между живым и мертвым.

Игнорирование смерти. В этом, возможно, один из аспектов большевистской философии.

Я вздрогнул, когда кто-то похлопал меня по плечу. Погруженный в свои довольно мрачные размышления, не заметил, как подошел Карл.

– Привет! Ты выглядишь несколько печальным. Должно быть, эта мало бодрящая церемония настроила тебя на минорный лад.

– Здравствуй, Карл! Я размышлял.

– Понятно. Но старайся размышлять на расстоянии в полкилометра дальше. Ты, кажется, не замечаешь, что обстрел продолжается. И если осколки заденут тебя, будет большая неприятность.

Крохотные металлические фрагменты действительно носились со свистом вокруг нас, роковые фрагменты. Отлетая рикошетами от более или менее использованных фрагментов снарядов, они сохраняли тем не менее способность нанести значительный урон.

– Пойдем укроемся в штабе, – предлагает Карл.

Вспоминаю, что именно туда шел, перед тем как меня охватила меланхолия в связи с похоронной процессией.

Пока мы идем, Карл сообщает, что полковник крайне взбешен. Он клянет штаб дивизии за то, что его не предупредили о проникновении казаков через долину реки Егорлык. В результате нам придется провести наугад карательную операцию.

Войдя в помещение штаба, мы обнаруживаем несколько офицеров, столпившихся вокруг командира. Они почтительно слушают и вынужденно выражают свое одобрение его гневу.

Склонившись над картой масштабом 1:100 000, он дает распоряжения.

– Боевая группа Ляйхтернера выдвигается прямо на высоту 604 по руслу высохшего ручья. Взводы под командованием Колдена и Никсена прикрывают боевую группу 2 с юга, запада, севера и востока. Остальная часть роты Колдена идет в обход по долине и атакует в… – он смотрит на часы, – 16.30 с северо-запада.

Карл, стоящий рядом со мной, бормочет:

– Вот так награда. Целый день сбор грибов в лесу!

Через час отправляются бронетранспортеры, а чуть позже мы переходим через нефтепровод, затем пересекаем железнодорожную линию Ростов – Баку. Нам придется ехать минимум 15 километров вокруг небольшой гряды скалистых холмов, что позволит нам застигнуть казаков врасплох слева, в то время как боевые группы поведут фронтальные атаки.

Это скорее мелкая операция, чем битва при Каннах, – при условии, что русские позволят застать себя врасплох. Лично я в этом сомневаюсь.

Полугусеничные бронетранспортеры свернули в опасный каменистый проход, который с трудом можно называть дорогой, но Колден говорит, что проход отмечен красным цветом на карте. Это означает: «Пригоден для прохода транспортных средств». Впрочем, так случается не в первый раз. Так, во время наступления на Киев Верховное командование распространило штабные карты, на которых была отображена сеть прекрасных дорог, существовавшая лишь в воспаленном воображении картографа. Утверждали, что эти карты были вычерчены на самом деле агентами красных, которым, несомненно, хорошо заплатили за труды.

Во всяком случае, эта чертова карта ведет нас в добрую старую неразбериху. Движение все более и более затрудняется, поскольку проход изобилует глубокими колдобинами. Приходится освобождать путь от больших обломков скальной породы, поскольку объехать их не представляется возможным.

В последние несколько минут мы передвигаемся сквозь густой лес. И вот передний бронетранспортер останавливается. Водитель дает сигнал другим, следующим за ним машинам, что дальше ехать нельзя. Мы выбираемся из кузовов и вынуждены признать, что так оно и есть. Проход вдруг сужается, становится слишком узким для наших бронетранспортеров.

Здесь мы попали в пиковое положение, и пути назад нет. Налево – скалы, направо – глубокий овраг, поросший соснами и кустарником.

В подлеске ужасная жара. Лес кишит множеством птиц и насекомых. Война забывается. Вверху, в залитых солнечным светом кронах сосен, цикады верещат бесконечную песню о мире.

С нас, полусонных, стекает пот.

– Черт. Нам нельзя торчать здесь целый день! – говорит Колден, стирая со лба пот.

В отдалении продолжается слабый, глухой шум артиллерийской канонады. Горы между нами и казаками создают непроницаемый звуковой барьер. Но если полагаться на пресловутую карту, мы должны быть сейчас ближе к позициям красных, чем тогда, когда выезжали на операцию.

Одно жалкое подразделение немцев посреди кубанских земель, застрявшее в незнакомом лесу в жутком одиночестве без признака или запаха присутствия какого-нибудь русского, в которого можно было бы вцепиться зубами.

Может, нам попытаться постучаться в дверь какой-нибудь избы, если таковая имеется, и вежливо справиться о дороге?

И как назло нам, эти казацкие свиньи решили преследовать наш арьергард.

Черт бы их побрал!

Между тем остальные подразделения дивизии продолжают продвижение к Большому Кавказу. А мы здесь оказались в крайне дурацком положении.

Колден связывается по радио со штабом полка для получения инструкций. Ответ пришел только что. Полковник приказывает нам двигаться дальше в пешем порядке.

Ну и доля нам выпала! Подразделение СС играет в войну в непроходимом лесу и более того – пешком. Над этим неделями будет смеяться вся группа армий «Юг».

Солдаты с ворчанием выбираются из бронетранспортеров. Проходим подлесок, потому что, посовещавшись с Колденом и лейтенантом Машем, решаем совершить бросок прямо через лес.

Оставляем около десятка солдат охранять бронетранспортеры. Они не очень довольны. Возможно, еще не забыли нападение партизан в Красной.

Меня беспокоит одна мысль. Быстро подбегаю к Колдену:

– Послушай, Колд, все утро говорили о казаках. Откуда они знают?

Голландец, запыхавшийся оттого, что убирает кусок скалы с дороги, останавливается и поворачивается ко мне.

– Что за вопрос, старина? Жара ударила тебе в голову? Разве в дивизии нет офицера разведки? В любом случае никто, кроме этих безумных казаков, не втащит орудия такого калибра на позицию, расположенную на неприступных высотах и в такой короткий срок.

Мы продолжаем набирать высоту, и у меня пропадает желание продолжать разговор.

Выбираемся на подобие пустынной равнины, вдоль которой посвистывает ветер.

Но больше не слышим русской артиллерии.

Колден тоже обратил внимание на внезапное молчание со стороны красных, мы вопросительно смотрим друг на друга. Солнце быстро садится. Почти шесть часов вечера. Мы совершали переход более двух часов. Что происходило все это время с боевыми группами и группами поддержки? Среди холмов завывает ветер. Вокруг нас водные потоки, но не прослеживается ни одного дымка или какого-нибудь признака боя.

– М-да, – бормочет Колден, – никогда не сталкивался прежде с чем-либо подобным.

Вдруг один рядовой кричит:

– Смотрите туда! Кажется, это лошади!

Смотрим в указанном им направлении. Быстро навожу свой полевой бинокль.

Да, ей-богу. Это могли быть только казаки. Они, видимо, отступают или меняют позиции. Кричу:

– Быстро ложитесь на землю! Мы как раз на солнце, и они могут заметить нас!

Что может означать этот поспешный отход? Напрасно я пытаюсь улучшить резкость в окулярах бинокля, перевожу обзор с одной стороны на другую. Не видно никаких признаков присутствия солдат СС.

– Если бы у нас был радиопередатчик, – сокрушается Колден. Однако RF-107 оставлен в бронетранспортере.

Пытаюсь подсчитать приблизительное число всадников. Их сто, может, сто пятьдесят. Они, во всяком случае, не выглядят слишком обеспокоенными, так как безмятежно скачут галопом по подобию ущелья.

В конце колонны я отчетливо различаю артиллерийские орудия на конной тяге.

Невероятно! Они выглядят как войска, возвращающиеся в лагерь после маневров.

– Они, должно быть, отходят в связи с подходом наших боевых групп, – слышу голос совсем близко от себя.

Опираюсь на один локоть. Это голос лейтенанта Маша. Он тоже лежит животом на земле, приставив к глазам полевой бинокль.

На холмы наползает фиолетовый цвет. Ветер, дующий на равнине, становится холоднее. Время принимать решение.

– Отходят? – говорит Колден. – Но где взвод Никсена? Ему следует находиться там, позади казаков.

– Может, они потеряли связь или пошли не по той дороге? – предполагает Маш.

Все солдаты лежат на земле, ожидая приказов. Мы не можем торчать здесь бесконечно, рассуждая о причинах отхода русских в долине.

Поворачиваюсь к голландцу:

– Что будем делать, Колд? Больше нельзя тратить время. Через час наступит темнота.

– Остается только одно, – басит он. – Попытаться зайти им во фронт. Нас сотня. Мы располагаем восемью пулеметами, и у всех автоматы. Немного везения – и мы сумеем совладать с ними. Прикажи своим солдатам быстро выдвигаться к опушке леса. Там мы перережем им путь.

Через несколько минут мы спускаемся вниз по другой стороне холма, стараясь производить минимум шума. Но, несмотря на наши усилия, шум камней, скатывающихся вниз, и треск ломающихся веток деревьев несется эхом от долины к долине. Нам повезет, если они не услышат, как мы приближаемся.

Становится темнее и темнее. Прошло пятнадцать минут с тех пор, как мы заметили красных.

Наконец, все еще как можно незаметнее двигаясь вперед, мы слышим цоканье копыт о камни. Они совсем близко.

– Мы их обогнали, – шепчет Колден. – Рассредоточьтесь полукругом и ставьте на позиции пулеметы. Начинайте огонь трассирующими пулями.

Внезапно в ста метрах от нас появляется головной всадник.

– Беглым – огонь!

Все стреляют одновременно, и лес сразу же резонирует ужасным грохотом.

Трассирующие пули создают причудливый рисунок. Тысячи полосок света во мгле дают нам возможность видеть цели.

Лошади с неистовым ржанием садятся на задние ноги, затем

грохаются мертвыми на землю. Русские в крайнем замешательстве. Проходит некоторое время, прежде чем они осознают случившееся.

Крики, стоны, яростные возгласы, затем вдруг резкая дробь тяжелого ворошиловского пулемета (12,7-мм ДШК. – *Ред.*), и на нас начинают падать срезанные пулями ветки. Они приходят в себя после первоначальной паники.

Теперь уже совсем темно. Ночной бой, эта фантастическая битва призраков особенно впечатляет. Смерть крадется среди деревьев, свистит в ушах, завывает, подобно растревоженному гнезду шершней. Стараемся как можно надежнее укрываться за валунами и соснами.

Слева бегут неясные тени. Даю несколько длинных очередей в ту сторону. Мой автомат раскаляется, поскольку я вставляю в него магазин за магазином. Только сухой щелчок, указывающий на то, что израсходована последняя пуля, подсказывает мне в темноте, что наступило время вставить новый магазин.

Сопротивление красных все более слабеет. Осознав, что они обратились в бегство, мы отправляемся в лес. Преследовать их в темноте было бы совсем глупо.

Осторожно, с автоматами у бедра, мы продвигаемся вперед. Фонарики держим на вытянутой руке, чтобы какой-нибудь снайпер случайно не подстрелил нас. Брошенные автоматы, трупы солдат и лошадей под деревьями – вот что осталось от отступившего казачьего отряда.

Наклоняюсь и переворачиваю тело офицера, которого легко опознать по двум металлическим звездам. На его плечах золотистые галуны на фоне ярко-синего кителя. Офицер разведки был совершенно прав. Это определенно казаки. На левом кармане убитого красно-белая полоска. Кажется, это планка ордена Суворова, звезды из платины. (Автор ошибается (или привирает). Орден Суворова трех степеней (платиновый, золотой, серебряный) в это время был только что учрежден (указ от 29 июля 1942 г.). Планка орденов Суворова – золотисто-зеленая. Первым кавалером ордена Суворова 1-й степени (т. е. платинового с золотом) стал маршал СССР Г.К. Жуков (28 января 1943 г.). А красно-белая планка, которую упоминает автор, – планка ордена Красной Звезды. – *Ред.*) Прекрасный сувенир для меня, я срываю его с кителя мертвеца.

Слышу рядом чей-то стон. Направляю свет фонаря в эту сторону. Раненый русский, его широко раскрытые глаза пристально смотрят на меня.

Губы едва шевелятся.

– Добей меня, товарищ…

Как ни глупо, меня трогает этот неровный голос, хриплое карканье. Несмотря на почти полное незнание русского языка, я понимаю его сразу. Казак молод и светловолос. Из уголка рта течет тонкая струйка крови.

Я бы сделал для его спасения все, что мог, но это невозможно. Нас едва хватает, чтобы доставить в долину одного убитого и одного раненого немца.

Вынимаю из кобуры свой пистолет.

Увидев оружие, казак почти дружелюбно улыбается. Он не боится смерти. Трудно хладнокровно убить человека. Но было бы негуманно оставлять его здесь заброшенным, обреченным часами на предсмертные муки.

Приставляю дуло пистолета к его виску.

– Прощай, Иван. В конце концов, все мы братья.

Нажимаю на спуск.

Он дергается на мгновение, затем жуткая улыбка смерти искажает его лицо, обнажая белизну зубов.

Встаю и отвожу свет фонарика, чтобы не видеть больше эту трагическую маску.

Помещаем нашего убитого на брезентовые носилки, которые спереди и сзади несут два эсэсовца.

Раненого солдаты несут на спине.

Чуть позже колонна медленно движется в долину, к бронетранспортерам. Солдаты спотыкаются о камни, не освещенные нашими карманными фонариками.

Заря занялась до того, как мы вернулись на базу. Выяснилось, что боевые группы фактически не смогли установить путь отхода казаков и встретились с группами поддержки около 15.00. Потерпев неудачу, они отправились к нефтепроводу и вернулись на базу.

27 августа. Вчера отряд горных стрелков под командованием лейтенанта Шпиндлера достиг вершины Эльбруса. (Неверно. Обеих вершин Эльбруса (5642 и 5621 м) достигли 21 августа горные стрелки капитана Грота. – *Ред.*) Штандарт со свастикой развевается теперь на вершине горы, господствующей над всем Кавказом, на высоте более пяти с половиной километров над уровнем Черного моря.

Мы наблюдали в полевые бинокли за этим фантастическим подвигом из района селения Шахар, где расположились лагерем. (Очевидно, автор имеет в виду город Микоян-Шахар (современный Карачаевск). Однако от него до Эльбруса по прямой более 70 км. – *Ред.*)

29 августа. Мы повернули в северо-восточном направлении, в сторону Пятигорска, затем пересекли равнину в районе реки Малка.

С начала месяца мы беспрерывно вели наступление, несмотря на отчаянное сопротивление красных.

Произошло несколько ожесточенных боев вокруг Прохладного. В ходе одного из них был убит лейтенант ван Колден. Я заменил его в качестве командира роты. Теперь лацканы моего черного кителя украшают два серебряных квадрата. (Офицеры СС носили на лацканах маленькие квадраты, вышитые серебряной ниткой. Один квадрат обозначал звание унтерштурмфюрера (лейтенанта), два квадрата – оберштурмфюрера (обер-лейтенанта).)

8 сентября. Все нефтяные скважины района близ Грозного, через который мы сейчас наступаем, разрушены.

Погнутые фермы металлических буровых вышек стоят, как черные скелеты, среди огромных облаков дыма, висящих над ними и заслоняющих небо.

Горит нефть.

Перед отступлением советских войск специальные команды НКВД взорвали все нефтяные сооружения и подожгли скважины.

Несколько дней наши специалисты борются с гигантскими пожарами, которые свирепствуют во всей этой зоне. По всей долине Терека слышится глухой рокот горящей нефти.

Периодически воздух содрогается от мощных взрывов подрывных зарядов, предназначенных для тушения горящих скважин.

По ночам огромные факелы освещают горные вершины.

15 сентября. Мы прошли от Ростова-на-Дону почти 800 километров.

Кавказ предоставляет широкий спектр запоминающихся контрастов.

В субтропической зоне вдоль Черного моря, где мы были в начале лета, произрастают в больших количествах огромные пальмы, апельсиновые и лимонные рощи. (Автор путается. До субтропиков с пальмами и мандаринами немцам прорваться не удалось. – *Ред.*) По обеим сторонам дорог встречаются фруктовые деревья, обширные табачные и чайные плантации. По склонам холмов располагаются виноградники, где извиваются и тянутся к вечно голубому небу виноградные лозы.

Ближе к Каспийскому морю – дикие и безлюдные горы без плодовых деревьев. Их склоны покрыты густыми смешанными

лесами из дуба, клена, бука и каштана. Выше растут сосны, а еще выше – другие хвойные деревья.

Прекрасный ландшафт. Представляю, какие замечательные виды открываются, должно быть, с вершин Казбека или Эльбруса.

С этих заснеженных вершин, возможно, просматриваются горные хребты Армении и Грузии (Армения не видна. – *Ред.*), а также зеленые долины Азербайджана. В долинах трава растет в человеческий рост, а разноцветные цветы достигают высоты наших кустов.

В обширных темных лесах охота еще представляет собой рискованное занятие. Медведи, дикие кабаны, рыси и волки неустанно преследуют диких коз, куниц, безоаровых козлов вплоть до горных пиков. (Так в оригинале! – *Ред.*)

В вышине величественно парят могучие орлы и стервятники и, высмотрев добычу, пикируют вниз.

Необычный край и необычные люди.

Это горячие, самобытные воины. У меня такое впечатление, что они одинаково равнодушны и к нашей оккупации, и к диктатуре большевиков. Они обладают, очевидно, неукротимой любовью к свободе.

Именно эти люди построили небольшие каменные и глинобитные укрепления с наблюдательными башнями, которые усеивают склоны гор над горными проходами. В последние несколько дней советское командование, обеспечивающее отход главных сил Красной армии, укрывается в этих укреплениях.

Засев в этих старинных укреплениях, русские сражаются до конца. Когда мы берем штурмом маленькие крепости, то не находим там ничего, кроме мертвых тел.

25 сентября. Танки пролагают себе путь прямо через позиции красных. Мы следуем за ними, зачищая по ходу очаги сопротивления в этой местности. Так продолжается день за днем.

В результате череды коротких переходов мы приближаемся к Баку и Каспию.

Вдоль всего большого южного горного хребта на завоеванной русской территории развеваются немецкие флаги. (Немцы вышли на перевалы Главного Кавказского хребта только за Западном Кавказе и позже на западе Центрального Кавказа. – *Ред.*)

С равным успехом наступление развивается на других фронтах.

Пал Севастополь (4 июля. – *Ред.*). На севере большое наступление Москвы развивается так, как и предвидело германское Верховное командование. (Имеются в виду операции Красной армии под Ржевом. – *Ред.*) Объединенные силы

фельдмаршала фон Лееба и финского маршала Маннергейма окружили второй по величине русский город Ленинград. (Блокада Ленинграда началась с 1 сентября 1941 г. В дальнейшем Красная армия в 1942 г. неоднократно пыталась прорвать блокаду, что удалось только в январе 1943 г., а снята блокада была в январе 1944 г. – *Ред.*) На востоке будет реализован план форсирования Волги у Сталинграда, осада которого только что началась.

Наше победоносное наступление продолжается в каждом секторе.

Было бы справедливо отметить, что никто не питает иллюзий относительно предстоящих трудностей. Однако величие того, что мы уже достигли, является очевидной гарантией нашей окончательной победы.

Каждый немец надеется, что 1943 год станет свидетелем окончательного триумфа германского орла.

Часть третья
СУМЕРКИ

Глава 12
У МЕНЯ БЫЛ ТОВАРИЩ…

2 декабря 1942 года. Ожидаем здесь несколько дней.

Вокруг небольшой станции Пролетарская солдаты лежат на земле под навесом или сидят по семь-восемь человек в грузовиках или танках. Стараются как можно лучше защититься от холода и зимней вьюги, которая сердито завывает вокруг нас.

Вдоль реки Маныч тысячи единиц бронетехники, танков, тяжелых артиллерийских орудий ждут поездов, которые повезут их на северо-восток.

Поспешно переброшенные из предгорий Большого Кавказского хребта и степей Прикаспия, десятки дивизий направляются на мелкие железнодорожные станции к северу.

Волга.

Солдаты произносят это слово опасливо. С тревогой.

Согласно распоряжениям штабных чинов, нашим конечным пунктом назначения является Волга.

Но у эсэсовцев нет иллюзий.

Волга означает Сталинград.

А Сталинград, судя по рассказам тех, кому удалось выбраться из этого ужасного ада, часто означает смерть.

Уже несколько месяцев войска генерала Паулюса окружены у города, который когда-то назывался Царицын, русскими армиями. На ряде направлений красные опасно приблизились к Сталинграду, угрожая, таким образом, взять в клещи окруженные немецкие войска. (Немцы были окружены под Сталинградом 23 ноября 1942 г. – *Ред.*)

Фюрер вызвал фон Манштейна и поручил ему командовать дивизиями, которые должны деблокировать Паулюса.

Мы между тем ждем.

К одной из затемненных платформ медленно ползет поезд, составленный из вагонов для перевозки скота и нескольких пассажирских вагонов. Нам только что стало известно, что штаб 4-й танковой армии Гота, в подчинении которого находится «Викинг», решил отправить нас на северо-восток по железной дороге, чтобы исключить продвижение по разбитым и заснеженным дорогам возвышенности Ергени.

Громкоговоритель в ночи гнусаво вещает:

– Командирам рот и взводов явиться на пункт связи штаба полка. Командирам рот и…

Я отдаю распоряжения стоящему рядом эсэсовцу и иду к

сортировочной станции, где наш полковник учредил свой штаб. Студеный ветер все еще носится со свистом на открытой местности, наметая рядом с железнодорожным полотном большие сугробы.

В избе вокруг жалкого примуса, тщетно пытающегося поднять температуру хотя бы на несколько градусов, собралось уже около десятка офицеров.

Стоя на противоположной стороне комнаты, наш полковник, выглядящий крайне озабоченным, разговаривает с группой старших офицеров. Среди них замечаю генерала Гилле, командующего «Викингом» с прошлого ноября. Он заменил Штайнера, который уехал в Шарлоттенбург.

Увидев, что большинство командиров рот и взводов прибыли, Гилле выходит вперед на два шага и поднимает руку, добиваясь тишины.

– СС! Сейчас не время для долгих речей, – громко произносит он. Его лицо становится строгим. – Неприятель наносит нам сильные удары, очень сильные. Это последние отчаянные усилия дикого зверя перед гибелью. Но он остается опасным! На этот раз, СС, вы сражаетесь не только ради славы страны, но за освобождение своих товарищей, которые окружены и рассчитывают на вашу помощь.

Устанавливается тишина, напряженное молчание. Затем наш генерал продолжает низким голосом.

– Вы должны уничтожить русского зверя! – выкрикивает он, подкрепляя свои слова взмахом сжатого кулака. – Прошло время, когда следует думать об их мужчинах, женщинах и детях. Это свирепый враг, которого надо сейчас уничтожить для того, чтобы могла жить Германия!

Он вытягивается по стойке «смирно».

– Хайль Гитлер!

Генерал идет к нам и теперь говорит среди нас:

– Не нужно тревожить своих солдат, господа. Но также не нужно скрывать от них тот факт, что мы идем к Сталинграду. – Он поджимает губы и делает неопределенный жест. – Кроме того, беспокоиться не о чем. Мощь армий поддержки, которые спешат на помощь к Волге, без сомнения, рассеет дивизии Еременко – Жукова! (Жуков в это время находился на центральном участке Восточного фронта, проводя операцию «Марс» (25 ноября – 20 декабря 1942 г.) под Ржевом, отвлекшую на себя резервы немцев. Под Сталинградом немцам противостояли Сталинградский фронт Еременко, Донской фронт Рокоссовского и Юго-Западный фронт Ватутина. – *Ред.*) – Гилле окидывает взглядом молчащую комнату и заканчивает: – Все, господа! Армия выступает в 22.00.

Проследите за тем, чтобы ваши солдаты были в готовности.

Через несколько минут мы расходимся. Почти сразу я бегу к Карлу, который беседует с младшим лейтенантом.

– Кроме шуток, – спрашиваю, – что ты думаешь обо всем этом?

Перед ответом Карл неопределенно качает головой:

– Похоже, что Паулюсу тяжело. Вся эта суета, происходящая в такой спешке, не выглядит особенно здравой.

Смотрю на свои наручные часы. 21.50. Ехать через десять минут.

– Поедешь с нами? – спрашивает Карл. – Кажется, они прицепили впереди вполне приличные вагоны.

Я киваю в знак согласия.

– Лучше поеду с вами, чем ютиться в соломе. Только отдам необходимые приказы и приду.

Паровоз уже присоединили к поезду. Машинист и кочегар взялись за работу, их черные силуэты виднеются на фоне красного света от топки. Шумно шипят клапаны, и струи пара выстреливают вверх из цилиндров.

Солдаты 2-й роты, которую со времени боев на Кавказе называют боевой группой Ноймана, карабкаются в свой вагон.

Наконец мне на глаза попадается унтер Либезис, которого я ищу.

– Либезис, я поеду впереди с лейтенантом фон Рекнером. Если понадоблюсь, найди меня во время остановки.

Он собирается отдать честь, но я останавливаю его.

– И еще. Пошли десять солдат в бронированный вагон. Это приказ полковника. С автоматами. Это все, Либезис!

– Доброй ночи, господин лейтенант! – говорит унтер, вытягиваясь по стойке «смирно».

Поезд отходит. Я едва успеваю добраться до переднего вагона.

В купе темно и тихо.

Офицеры «Викинга» не проявляют особого энтузиазма в связи с путешествием на север.

В передней части вагона Франц и Карл устроились в одном купе. Они предусмотрели место для меня рядом с собой.

Темноту усиливает толстый снежно-ледяной покров на окнах. Когда поезд набирает скорость, становится холоднее.

– Нам придется ехать так почти пятьсот километров (от Пролетарской до Сталинграда (вокзала) около 350 км. Однако немцам пришлось выгружаться у Котельниково (190 км до вокзала Сталинграда) и далее наступать с тяжелыми боями. – *Ред.*), – жалуется Франц. – Думаю, более чем достаточно, чтобы

превратиться в сосульки перед прибытием на место.

– Даже нельзя поиграть в карты, – вторит ему Карл. – В пяти сантиметрах ничего не видно. Вот попали! И так до самого Сталинграда!

– Не важно, когда приедем, будет чем заняться, – говорит агрессивный голос из темноты.

– Заткнись! – рычит другой голос. – Разве и так не тошно ехать?

Неожиданно все замолкают.

Я горблюсь в углу в попытке спастись от холода. Но сиденья деревянные, и, как ни сиди, удобно не устроишься.

Поезд грохочет в ночи, двигаясь на полной скорости. Лязгает металл. Нас потряхивает. То и дело раздаются продолжительные гудки. Звучат они необычно, будто ревут от боли животные.

Какое-то время я прислушиваюсь к ритмичному стуку колес о стальные рельсы.

Мощный толчок заставляет меня проснуться и вздрогнуть.

Крики в вагоне возвращают меня к реальности.

– Ради бога, выходите! Нас обстреливают!

Партизаны.

Раздается металлическое лязганье. Я вскакиваю и поправляю каску. Сразу понимаю, что поезд остановился.

– Мы сошли с рельсов?

Карл отвечает:

– Не думаю. Должно быть, подложили под полотно что-то. Поезд остановился до того, как началась стрельба. Или, может, разобрали рельсы.

– В любом случае они обстреляли локомотив, – уточнил кто-то.

Чьи-то руки валят меня на пол сильным толчком.

– Нагнись, дурень! Одного из нас уже подстрелили!

Теперь и я слышу стоны, доносящиеся из угла купе.

Мысли мелькают быстро. Что делать? Стрельба продолжается. Я слышу резкие хлопки даже внутри вагона. Было бы глупо выскочить из поезда просто так. Эти свиньи, должно быть, нас поджидают и высматривают, кто покажется в окне.

Через несколько секунд очередь станкового пулемета извещает нас о том, что вступила в бой охрана поезда. И вовремя!

Франц опускает одной рукой вниз то, что осталось от окна купе. Из-за обледенения рама поддается с большим трудом. Осторожно поднимаю голову и смотрю на темный ряд деревьев примерно в 50 метрах.

Партизаны устроили засаду в месте, где железнодорожный

путь проходит через лес. Смутно различаю темные контуры соседних вагонов. Мы к тому же на повороте железнодорожного полотна. Все продумали, сволочи!

Пуля ударяется в вагон как раз под окном, слышится скрежет рвущегося металла. Нам нельзя здесь оставаться. Чрезвычайно опасно. Эти свиньи прячутся в лесу и забавляются, стреляя по нам наугад.

Вдруг приходит решение. Мне нужно вернуться в свою роту.

Выхожу из купе, переступаю через людей, растянувшихся на полу. После долгого и трудного перехода по длинному коридору вагона в согнутом почти вдвое положении достигаю наконец двери выхода из вагона. Франц и Карл последовали за мной.

– Если мы выскочим, нас пристрелят, – шепчет Франц.

Я оглядываюсь. Вагон старого типа, в нем нет двери в следующий вагон.

Предлагаю:

– Надо попытаться пройти через боковой выход.

Теперь наши солдаты открывают огонь также и из задних вагонов. Но они стреляют на авось. Рассмотреть что-либо совершенно невозможно.

Осторожно приоткрываю дверь с выходом на противоположную сторону поезда. Никаких последствий. Может, партизаны напали лишь с одной стороны? Это было бы очень хорошо. Вдруг на глаза попадается эмалированная табличка с надписью: «Осторожно. Не открывать».

Думать об этом нет времени. Нельзя терять драгоценные секунды. Как можно быстрее спрыгиваю на снег. Два слабых шлепка говорят о том, что Франц и Карл последовали за мной.

Ни о чем не думая, бегу низко согнувшись. Через несколько мгновений добегаю до дальнего конца поезда здоровым и невредимым. Ко мне приближаются неясные силуэты.

Я поднимаю голову.

– Боевая группа! Прыгайте быстрее! После прыжка залечь на землю!

Затем красные неожиданно начинают стрельбу. Эти черти, должно быть, ждали, когда солдаты выберутся из поезда. Вот почему они позволили нам сделать пробежку. Чтобы мы не знали, где именно они находятся.

Черная эсэсовская форма представляет собой прекрасную мишень на фоне белого снега. Град пуль отлетает рикошетами от камней и гальки железнодорожного пути.

– Ублюдки! – рычит голос. – Сколько их там?

В ночи раздаются стоны. Видимо, пули попали в нескольких наших солдат.

Лежа на снегу, мы посылаем в черный ряд сосен длинные автоматные очереди. Целимся в яркие вспышки, мелькающие в темноте и выдающие позиции большевиков.

Теперь по лесу бьют из окон каждого вагона поезда. Натужный грохот пулеметов сливается с частой дробью автоматов, на резкие хлопки советских «Дегтяревых» отвечают глухие раскаты от выстрелов наших маузеров.

Слышу топот бегущих ног, ослабленный снежным покровом. Ко мне подбегает один рядовой:

– Лейтенант! Приказ полковника. Боевая группа Ноймана – на операцию по зачистке с восточной стороны железнодорожного пути. Четыре пулемета MG и противотанковый взвод – в поддержку.

Взмах руки в знак понимания. Солдат уже убежал, растворился в ночи.

Внезапный прилив ярости придает мне смелости. Приподнимаюсь на локте и командую:

– Взводы Либезиса, Хаттеншвиллера и Шеанта – за мной! Остальные – в обход слева!

План заключается в окружении партизан. Если возможно… Ведь они, вероятно, это предвидели.

– Петер! Не будь таким кретином, – вдруг шепчет Франц. – Ради бога, пригнись!

Я снова шлепаюсь на край железнодорожного пути. Действительно, нелепо быть подстреленным из-за небрежности.

Через минуту начинается наша атака. Около сотни солдат приближаются к красным, ползя по снегу.

Над нами бушует ураган стали и свинца. Эти звери хорошо вооружены.

Красные в панике. Группа обхода застигла их врасплох. Лес подожжен. Они беспорядочно стреляют и стараются выйти из окружения.

Мы поднимаемся в полный рост, чтобы завершить операцию. Те русские, которые остались на позициях, либо уничтожены, либо взяты в плен. Но и у нас есть потери. Одна переживается особенно тяжело…

Во время атаки падает на снег Франц. На груди зияет опасная рана. По его щекам текут слезы.

Подбегаю к нему, стараюсь перевязать рану бинтом из его индивидуального пакета, затем из своего. Рана слишком глубока и серьезна. Срочно необходима операция. Такую дыру могла проделать только пуля от «Дегтярева» (7,62-мм винтовочный патрон. – *Ред.*) или разрывная пуля (разрывные пули Красной

армией не использовались. – *Ред.*).

Свиньи!

Заставляю себя пошутить с другом:

– Слава богу! Ничего страшного, еще болтаешь, как школьница!

Франца не обманешь.

– Не беспокойся обо мне, Петер. Есть более важные дела…

Он вдруг перестает плакать.

– Постарайся увидеть мою маму, – шепчет Франц. – Скажи ей…

Продолжительный вздох, в уголке его рта пузырится кровавая пена.

– Потом скажи отцу…

Я сжимаю ему руку, стараясь улыбнуться.

– …что можно быть эсэсовцем, не становясь кровожадным псом, – продолжает он, глядя на меня. – Понимаешь, он не хотел, чтобы я… не хотел, чтобы я поступал…

Его лицо стремительно приобретает восковой оттенок.

– Старый, добрый Виттенберге. Вспомни обо мне, когда придешь в школу Шиллера и повидаешься с приятелями.

– Не беспокойся, Франц. К тебе уже идут санитары.

– Это уже не имеет значения. Так, может, лучше. Во всяком случае, я спокоен. Теперь совсем спокоен.

Он задыхается, хрипит, хватает открытым ртом воздух.

– Понимаешь, я должен тебе сказать кое-что. Я всегда очень боялся. Но не показывал этого. Верно, Петер? Старина Петер. Передай… прощальный привет Карлу и другим… Удачи, Петер…

Его лицо сжалось, словно он переживал невыносимую агонию. Показались на миг белки глаз. Он потяжелел на моих руках. Ужасно потяжелел… Франц, добрый Франц на пляже Гамбурга и на площадях Виттенберге… Прощай, старый приятель.

Подбегает рядовой:

– С ними покончено, лейтенант! Около пятидесяти пленных. Остальные удрали. Далеко не убегут. Горит лес. – Затем он замечает тело, вытянувшееся на земле. – Лейтенант 3-й роты. Ранен?

– Мертв. Помоги дотащить его к поезду.

– Нет, господин лейтенант. Я сам потащу его на спине. Здесь все горит. Быстрее.

На нас действительно сыплются искры. Прежде я их не замечал. Однако мы недалеко от железнодорожного полотна.

Я утратил способность что-либо чувствовать. Для Франца все кончено. Кажется, в первый раз понимаю по-настоящему, что такое смерть, хотя уже повидал немало трупов. У меня хватает

только сил помочь рядовому взвалить на свои плечи тело Франца.

Солдат бежит, я следую за ним. Глаза Франца широко раскрыты. Руки жутким образом болтаются.

Вскоре мы возвращаемся к поезду. Кратко говорю солдату, чтобы он осторожно положил тело Франца на обрывок брезента и отнес в один из вагонов.

В данный момент хочу уберечь покойного друга от машины для перевозки трупов в крематорий.

Это – последняя услуга, которую я могу ему оказать.

Около десятка русских, одетых в длинные шинели и меховые шапки-ушанки, собраны вокруг прожектора у бронированного вагона. Их стерегут с автоматами в руках солдаты 4-й роты мотопехоты.

Майор Штресслинг допрашивает их с перекошенным от гнева лицом. Штресслинг прикомандирован к полку на Кавказе. Но у него нет своего круга обязанностей, и это положение не вполне нормально. Утверждают, что он получает приказы прямо из штаб-квартиры СС в Шарлоттенбурге.

Неожиданно он подходит к одному из партизан и сильно бьет того в лицо с криками по-русски. Партизан глядит на майора со страхом, но ничего не говорит.

Среди террористов я замечаю двух женщин. Вероятно, тех, чей плач я слышал в лесу не так давно. Одеты они так же, как мужчины, поэтому их трудно отличить с первого взгляда. Но у них те же полные фигуры сельчанок и огромные груди, какие бывают только у русских женщин.

Сжав челюсти, Штресслинг ходит взад и вперед перед шеренгой красных.

– Нечего сказать, да? – рявкает он в этот раз по-немецки. – Вы ничего не знаете – совсем ничего?

Он останавливается как вкопанный перед одним из пленных:

– Я выбью из тебя показания!

Он поворачивается к лейтенанту Ляйхтернеру:

– Прикажите своим солдатам раздеть этот сброд догола! Это освежит их память.

Часть полка собралась теперь у бронированного вагона. Эсэсовцы наблюдают сцену, подсвеченную ярким светом нашего прожектора. Штресслинг смотрит на них и поворачивается к полковнику, который подходит в это время.

– Было бы целесообразно выставить часовых вокруг поезда, полковник. Может, партизаны попытаются атаковать нас снова. И могут быть другие группы, скрывающиеся где-то здесь.

Полковник окидывает его холодным взглядом. Очевидно,

Штресслинг ему не нравится. Кроме того, ему следовало бы первым подумать о такой элементарной мере предосторожности.

– Распорядитесь об этом, Улкийай! – приказывает он наконец, поворачиваясь к финну.

Тот, перед тем как уйти, выбрасывает руку вперед.

Я замечаю, как ко мне пробивается Карл, работая локтями. По напряженному выражению его лица понимаю, что он все знает.

– Значит, он первым ушел в могилу, – тупо бормочет он. – Бедняга Франц. Он был уверен, что его убьют. Часто говорил мне, что больше не увидит Виттенберге. Никогда не верил в удачу.

Карл грубо хватает меня за руку.

– Их надо заставить заговорить, Петер!

Через ткань мундира чувствую, как его ногти впиваются в мою руку.

– Помнишь нашу клятву в НАПОЛА, в Плёне? Быть верными нашей дружбе, что бы ни случилось… Мы должны отомстить за него, Петер.

– Мы отомстим за него, Карл, – говорю я, не отводя от друга взгляда.

Полуголые русские лежат на снегу. Их истощенные тела, уже помеченные темными полосами от хлыста, не прекращают дрожать. Им известно, что их ждет.

Двух женщин помещают чуть дальше от них. Молодая лежит на животе, видимо без сознания. Ее спина исполосована широкими красными рубцами, вероятно, как подсказывает мне роттенфюрер, результат наказания ее во время захвата в плен. Солдаты немало потрудились для этого. Эта мегера фактически выцарапала глаза одному унтеру и яростно отбивалась от солдат.

Поворачиваюсь к Штресслингу. Он говорит с одним из русских или, скорее, цедит сквозь зубы.

– Кто твои начальники? Где они прячутся?

– Не знаю… – мямлит пленный сбивчиво.

Он мертвенно-бледен и сильно дрожит.

Штресслинг сердито покусывает свою нижнюю губу.

Видимо, он размышляет. Смотрит на рядового, стерегущего партизана.

– Кинжал! – требует он.

Тот мгновенно понимает. Вытаскивает кинжал и приставляет острием к горлу русского, глаза которого широко открыты от ужаса.

– Это ты понимаешь? – рычит майор, его глаза сверкают злобой. – То, что у твоего горла нож?

Пленник, как загипнотизированный, следит за тем, как

острие кинжала приближается к его горлу.

Над ним стоит Штресслинг. Он огромен, саркастичен, ноги в черных кожаных сапогах широко расставлены.

– Теперь будешь говорить?

Пленный замер. Даже его губы не шевелятся.

– Убей его! – кричит Штресслинг, теряя терпение.

Солдат колеблется и глядит вверх, чтобы получить подтверждение приказа. Затем вонзает кинжал.

Мы с Карлом смотрим друг на друга. Год назад такая сцена ужаснула бы нас. Теперь она не производит на нас впечатления.

Лично я не способен почувствовать хотя бы малейшую жалость к партизанам, мужчинам или женщинам. Абсолютно равнодушен к их страданиям. Эти страдания даже проливаются как некий бальзам, облегчающий мое собственное горе. Мгновенно утоляет ненасытную жажду мести, снедающую меня. Партизаны убивали во тьме, как трусы. (Эсэсовец теряет чувство меры и ощущение реальности, когда больно сделали ему. – *Ред.*) Защищая страну? Возможно. Но ради собственной страны я полностью принимаю решение Штресслинга: смерть им!

Сквозь какую-то дымку я вижу, как солдаты тащат окровавленный труп. Спрашиваю себя: не изменился ли я? Легкость убийств, ежедневное присутствие смерти, должно быть, оказывают глубокое воздействие на сознание человека.

Штресслинг сейчас в бешенстве. Он продолжает допрос.

Его злоба в связи с невозможностью выбить у красных признания, видимо, десятикратно усиливается еще и оттого, что все партизаны, хотя и явно запуганные, полны решимости, стиснув зубы, не произнести ни слова.

Между тем лесной пожар приобретает угрожающий масштаб. Вокруг нас среди множества искр падают горящие деревянные щепки, разносимые ветром.

Полковник нервничает. Приняв решение, он подходит к Штресслингу.

– Железная дорога может быть блокирована огнем в любую минуту, майор! Ждать больше нельзя. Мы стоим здесь уже более двух часов. В любое время может подойти военный эшелон или поезд с боеприпасами. Несколько таких эшелонов были готовы к отбытию, когда мы покидали Пролетарскую. Вы сможете продолжить свой… допрос позже.

Штресслинг резко поворачивается к нему с выражением непреклонности в лице.

– У меня строгие приказы, полковник. Кажется, я довел их суть до вашего сведения. Террористов следует допрашивать, где только возможно, и… казнить в местах преступлений.

Устанавливается неловкое молчание, затем майор резко завершает разговор:

– Должен попросить вас немного… потерпеть, полковник.

Командир полка поворачивается на каблуках, не произнеся ни слова.

Майор определенно добился своего. Теперь никто не может сомневаться, что он получает приказы прямо из штаб-квартиры СС в Шарлоттенбурге. Веселый светловолосый майор входит, вероятно, в состав штаба Брандта. (Рудольф Брандт, адъютант Гиммлера, штандартенфюрер СС. Командовал «айнзатцгруппами». Это были мобильные подразделения, придаваемые каждому армейскому корпусу вермахта. Офицеры «айнзатцгруппы» имели фактически неограниченную власть даже над вышестоящими офицерами СС или вермахта. – *Ред.*)

Лесной пожар усиливается. Штресслинг с опаской посматривает в сторону деревьев, затем оглядывается, словно ищет кого-то.

Из строя выходит унтер и отдает честь.

– Фаллест, я видел твою отличную работу чуть раньше, – рычит Штресслинг.

На его лице мелькает ироническая усмешка, но быстро исчезает.

– Веди сюда своих солдат, – резко приказывает майор. – С оснащением. И побыстрей, Фаллест!

В одно мгновение появляется взвод огнеметов. Солдаты бросают удивленные взгляды.

– Цилиндры заряжены? – В ответ на утвердительный кивок унтера майор говорит: – Испытай один из них, Фаллест. Эти чертовы мужики, должно быть, замерзли, сидя задницами на снегу.

Фаллест пристально на него смотрит, не понимая. Штресслинг, не утруждая себя объяснениями, подает знак солдату, стоящему напротив.

– Приведи сюда одного из этих свиней. У них нужно отбить охоту стрелять в нас. Им будет весело.

Он вдруг замечает солдат, которые с особым интересом смотрят в сторону двух полуголых женщин, лежащих на снегу.

– Эй, блудливые псы! – кричит майор. – Это вам не бордель. Марш отсюда к чертовой матери!

Солдаты расходятся, но почти сразу останавливаются и возвращаются назад. Они с любопытством ожидают момента, когда русские будут умирать.

Солдат выводит одного из пленных на свет. Пленный в полубессознательном состоянии. Его тащат под луч прожектора.

– Он определенно хочет согреться, – говорит Штресслинг. – Разбудите его!

Эсэсовцы становятся на колени и натирают лицо партизана снегом. Тело русского сотрясается крупной дрожью. Он лежал на снегу более получаса. Кажется, это добило его без помощи офицера СС.

Тот снова задает вопросы:

– Кто ваши начальники?

Пленный открывает глаза. Видимо, хочет что-то сказать. Но затем снова падает на землю в полном изнеможении. Только глаза выдают какое-то подобие жизни. Но в них столько непреклонности, что Штресслинг понимает безнадежность попыток получить ответ.

Он подзывает эсэсовца из взвода огнеметов.

– Покончим с этим. Мы достаточно долго с ним повозились.

Нижняя губа майора искривляется в некоей пародии улыбки.

– Он свое получил. Не важно как. Но он должен послужить примером для других.

Фаллест поворачивается к нему.

– Но, господин майор… это… это невозможно! Мне казалось, что до сих пор все делалось лишь для их устрашения.

– Что ты имеешь в виду под «устрашением»? – рявкает Штресслинг. – Что за чертовщина! Оглянись вокруг! Вот-вот загорится поезд, и мы вместе с ним, если будем зря тратить время. Либо они заговорят, либо подохнут. И поскольку они все равно погибнут каким-то образом, надо использовать все средства, чтобы заставить их говорить!

Майор шагает к унтер-фельдфебелю с выражением лица, перекошенным от злобы.

– Довольно, шарфюрер! За нами пять, десять, тридцать поездов. И все едут на север. Если мы не используем сейчас любое средство, чтобы заставить этих ублюдков заговорить – любое средство, понимаешь? – они будут продолжать устраивать засады нашим людям. И либо задерживать, либо вовсе останавливать наши поезда. Именно этого хотят их чертовы начальники, шарфюрер! – Внезапно успокоившись, он добавляет: – Часы, которые мы проводим здесь, едва ли потрачены зря, мы ведь обеспечиваем безопасность поездов, едущих на помощь нашим окруженным товарищам. – Став снова злобным и язвительным, он заключает: – Кончай с ним, Фаллест. И быстрее!

Командир взвода огнеметов выглядит ошеломленным. Однако вызывает одного из солдат, который выходит из строя с очень бледным лицом.

– Погоди, – вмешивается Штресслинг. Он снова обращается к

партизану: – Все еще будешь молчать?

Глаза русского закрыты. Невозможно определить, понял он вопрос или нет.

Майор СС с удивительным хладнокровием и спокойствием командует:

– Кончай с ним.

Солдат из взвода огнеметов делает несколько шагов назад.

Он скомандовал двоим эсэсовцам, стерегущим пленного, освободить место.

Со стиснутыми зубами и напряженным взглядом он взваливает за спину металлический цилиндр. Смотрит на Штресслинга. Наконец решается. Клапан давления, видимо, регулирует зажигательную смесь автоматически.

Выскакивает струя огня, сопровождаемая грохотом огнемета.

Кошмар.

Сцена длится лишь несколько секунд, но воспринимается с предельным ужасом.

Второй раз за два часа я наблюдаю человека, сгоревшего живьем.

Сначала русский дико кричал нечеловеческим голосом и конвульсивно извивался, неистово царапая пальцами землю.

Его горевшее тело ужасно скрючилось. Растопленный жир разлился широкими лоснящимися участками, которые воспламенялись, в свою очередь, маленькими фиолетовыми язычками пламени.

По знаку Штресслинга эсэсовец с мертвенно-бледным лицом прервал струю пламени.

Некоторое время жертва продолжала извиваться там, где растаявший снег обнажил черную землю, корчась в предсмертной агонии.

Его последним движением было поднятие руки к обуглившемуся лицу, на котором выгорела вся плоть. Затем тело выгнулось дугой и рухнуло на землю.

Конец.

Запах горелой плоти был настолько отвратителен, что я боялся, как бы у меня не началась рвота.

Я отвернулся, пытаясь стереть из памяти эту чудовищную сцену.

В нескольких метрах поодаль стоят под лучами прожектора партизаны, оцепеневшие от лицезрения сцены Дантова ада, которая только что разыгралась перед их глазами.

Один из них опустился на колени в снег. Он громко плачет, воздев руки к небу.

Одна из женщин вдруг вскакивает с пронзительным криком,

словно безумная. Два солдата бросаются, чтобы утихомирить ее. Подруга этой женщины тоже бьется в истерике и бросается на солдат, работая ногтями, как когтями. Ее приходится оттащить от эсэсовца с оцарапанным лицом.

Что касается Штресслинга, то он наблюдает с сардонической усмешкой, как пленных пинают ногами, стремясь уложить на место.

– Хватит! – кричит он. – Мы потратили слишком много времени.

С руками за спиной он ходит перед шеренгой партизан, оглядывая каждого из них сверху донизу.

Затем поворачивается к эсэсовцу:

– Пулеметы! Надо кончать с этим сбродом!

Поворачивается на каблуках и уходит в направлении паровоза.

Теперь в огне весь лес. Нам повезло, что ветер дует в противоположном от нас направлении. Тем не менее пора уезжать. В нескольких метрах от железной дороги уже падают деревья в окружении множества искр.

Несколько длинных очередей. Раздается полдесятка выстрелов из пистолета. Затем тишина.

Партизаны заплатили долг. С процентами.

Унтер бежит вдоль поезда. Мы отбываем.

Погибшего машиниста и кочегара, видимо, заменили солдаты, понимающие толк в паровозном деле.

Карл пропал после того, как уничтожили огнеметом партизана. Возможно, вернулся в передний вагон.

Я карабкаюсь в товарняк, куда положили тело Франца. Озираюсь вокруг в поисках трупа и наконец нахожу его в углу.

Моя рука касается застывшего лица. Отвердевшего.

Я содрогаюсь.

Бедняга Франц. Вот все, что от него осталось.

Ужас и негодование.

Поезд медленно отходит.

4 декабря. Сейчас Франц покоится на маленьком кладбище затерявшейся деревушки среди нескончаемых лесов долины реки Куберле.

Лежит в русской земле, которую так ненавидел.

Может, никто не потревожит его сон.

Воспользовавшись полудневной остановкой, я попросил у полковника разрешения похоронить Франца. Полковника чрезвычайно удивило то, что тело младшего лейтенанта 3-й роты все еще в поезде. Но он вошел в положение и дал согласие на

похороны.

Мы не хотели хоронить друга прямо в земле и потратили немало времени на поиски гроба. Но его не нашлось во всей деревне.

Пришлось сбить гроб из двух ящиков для минометных мин.

С дрожью уложили тело в гроб.

Отнесли его к глубокой яме, вырытой среди сосен.

За ящиком, задрапированным флагом со свастикой, позаимствованным в одном танке, медленно шли Карл, Михаэль и я.

Три его товарища.

Когда заполнили яму землей, соорудили над небольшим холмиком «мемориальную крышу». (Эсэсовцы редко ставили кресты над могилами своих погибших соратников. Обычно памятником служила деревянная доска высотой около полуметра, выкрашенная в белый цвет. Выступавшая из земли часть доски составляла крышу. В центре «мемориальной крыши» помещался черный мальтийский крест, под которым писали имя, возраст и дату гибели эсэсовца. – *Ред.*) Ее поспешно вырезал Карл этим утром.

Со слезами на глазах мы отдали ему честь в последний раз.

Когда-то у меня был товарищ,
Но вот полетела пуля в нашу сторону…
Предназначалась она ему или мне?..
У меня когда-то был товарищ.
Сейчас он мертв.

Глава 13
ДОРОГА НА СТАЛИНГРАД

10 декабря. С самого рассвета дивизии фон Манштейна наступают из района Котельниково (контрнаступление немцев началось 13 декабря. – *Ред.*). Ведется большое наступление в сторону Волги с целью выручки наших войск, окруженных в Сталинграде.

Наступление началось в пять утра мощной артподготовкой, разгромившей позиции красных. Через два часа глубина обстрела увеличилась. Почти тысяча (преувеличение – поначалу менее 300, затем подтягивались новые силы, всего до 650 танков и штурмовых орудий. – *Ред.*) тяжелых танков (средних и легких. – *Ред.*) двинулась в наступление вдоль железной дороги на Гремячий и дальше в направлении Сталинграда.

Острием наступления был «Викинг». (Наступали здесь 6-я и 23-я танковые дивизии немцев, позже также 17-я танковая дивизия. Дивизия «Викинг» действовала на вспомогательном направлении. – *Ред.*) В данное время мы встречаем относительно слабое сопротивление войск Малиновского. (2-я гвардейская армия Малиновского вступила в бой позже, до ее подхода здесь оборонялась 51-я армия. – *Ред.*)

Нам приказано захватить и удерживать плацдарм на реке Аксай, притоке Дона, до подхода главных сил.

14 декабря. В течение последних нескольких дней мы наступали в районе Дона, несмотря на фанатичное сопротивление красных и губительный огонь их самоходных орудий. Сейчас остается всего 60 километров до Сталинграда.

Вчера вечером, ожидая приказа на наступление, я размышлял над проблемой нашего внезапного ухода с Кавказа.

После колоссальных усилий, которые приблизили нас почти к берегам Каспия, Верховное главнокомандование в Восточной Пруссии вдруг решило оставить почти весь Кавказ.

Очаги упорного сопротивления русских близ Грозного и Орджоникидзе, а также тяжелые бои наших войск в этих районах не были достаточным основанием для нашего внезапного отступления.

Скорее всего, Верховное главнокомандование сочло более важным и неотложным бросить южные дивизии на помощь армиям Паулюса, чем захватывать нефтяные скважины.

Несомненно, драматичные события в Сталинграде и вокруг

него явились главной причиной неожиданного резкого поворота в стратегии «Волчьего логова».

Жутово. 17 декабря. Новые немецкие скорострельные пушки «Эрликон», а также 88– и 105-миллиметровые противотанковые орудия быстро остановили контрудар русских, на острие которого были их танки Т-34 и КВ-52.

Эти монстры из стали (КВ-52) весят 52 тонны, их гусеницы шире более чем на 20 сантиметров. Они сокрушают все на своем пути. (Танки КВ-2 весом 52 тонны со 152-мм гаубицей были практически полностью потеряны в 1941 г., в дальнейшем не производились. В описываемое время использовались тяжелые танки КВ-1 с массой 42,5 тонны, вооруженные 76-мм пушкой. – *Ред.*)

Прошлой ночью шесть таких гигантов пробились к разрушенной мельнице, в которой засели часть 1-го противотанкового батальона, а также вся моя рота. Иногда нам казалось, что наша песенка спета.

У нас было всего три противотанковых ружья и несколько базук. Солдаты вдруг занервничали, запаниковали и побежали в мельницу, полагая, что она спасет их от КВ-52 (КВ-1с. – *Ред.*).

Затем монстры красных сделали поворот на 180 градусов, и мы вздохнули с облегчением.

Но облегчение было недолгим.

Просто танки отошли на короткую дистанцию, чтобы вести огонь с большей точностью. Они начали обстреливать разрушенную мельницу дьявольским количеством снарядов. Наше положение, мягко выражаясь, стало критическим.

Посыльному тем не менее удалось выбраться и позвонить на полковой КП. Через пятнадцать минут батарея самоходных 88-миллиметровых орудий и шесть 20-миллиметровых пушек «Эрликон» сумели уклониться от советского артиллерийского огня и занять позиции под прикрытием, представлявшим собой разрушенное здание и кучи строительного мусора.

Потом начался бой.

Чудовищные 155-миллиметровые орудия русских танков вели огонь бронебойными снарядами беспрерывно. Стены мельницы, которые еще стояли, рухнули, словно стены карточного домика.

Один русский танк был подбит точным попаданием снаряда из 88-миллиметровой пушки. Но с течением времени становилось ясно, что нам не удастся выиграть бой. Броня КВ-52 (КВ-1с. – *Ред.*) оказалась непробиваемой (75-мм броня КВ легко пробивалась 88-мм снарядом даже на большой дистанции. – *Ред.*).

Штаб дивизии, снова предупрежденный о нашем опасном

положении, решил послать к нам подкрепление из десяти танков T-IV.

И вовремя. Уже погибли пятнадцать солдат, включая унтера Либезиса. Ушел из жизни еще один ветеран боев от границы Галиции.

Сражение стальных гигантов продолжалось за полночь. С наступлением темноты трассирующие пули и снаряды образовали в небе подобие огненной паутины.

Впечатляющий спектакль. Грохочущие монстры мчатся прямо друг на друга с лязганьем металлических гусениц, подсвеченные колышущимся пламенем пожаров или внезапно выделяющиеся в темноте снопами искр, взлетающих над горящими домами.

Борьба титанов под оглушающее сопровождение артиллерийского и пулеметного огня внушала суеверный ужас. Раньше очень редко нам выпадала возможность видеть танковый бой с такой близкой дистанции, и к тому же ночью.

Воображение рисовало неясные картины доисторических эпох, когда происходили потрясающие, подобные этим, бои до смертельного исхода между мастодонтами под свинцовым небом и в такой вот катастрофической ситуации.

Наконец около полуночи был уничтожен последний КВ.

Однако только три немецких танка остались пригодными к бою.

18 декабря. Нам преграждают путь основные силы войск Малиновского (то есть 2-й гвардейской армии. – *Ред.*).

Неоднократные попытки продвинуться к Абганерово у красных до сих пор не принесли успеха. Почти три сотни крупнокалиберных самоходных орудий, установленных русскими дугой на фронте менее тридцати километров, обстреливают наши позиции. Кроме того, тысячи орудий подвергают беспрерывной бомбардировке весь сектор.

Большевики знают, что делают. Они стремятся всеми средствами сдержать нас у рек Дон и Сал до подхода их подкреплений, движущихся к Сталинграду и Волге.

Некоторые немецкие роты, которым удалось прорваться сквозь советский стальной пояс в районе Красноармейска, сумели соединиться с 4-й танковой армией Гота.

То, что солдаты этих рот рассказывают нам о состоянии наших войск в осажденном городе, внушает ужас.

19 декабря. Все наши атаки разбиваются о чрезвычайно плотный танковый барьер красных. Тысячи орудий русских не дают нам возможности продвигаться вперед.

Постоянно прибывают свежие немецкие дивизии в качестве подкреплений для наступающих войск. Армейские корпуса с Центрального фронта, посланные с максимальной быстротой атаковать советские позиции, соединились с воинскими частями из Керчи и Севастополя в районе станицы Нижнечирской.

Эти части – те самые полки с тяжелым артиллерийским вооружением, которые несколько месяцев назад сокрушили «стальные котлы» морской крепости. (Вокруг Севастополя русские построили стальные форты «Максим Горький», глубоко сидящие в вырубленной скальной породе, из которых торчали только огромные жерла 305-миллиметровых орудий со старых царских линкоров.) Они заставили замолчать мощные орудия фортов «Максим Горький», посылавшие двухтонные (471 кг. – *Ред.*) снаряды на дистанцию более шестнадцати (42 км. – *Ред.*) километров.)

25 декабря. Ужасный сочельник.

Утром 24 декабря, после беспрецедентного артиллерийского обстрела и мощной бомбардировки с воздуха, началась атака.

При свете мощных лучей огромных прожекторов немецкие станковые пулеметы, наши 88-миллиметровые орудия, минометы и шрапнельные снаряды полевых орудий уничтожали огромные массы живой силы русских, но остановить их было все же невозможно.

Напор этого потока, накатывавшегося неудержимо на нас из темноты, невозможно вообразить.

Когда наступил рассвет, танки красных, развернувшиеся лавиной в несколько километров по обеим сторонам от Абганерово, ринулись на нас в свою очередь.

Сотни Т-34, КВ-52 (КВ-1с. – *Ред.*), гигантских 64-тонных танков «Иосиф Сталин» (танки «Иосиф Сталин» появились позже. ИС-1 (44 тонны, пушка 85 мм) принят на вооружение в сентябре 1943 г., ИС-2 (46 тонн, пушка 122 мм) – в конце 1943 г. – *Ред.*) и американских «Шерманов» (танки М4 «Шерман» в заметных количествах появились на фронте в конце 1943 г., хотя начали поставляться в ноябре 1942 г. – *Ред.*) двинулись вперед, сокрушая все на своем пути.

Наши противотанковые орудия не могли воспрепятствовать этому движению. На каждый подбитый танк имелось пятьдесят других танков, прущих с адским грохотом, извергающих из пушек огонь, подобно свирепым драконам из азиатских мифов и легенд.

На броне каждого танка русские солдаты ожидают момента, когда можно спрыгнуть и броситься на немецкие танки.

Люди против брони. Они кидаются на Т-III, Т-IV и «Пантеры»

(танки Pz (T-V) «Пантера» появились на фронте только в 1943 г. – *Ред.*) с воплями безумцев, не обращая внимания на сотни погибших товарищей, тела которых им нужно попрать, чтобы добраться до наших танков.

Мы сражались на пределе своих возможностей.

Но сегодня атакующих было слишком много.

30 декабря. Мы слишком запоздали для спасения Сталинграда.

Город обречен. Немецкие силы поддержки были разгромлены контрнаступлением двух советских фронтов.

Наша задача состоит в прикрытии отступления наших войск в юго-западном направлении, а также саперных подразделений, которые должны были, после того как по дороге проследует арьергард, уничтожать мосты и любые действующие хозяйственные предприятия.

Партизаны беспрерывно преследуют нас, предпринимая отчаянные попытки сорвать нашу разрушительную работу.

Теперь настала наша очередь превратиться в спецподразделения, проводящие в жизнь политику «выжженной земли».

31 декабря. Грязная работа.

В районе, из которого мы уходили, имелся лагерь еврейских террористов (очевидно, просто евреев, уцелевших после массовых расстрелов. – *Ред.*), задержанных в Ростове-на-Дону и окрестностях. Их предполагалось выслать на Запад.

Кавалерийский полк, до сих пор сторживший их, тоже отступил на юго-запад.

Поэтому на нас легла задача осуществить «административный роспуск» лагеря. Это вежливое официальное определение штаба СС, и оно означает просто уничтожение заключенных. Приказ уточняет, что из-за непреодолимых трудностей с обеспечением транспорта невозможно вывезти находящихся в лагере за пределы зоны боевых действий.

В данное время там осталось около сотни узников, содержащихся небольшими группами за колючей проволокой. Они явно встревожены. И понятно почему.

В течение последних нескольких недель они видели проходившие мимо бесчисленные воинские колонны, направлявшиеся к Сталинграду. Позднее они видели, как дивизии фон Манштейна, отброшенные назад контрнаступлением красных, шли в обратном направлении по дороге в сторону озера Маныч, и снова бесконечные колонны войск проходили мимо

концлагеря.

Наконец ушел стерегший пленных 34-й кавалерийский полк, оставив их на милость СС.

И кому неизвестно, что у СС дурная репутация.

Особенно среди евреев, а также партизан.

Они слышат, что грохот их артиллерии усиливается с каждым часом. Он становится все ближе.

И они продолжают ходить взад и вперед по лагерю, не смея взглянуть или поговорить друг с другом. Иногда их взгляды останавливаются на эсэсовцах в черных касках, стоящих вдали за колючей проволокой с автоматами наготове.

Их охватывал страх.

В штабе лагеря необыкновенная активность. Жгут все значимые документы. Во время своего поспешного отступления кавалерия забыла многие из них.

Не прекращает звонить ротный телефон. Подразделения арьергарда сообщают о приближении наступающих красных час за часом.

Вижу через окно, как эсэсовцы собирают заключенных в углу лагеря, вероятно предупреждая их о срочном отбытии.

Но в углу огороженного места установлены станковые пулеметы, готовые стрелять. Узники все более и более нервничают и стараются держаться подальше от черных блестящих стволов, которые изрыгают смерть.

Грохот советской артиллерии к северу от станции Зимовники становится все ближе. Можно не сомневаться, что самым горячим желанием пленников в этот момент является остановка вермахтом наступления советских войск. Это дало бы им шанс выжить.

Так или иначе, мне удалось сесть за стол, чтобы употребить эти последние несколько минут для написания письма в Гамбург. Но отвлекает гомон голосов вокруг. Решаю отложить написание письма на другое время.

Жаркий спор происходит в группе военных, в центре которой замечаю майора Штресслинга.

Штресслинг вдруг поднимается. На его лице сардоническая ухмылка.

– Я вам докажу это! – говорит он.

Несколько офицеров вокруг качают головой. Среди них замечаю Карла и иду к нему.

– В чем дело?

– Ничего особенного! Они мусолят это почти час и не могут прийти к согласию. Штресслинг утверждает, что стоит ему только

приказать, как русские сами убьют своих товарищей в надежде спасти свои шкуры. Смешно тратить время на такие споры! Нам следовало оставить лагерь еще несколько часов назад. Русские приближаются, а группы минирования закончили свое дело еще до полудня.

– Как возник этот спор?

– Глупо. Лейтенант-сапер рассказал Штресслингу, что в кармане русского, попавшего прошлой ночью в плен, нашли листовки, которые красные разбрасывают тысячами над оккупированными территориями. В листовках перечисляются все так называемые «зверства», которые совершили эсэсовцы за последние несколько месяцев. В них содержится призыв к красноармейцам и партизанам расстреливать захваченных в бою эсэсовцев без суда.

– Ну и что?

– А то, что, по словам Штресслинга, если войска СС иногда вынуждены быть беспощадными, когда выполняют приказы о проведении карательных операций, то это делается в интересах самообороны. Мы должны оберегать германскую армию всеми средствами, находящимися в нашем распоряжении.

Карл минуту или две прохаживается взад и вперед, затем садится на край стола и поворачивается ко мне с задумчивым видом.

– Фактически в том, что он говорит, есть зерно истины. Если мы заставим группу русских изменников расстрелять других русских, то это покажет, что в определенных специфических обстоятельствах – например, когда стоит вопрос о спасении нашей собственной шкуры – все люди становятся совершенно безжалостными.

Я подхожу к нему.

– И какое замечательное пропагандистское значение будет иметь этот акт? Хотя, по сути, это просто показывает, мне кажется, что под страхом смерти человек цепляется за самую призрачную надежду, хотя бы за соломинку, и совершит самый низкий и подлый поступок, самую позорную измену, чтобы спасти свою жизнь. Хотя бы для того, чтобы еще раз увидеть восход солнца. Только люди твердых моральных принципов способны принять факт смерти, полностью сознавая, что они уходят в небытие. Полагаю, это понравится немногим людям.

– Тогда, согласно твоей теории, люди жертвуют жизнью, не сознавая в действительности, что они делают?

– Нет, я не это хотел сказать. Но утверждаю – и это только мое собственное, личное мнение, а не непререкаемая истина, – что в бою, под пытками, в моменты наивысшего страдания многие

люди, которых мы считаем героями, временно впадают в особое состояние ума. Думаю, если бы они реально и хладнокровно оценили тот факт, что их героизм ведет к тому, что они превратятся в трупы, в гниющую плоть, в падаль, – тогда, возможно, они стали бы менее склонны к героическому поведению. Или я сказал бы скорее, что мы стали бы менее героическими, поскольку, в сущности, мы все одинаковы. Мы любим разыгрывать из себя героев, может, особенно перед самими собой. Но затем всегда приходишь к мысли, что такое не случается или случается с кем-нибудь еще.

Мы прекращаем разговор. Видим в окно, как Штресслинг жестикулирует у ограждения.

Другие офицеры вышли наружу, и мы следуем за ними.

Русских ведут к пулеметам, возможно, по приказу майора. Несколько эсэсовцев быстро разъясняют, что им делать. Красные ужасно бледны. Несмотря на холод, их лбы покрывают крупные капли пота. Другие заключенные в дальнем конце двора все понимают. Некоторые из них плюют в направлении предателей с видом презрения. Поток ругательств исходит от сбившихся в кучу людей, обреченных на смерть.

Фантастика. Невозможно поверить, что часть узников можно было убедить, что добровольные экзекуторы реально поверили в то, что их пощадят в обмен на расправу с товарищами.

Шесть эсэсовцев стоят позади них с маузерами наготове. Никакой угрозы того, что русские вдруг повернут пулеметы в противоположном направлении, нет. Все же лучше исключить всякую случайность. Пробуждение совести или бросок на врага в отчаянии… В таких случаях они могли бы повернуть пулеметы. Но их сторожат эсэсовцы, и очень бдительно.

Обреченные на смерть спокойны. Большинство из них упорно продолжают сидеть на земле. Другие стоят на коленях и, видимо, молятся.

Постепенно их сгоняют в угол двора к высокой полуразрушенной стене. Они в отчаянии озираются вокруг, как звери в западне. Но ничего сделать нельзя, не стоит даже пытаться.

Я понимаю вдруг, почему Штресслинг так долго медлил с приказом открыть огонь.

К воротам лагеря согнали население деревушки. Солдаты теперь расставляют ее жителей вокруг колючей проволоки так, чтобы они не пропустили ни малейшей подробности из спектакля, который для них устраивают. Глаза людей широко раскрыты от ужаса. Крестьяне переводят взгляды от пулеметов к пленным и снова к пулеметам.

Грохот советской тяжелой артиллерии к северо-востоку от реки Куберле становится громче. Русские танки мчатся по грязи на полной скорости, стремясь настигнуть тяжеловесные колонны нашей артиллерии, тоже отступающей вместе со всеми войсками. По меньшей мере неразумно тратить драгоценное время на циничные и совершенно бесцельные представления, когда авангард русских в нескольких часах пути.

Резкий свисток прорезает холодный воздух.

Эсэсовцы приставляют дула своих маузеров к шеям русских, и все шесть пулеметов разом начинают дробно выстукивать свои очереди.

Бойня удивительно скоротечна.

Грохот пулеметов заглушает вопли от ужаса и боли узников по мере того, как они падают один на другого, сраженные пулями.

Когда все заканчивается, наши солдаты заменяют у пулеметов предателей-экзекуторов. Около десяти эсэсовцев выходят и завершают операцию. Пиная тела ногами, они добивают умирающих выстрелами в голову. Кровавая работа завершается в десять минут.

Выступает вперед Штресслинг и отдает короткое приказание:

– Теперь выбросьте этот сброд отсюда, всех шестерых.

Я с трудом могу поверить услышанному. Кажется невероятным, чтобы майор действительно решил их отпустить.

Но я недооценивал его.

Ворота лагеря открываются, и я внезапно понимаю, в чем дело.

Жители деревни, наблюдавшие драму, видели, как шесть предателей убивали своих товарищей. У майора были свои основания пригнать крестьян к лагерю.

Как только освобожденные пленники оказались за воротами, их соотечественники набросились на них. С криками, оскорблениями, искаженными лицами, одержимыми яростью, они начали избивать бывших узников чем попало – камнями, палками, железными прутами.

Уже через минуту двое из «освобожденных людей» представляют собой не что иное, как изувеченные, кровоточащие тела, трупы, которые крестьяне продолжают бить в своей бешеной злобе.

Предатели заплатили свой долг.

Штресслинг со странной улыбкой чувствует себя вполне удовлетворенным.

10 февраля 1943 года. Теперь мы удерживаем те же позиции,

которые занимали прошлым летом, – по реке Кальмиус (видимо, Миус. – *Ред.*) вплоть до Николаевки близ устья реки, впадающей в Таганрогский залив.

Нет смысла подробно обсуждать обстоятельства, вынудившие немецкое Верховное главнокомандование отдать приказ об отступлении в юго-западном направлении.

В сражении за удержание рубежа на Дону погибло 400 тысяч немцев.

И рубеж не был удержан.

Коммюнике из Ортельсбурга и сообщения с Вильгельм-плац, 7 (адрес министерства пропаганды в Берлине) утверждают, что наше закрепление на дальнем краю Донского края (то есть на Миусе западнее устья Дона. – *Ред.*) оправдано стратегическими соображениями. Говорят, исключительно потому, что это позволяет отражать атаки русских в более выгодном положении.

Но, возможно, Верховное командование в Восточной Пруссии считает также целесообразным, чтобы мы пережили зиму на позициях, укрепленных с прошлого года и проще обороняемых.

Однако тревожит по меньшей мере то, что слово «оборона» встречается в коммюнике все чаще и чаще.

12 февраля. Сегодня мы узнали, что Сталинград пал.

2 февраля Паулюс, за сорок восемь часов до этого назначенный по радио фельдмаршалом рейха, подписал капитуляцию германских войск в присутствии Жукова и маршала артиллерии Воронова. (Паулюс сдался 31 января. Однако отдать приказ о прекращении сопротивления еще сражавшейся северной группировке своих войск не захотел, ссылаясь на то, что он в плену. Тогда сопротивление еще державшихся немцев было сломлено силой оружия. – *Ред.*)

Около двадцати генералов, включая штаб Паулюса – фон Даниэльс, Шлёмер, Ринольди и фон Дреббер, – сдались советским войскам.

Многие говорят, что повышение фюрером Паулюса в звании до фельдмаршала было отчаянной мерой, поскольку Гитлер полагал, что командующий 6-й армией скорее пустит себе пулю в лоб – что он поначалу намеревался сделать, – чем окажется в руках русских.

Я вспомнил свой разговор с Карлом в декабре. Да, немало примеров, подтверждающих его точку зрения. Героизм – одно дело, смерть – совсем другое.

Этим утром по радио передавали церемонию, происходившую в Берлине в память сотен тысяч немецких солдат, павших в районе Сталинграда. В столице звенели колокола церквей. Флаги

были приспущены. Жизнь в городе замерла. На улицах плакали.

Народ начинает осознавать, что такое война.

16 февраля. Харьков покорился силам генерала Голикова (Воронежский фронт. – *Ред.*). Город оставили как раз накануне взятия его в клещи ударами с севера и юго-востока.

Наступление красных развивается по зловещему шаблону. В течение одного месяца большевики отодвинули фронт назад более чем на 250 километров.

20 февраля. Мы снова наступаем.

Молниеносное наступление, напоминающее славные дни прошлого июля, начато от Сталино в направлении на север, к Харькову.

Противостоящие нам войска генерала Попова, измотанные своим быстрым наступлением, рассредоточились на слишком широком фронте. Это дало возможность танковым дивизиям прорвать их рубежи в нескольких пунктах.

15 (16. – *Ред.*) марта. Харьков снова взят.

Взят войсками армии Власова, которые шли перед немецкими частями. Эти люди сражаются свирепо, как тигры, как против России, так и за нее. (Город был взят немцами в результате тяжелых боев, в которых эсэсовские дивизии понесли большие потери. О власовцах здесь не упоминается ни в одних серьезных мемуарах. – *Ред.*) Поразительно! Только в данном случае нельзя приписать это «любви к родной земле», которая, как говорят, придает им такую смелость и делает их такими воинственными.

Здесь требуется дифференцированный подход. Поэтому власовские офицеры повторяют солдатам утром, днем и вечером, что они должны избавиться от большевиков, чтобы завоевать себе позднее Россию, свободную от угнетения. Таким образом, они получают удовлетворение от сражения за свою страну!

Стоит дорого заплатить, чтобы увидеть казаков из Ергени, галопирующих строем в немецкой форме, размахивающих своими ружьями и орущих.

Глава 14
В ОТПУСКЕ

28 апреля. Уже несколько часов мой пропуск аккуратно хранится в бумажнике. Но я не смею и подумать об этом.

Восемнадцать дней отпуска.

Включая долгие поездки в оба конца. Это означает пребывание почти три недели вдали от Донецкого бассейна.

Хочется кричать от радости. Это мой первый отпуск с начала войны. Но я не надеялся получить его нынешней весной. Знаю офицеров танковых дивизий, которые прибыли на Восточный фронт прямо из Греции в 1941 году и с тех пор не видели родной дом в Германии.

Карл побледнел, когда я сообщил ему новость о своем отпуске. Ему так хотелось тоже съездить домой. Я был бы рад, если бы он составил мне компанию.

Он передал мне необъятный список вещей, которые я должен был привезти из Гамбурга обратно, попросил навестить его родителей, если будет время.

29 апреля.

– До встречи, Нойман!

Грузовик, везущий нас в Мариуполь, медленно отъезжает. Сквозь кружево сосновых ветвей сбоку от дороги виднеются голубые воды залива, куда впадает Миус (Миусский лиман. – *Ред.*), затем воды широкого Таганрогского залива.

Напротив нас, на дальнем берегу, портовые сооружения Ейска, слабо различимые в легком мареве. В 1942 году организация Тодта восстановила порт. Но теперь там снова русские.

Через два часа въезжаем в Мариуполь.

Ярко светит солнце, и весь город сверкает – красные крыши, белые стены, разноцветные ставни.

Мариуполь сильно пострадал от бомбежек, от бесконечных атак и контратак. Однако жителям удалось прикрыть разрушения и сделать свой город весьма живописным.

Повсюду уличные торговцы. Они кричат и жестикулируют, предлагая блестящие шелковые ткани, фрукты и кувшины местного вина.

Трудно поверить, что всего в 80 километрах отсюда идет война.

30 апреля. Поезд медленно катится по железнодорожным линиям, проходящим по долине Днепра. Их перекладывали сотни раз, затем разрушали снова. Вскоре после Запорожья мы пересекаем реку.

Запорожье. Место, куда мы прибыли слишком поздно, чтобы предотвратить разрушение гигантской плотины. Сколько наших товарищей лежат под хвойными деревьями на маленьких кладбищах, которые покрывают берега Днепра!

Поезд набит отпускниками, и они орут в открытые окна.

Я провел некоторое время в беседах с лейтенантом-артиллеристом, который рассказывал мне об осаде Ленинграда прошлой зимой.

Город находится в кольце окружения (в блокаде – по Ладожскому озеру снабжение Ленинграда сохранялось. – *Ред.*) с сентября 1941 года, тем не менее русские еще не сдались. С севера Карельский перешеек блокируют финские войска Маннергейма. Несколько месяцев армии фельдмаршала Лееба (командовал группой армий «Север» до 16 января 1942 г., когда был отправлен в отставку. – *Ред.*) и полицейская дивизия СС (с февраля 1943 г. 4-я полицейская моторизованная дивизия СС. – *Ред.*) безуспешно штурмовали оборонительные позиции красных.

Прошлой зимой русские построили менее чем за два месяца железную дорогу, чтобы облегчить свои проблемы снабжения. Эта дорога огибает северные подступы к занятой немцами крепости Шлиссельбург.

Дорога имеет одну особенность, делающую ее уникальной.

Она построена по льду Ладожского озера. (Автор напутал – дорога по льду Ладожского озера была автомобильной. – *Ред.*)

К огорчению наших артиллеристов, лед продолжает держаться зимой, несмотря на практически ежедневные обстрелы. Только весной, когда лед растаял, дорога пришла в негодность, и русские были вынуждены прервать движение по ней.

Лейтенант рассказывал, что с немецких позиций на Пулковских высотах город можно видеть через полевые бинокли вполне отчетливо. Просматривается движение на улицах Ленинграда, и даже видны баррикады, выстроенные вокруг опрокинутых трамвайных вагонов.

2 мая. Житомир, Люблин, Варшава, Берлин и, наконец, берега Хафеля.

Я набираю легкими воздух Германии большими порциями, а с ним запах лесов моего детства и особенно аромат тех небольших голубых озер, которые выглядят изумрудными среди темных хвойных деревьев.

Все, что должно быть тем же самым, остается им, но каким-то образом кажется до странности другим. Словно все эти дороги, все эти тропы, по которым я много раз ездил на велосипеде, стали теперь какими-то нереальными, превратились в сновидения.

Если не изменились сами мои глаза.

До поездки в Гамбург я решил остановиться в Виттенберге, где надо было навестить родителей Франца.

Выбравшись из автобуса, заметил нескольких знакомых мне лиц. Но я не помнил их имен. Люди оборачивались и с любопытством смотрели на меня.

Слышал, как они говорили:

– Вы знаете, это младший Нойман! Теперь он офицер СС. Да, я говорил уже об этом…

Виттенберге бомбили американцы. Фасад ратуши был совершенно разрушен. В стеклянной крыше пассажа не осталось ни одного целого стекла.

Вскоре я подошел к дому Франца.

Мое сердце екнуло. Представил в воображении, как он открывает окно, что всегда делал, когда я, бывало, свистел с улицы, и кричит бодрым голосом: «Привет. Сейчас спущусь!»

Больше он не выглянет из окна.

Звоню. Дверь открывает его мать. Ее пугает мое появление.

– Герр Нойман! Петер! Входите, входите, дорогой мой!

Она сильно изменилась. Темные мешки и морщины под глазами делают ее старухой.

Пытаюсь улыбнуться.

– Здравствуйте, фрау Хаттеншвиллер. Решил заглянуть к вам по пути домой. Хотел сказать вам…

Сдавленное всхлипывание. Она берет мою руку и усаживает меня на стул.

– Как это произошло? То есть как он погиб?

– Храбро. Как настоящий немец. С большим мужеством. Просил поцеловать вас и отца.

Не совсем верно, но мне показалось, что это утешит несчастную женщину. Она тихонько плачет, ее плечи сотрясают рыдания.

Она со слезами смотрит на меня.

– Где его похоронили? Или моего бедного мальчика не хоронили вовсе?

– Нет. Я смог уберечь его от кремации. Он лежит в одном месте на равнине у Маныча. Мы с Карлом позаботились… о его захоронении. Может, после войны вы вернете его сюда.

Я не мог заставить себя сказать «вернете его *тело* сюда».

Ее голос дрожит.

– А местность, где он лежит? Они заняли ее снова? Неужели эти дикари топчут моего Франца своими сапогами?

Она бросается на стол, неудержимо рыдая.

У меня больше нет сил ни оставаться здесь, ни ожидать прихода отца Франца. Поднимаюсь. Если останусь, она вынудит меня тоже заплакать. Это будет слишком. Эсэсовец, по щекам которого текут слезы.

– Мне нужно идти, фрау Хаттеншвиллер. Поезд уходит через полчаса.

Еще одна ложь. Но я не могу сидеть и наблюдать, как плачет женщина. Гадаю, вдруг она знает, что именно я уговорил Франца вступить в СС.

В некотором замешательстве иду по дороге на вокзал. Здесь, во всяком случае, мне больше нечего делать. Родители Карла уехали отсюда в начале войны, а с отцом Михаэля я не хочу встречаться.

3 мая. Я увидел Гамбург сильно разрушенным британскими бомбардировщиками.

Половина зданий на улицах вокруг доков просто руины. В промышленном районе Вильгельмсбург большинство заводов разрушено. Старый квартал Санкт-Паули и районы вдоль Эльбы также неоднократно подвергались бомбардировкам британской авиации.

Почти всюду я видел нескончаемые потоки беженцев. Несчастные существа часами выстаивали очереди за супом к полевым кухням, которые, очевидно, работают на открытом воздухе день и ночь.

Странный прием дома.

Когда я пришел, отец рассеянно обнял меня, несмотря на мое отсутствие дома более двух лет. Затем он покачал головой и начал набивать свою старую трубку.

– Ты изменился, мой мальчик! Офицер, да? Надо полагать, что мне нужно гордиться тобой. Сам я с трудом дослужился до обер-ефрейтора. Но это было под Верденом. Тогда война была другой. Это была солдатская война, так вот. В те дни не было гестапо. И самолетов, убивающих мирных граждан!

Он сел.

– И СС не было тоже.

Отец устроился в кресле поудобнее и взглянул на меня.

– Н-да, что там происходит? Говорят, русские гонят вас назад за свою границу.

Он уставился взглядом в пол.

– Конечно, нам об этом не говорят в новостных передачах. Хорошо, что всегда можно послушать британское радио.

– Ты слушаешь английское радио?

– Да, слушаю, мой мальчик. Почему бы не слушать? Неужели нам нужно довольствоваться вздором, который несет Гиммлер и этот малыш Геббельс? (У населения Германии были изъяты радиоприемники, позволяющие слушать радиопередачи английского и другого зарубежного радио, поэтому такие действия были опасными. – *Ред.*)

Он показался мне вдруг человеком, заслуживающим только презрения. Но я вполне спокойно спросил:

– И много людей слушают передачи из Лондона?

– Зачем мне об этом знать и беспокоиться? Такие вещи не обсуждаются с соседями. У этих парней из государственной полиции чуткие уши, они всегда рядом!

Отец выглядит крайне озлобленным. Он не забыл своего заключения. И явно ненавидит режим. СС тоже не пользуется его расположением. Помню, когда я уезжал в Бад-Тёльц, он приводил все возможные аргументы, чтобы отговорить меня. Он никогда не забудет недобрую услугу, оказанную ему зятем и допросы в отделении СС Виттенберге в 1938 году.

Мама говорит, что часто навещает Лену с мужем, но тайком. У них прекрасный мальчик, которого отец не захотел видеть. Он даже запретил упоминать имена сестриной семьи.

9 мая. В результате хождения по городу и выслушивания рассказов о человеческих бедах я прихожу к выводу, что дела на внутреннем фронте идут неважно.

Ограничения становятся все более и более невыносимыми. Норма выдачи мяса минимальна. Хлеб отпускается на граммы. Картофель не достать. Прошлой зимой его можно было найти, но по непомерным ценам. Гестапо хватало всех спекулянтов, которые наживались на черном рынке, и бросило многих из них в концентрационный лагерь Ораниенбурга.

Хорошо, что я захватил с собой всю кипу неиспользованных талонов на питание. Шарфюрер выдал мне около двадцати листов перед отбытием из Мариуполя. Это временное благополучие, но, по крайней мере, мы можем есть столько, сколько хотим. Во всяком случае, пока я нахожусь в отпуске.

16 мая. Клаус настоял на том, чтобы я представился главе его отделения гитлерюгенда. Мы провели день в молодежном лагере Линтцельт в Люнебургской пустоши.

Вокруг меня собрались ребята, внимая каждому моему слову. Я реально почувствовал, что обязан стать воплощением германского героизма.

Пришлось рассказывать им о жизни на фронте, о битве за Кавказ и броске с целью захвата нефтяных скважин, объяснять стратегию наступления и контрнаступления.

19 мая. Роясь в шкафу в поисках одной-двух вещичек, которые хотелось бы забрать с собой, я наткнулся на оловянную коробку и рассеянно открыл ее.

В ней хранилось семь писем от Бригитты. Все они были написаны в период между июлем и декабрем 1941 года.

«Петер, любимый. Молю тебя, пожалуйста, ответь на мое письмо. Почему ты молчишь?»

«Мой Петер, что с тобой случилось? Как ты можешь быть столь жестокосердным?»

«Любовь моя, если нам больше не суждено увидеться, то напиши. Объяснись!»

В последнем письме говорилось: «Моя несчастная любовь, понимаю и больше не буду тебе докучать. Надеюсь, ты будешь счастлив».

Я пошел поговорить с мамой на кухню, где она мыла посуду. Не говоря ни слова, показал ей письма.

Она побледнела и промямлила:

– Петер! Письма пришли, когда тебя не было. Я не хотела пересылать их тебе на фронт. Прости, дорогой.

– Но почему ты не сказала о них, когда я находился здесь?

Она взглянула на меня. Ее губы дрожали.

– Трудно объяснить, Петер! Понимаешь, она приезжала в Виттенберге повидаться с тобой. Я объяснила, что ты вступил в СС. Тогда она взяла с меня обещание не говорить тебе о ее посещении. Ушла в слезах.

– Но зачем? Почему?

– На ней была желтая звезда, Петер!

– Желтая звезда? Значит, она еврейка?

– Да, Петер.

20 мая. Мне нужно увидеть Бригитту снова.

Всю ночь я думал над тем, как найти ее. Последние письма были отправлены из Мюнхена. Может, мне удастся застать ее в Пазинге (в западной части Мюнхена. – *Ред.*), где она проживала с тетей.

В девять утра у меня созрело решение.

Свой отъезд я оправдал перед мамой первым пришедшим на

ум предлогом. Сказал, что еду посетить родителей Карла в Хайнихе, и вышел из дому. Не знаю, поверила ли она мне.

На вокзале в Кирхаллее сел на экспресс, отбывающий в Мюнхен в 10.15.

Прибыл в город незадолго до полуночи.

Судя по суждениям, высказанным постоянными пассажирами поезда, нам повезло приехать в Баварию без задержки. Обычно воздушные тревоги и британские бомбардировщики вынуждают поезда делать остановки. Иногда повреждения от бомбежки получают паровозы, и тогда пассажирам приходится ждать часами, когда подгонят новый локомотив.

Я вышел на привокзальную площадь, прикидывая, как буду проводить остаток ночи. Появляться в такой час в Пазинге, очевидно, было нельзя.

Город находился в затемнении, в трех шагах ничего не было видно. Видимо, таковы требования гражданской обороны.

Вспомнил вдруг пивной зал на Карлсплац, который когда-то закрывался поздно. Этот или другой…

Стал спускаться к Прильмайерштрассе.

Перейдя Карлсплац, я пошел по Нойхаузерштрассе. Кафе «Шварцензон» располагается на этой улице. Уже можно слышать мощный ритм баварского или тирольского оркестра.

Распахнул дверь и вошел в кафе.

Сквозь толстую пелену дыма смутно различаю официантов, суетливо снующих с места на место с заставленными подносами. Кажется невероятным, что они могут проносить подносы из одного конца зала в другой, ничего не расплескав.

Почти все столики были заняты военнослужащими сухопутных войск или люфтваффе, оставалось несколько свободных мест.

Занял столик рядом с кассой и заказал официанту темного пльзеньского пива. Тот немедленно его доставил.

Как я догадался перед входом, это был тирольский оркестр, пытавшийся заглушить разговоры клиентов.

Через четверть часа я почувствовал усталость. Шум и дым действовали на нервы.

– К вам можно присесть, лейтенант?

Передо мной стояли два офицера в черных мундирах со значками «Тотенкопф». (Спецподразделения «Мертвая голова», используемые в целях уничтожения узников и несения караульной службы в концентрационных лагерях.) Я не заметил, как они вошли.

– Пожалуйста, со мной никого нет.

Они носили нашивки унтер-офицерского состава. Явно

служили в Мюнхене. Но я спросил их об этом. Просто для проформы.

– Нет, мы служим в концентрационном лагере недалеко отсюда. Это место называется Дахау, примерно в двадцати километрах от Мюнхена.

Мне приходилось слышать об этом лагере, и я знал о его дурной репутации. Не завидую унтерам, занимающимся караульной службой в лагере. Обычно эсэсовцы, получившие тяжелые ранения на фронте, после лечения командировались в лагеря Гиммлера. Кроме того, служить в подразделения «Тотенкопф» направлялись военные чины, склонные к садизму, бывшие командиры СА.

Я спросил:

– Много людей содержится в вашем лагере?

Тот из унтеров, что моложе, улыбнулся:

– Мы стремимся поддерживать их численность на возможно низком уровне. Но заключенные все прибывают и прибывают со всей Европы. Особенно из Польши, Судетской области и Франции. Много евреев. Если бы разместить их всех, не хватило бы и всего Мюнхена. Поэтому у нас есть специальное помещение.

– Понимаю… для уничтожения?

Его улыбка внезапно затвердела.

– Верно, лейтенант. Мы уничтожаем… – Он издевательски осклабился.

– Как?

Унтер постарше угрюмо ответил:

– Лучше не обсуждать этого, особенно здесь.

Я спорол глупость. Парни пришли в «Шварцензон» не для того, чтобы рассказывать о своей работе.

Невеселая эта работа. Тратить жизнь на убийства людей.

Должно быть, он почувствовал ко мне определенное доверие, когда увидел мои два Железных креста, другие боевые награды и серебряную эмблему СС, потому что продолжил:

– Мы связаны лишь с технической стороной этого, понимаете. С крематорием. К тому, как их ликвидируют, мы отношения не имеем!

Его товарищ, шарфюрер, добавил:

– Сначала применяли выхлопные газы. К газовой камере подгоняли несколько грузовиков. Они включали двигатели на несколько минут, и все. Газ подавался по трубкам в камеры. Теперь думаю, у них есть нечто более скорое и эффективное. Отравляющий газ.

– Вы когда-нибудь присутствовали на массовых экзекуциях?

Унтер вдруг почувствовал себя неловко.

– Только раз. Другого раза не хочу. Очень тяжело. У них есть специалисты по этим делам. Ужасное зрелище. Люди совершенно голые, берут с собой мыло и прочие принадлежности для мытья, думая, что идут принимать душ. За ними герметично закрываются бетонные двери, и впускается газ. Через наблюдательные глазки можно видеть, что происходит внутри. Когда узники видят струи белого пара вместо горячей воды, они все сразу понимают. Начинают пронзительно кричать и биться о двери, как безумные. По крайней мере, так рассказывали врачи и «штубендинсты» – дневальные (заключенные, ответственные за «блоки» в концентрационном лагере). Эти заключенные-дневальные обычно занимаются затем уборкой газовых камер. Трупов и всего остального.

– Затем вам приходится завершать все?

Унтер устроился более удобно на своем месте и закурил. Выпустив к потолку продолговатое облако дыма, сказал:

– Не совсем так. Сами заключенные, точнее, некоторые из них делают самую неприятную работу. – Он выпрямился. – И это, понимаете, более гигиенично, чем хоронить их. – Он взглянул в сторону оркестра, который продолжал играть, и добавил, как бы говоря сам с собой: – Нельзя допускать, чтобы нашими мертвыми телами питались мерзкие черви. Огонь очищает. Нас следует уничтожать пламенем. Огонь и свет всегда мне нравились… Вот почему нас нужно сжигать. Никогда не следует хоронить!

– Не лучше ли нам поговорить о чем-нибудь другом? – спросил молодой унтер. – Расскажите, что представляет собой Россия? – продолжил он, поворачиваясь ко мне.

Первый утренний автобус доставил меня на маленькую площадь, где мы с Бригиттой гуляли несколько раз до войны.

Утро было сырым и туманным. Это настраивало рабочий класс Пазинга на более меланхоличный лад, чем прежде.

Я пытался пройти прежним путем, но и здесь здания подвергались бомбежкам, все выглядело незнакомым.

Вошел в булочную, почувствовав аромат свежевыпеченного хлеба, только что с печки.

– Простите, не скажете, где проживает фрау Хальстед?

Женщина в молчании смерила меня взглядом. Затем сухо ответила:

– Третья улица направо до развилки. Номер тридцать или тридцать два.

Я поблагодарил ее и через некоторое время стоял перед убогим домом. На двери медная табличка с надписью: «Фрау Хальстед, портниха». Я позвонил, и в ту же секунду открылось

окно. В нем появилась старая женщина.

– Что вам надо? А, это опять вы? Ну, и в чем дело на этот раз?

Совершенно обескураженный таким приемом, я спросил:

– Можно увидеть фрейлейн Хальстед? Бригитту.

Женщина отпрянула.

– Бригитту? Минутку, я сейчас спущусь.

Через несколько мгновений она появилась у входной двери.

– Ба, это Петер Нойман! Я должна была бы узнать вас. Думала, вы один из тех полицейских. Они здесь постоянно травят нас!

Она печально улыбнулась мне.

– Мы евреи, понимаете? Моего несчастного брата и свояченицу уже взяли. Теперь они охотятся за моей племянницей… Боюсь, Германия опустилась слишком низко. Но я здесь только болтаю и не приглашаю вас войти. Бригитта пока спит, но она так обрадуется. Я уверена в этом. Она много рассказывала о вас. Входите, входите!

После этого я понял причину довольно своеобразного поведения женщины в пекарне. Должно быть, она тоже приняла меня за полицейского.

– Чашку кофе? Он не очень хорош, но согревает. Ну что я за глупая баба! Вы ведь торопитесь увидеть Бригитту, не так ли? Поднимайтесь наверх. – Она указала на дверь верхнего этажа. – Там ее комната. – Заметив мою нерешительность, старушка добавила, качая головой: – Она мне обо всем рассказала. Бедняжка, она вас так любит.

Неожиданно дверь открылась, и появилась Бригитта, еще в пижаме. Это уже не была юная девушка. Она стала взрослой женщиной.

Ее лицо было бледным.

– Петер! Это невозможно! – выдохнула она.

Я взбежал по лестнице.

– Бригитта! Я не знал. Прочел твои письма только два дня назад.

– Не важно. Входи, Петер.

Она потянула меня за руку и захлопнула за нами дверь.

– Мы долго разговаривали с твоей мамой. Она сообщила, что ты служишь в СС. Она рассказывала что-нибудь обо мне?

– Какая разница, Бригитта?

– Но если узнают, что ты приходил сюда?

– Я в отпуске из России, Бригитта! На фронте почти два года. Думаю, повидал достаточно, чтобы знать, как с ними обращаться.

Неожиданно она бросилась ко мне в объятия.

Затем, неровно задышав, отпрянула от меня.

– Иди ко мне, Петер! Иди. Я так долго тебя ждала, – прошептала она прерывисто.

Я нежно притянул ее к себе и положил на кровать.

– Петер, любимый…

– Ты живешь одна с тетей? Что случилось с твоими родителями?

Мы уже поговорили некоторое время, но сейчас ее лицо ожесточилось.

– Моими родителями? Это длинная история. Однажды, в июле 1941 года, пришли допрашивать моего отца. Это были люди из гестапо, группа Б. (IV B – поиск противников режима и репрессии против них среди деятелей католической и протестантской церквей, религиозных сект, евреев, франкмасонов. Одна из пяти подгрупп этой группы, подгруппа IV B4 под руководством Адольфа Эйхмана, занималась «окончательным решением» еврейского вопроса. – *Ред.*) Сказали, что отец сфальсифицировал свое удостоверение. Что было правдой, как оказалось. Наша настоящая фамилия Хальстедюш. Мой дед поляк. Тетя, сестра отца, смогла до войны изменить фамилию по закону. Но отец счел, что будет проще, если он изменит ее сам. Поэтому его взяли в местное отделение гестапо и затем отправили в тюрьму. Через два месяца ему дали пятилетний срок заключения. Затем, неизвестно почему, его отправили в Ораниенбург. Сначала нам позволяли посещать его. Потом крипо (криминальная полиция) запретила нам встречаться без предупреждения и без всяких объяснений.

Она прижалась головой к моему плечу.

– Он рассказывал, что его жизнь там была сносной. Но все наши разговоры контролировали эсэсовцы в черных мундирах. Возможно, именно поэтому он так говорил и не смел сказать ничего другого.

Бригитта посмотрела мне прямо в глаза.

– Не думаю, что эсэсовцы там такие, как ты. По крайней мере, ты фронтовик. Те же просто убийцы.

Я прижал свою ладонь к ее губам.

– Тихо, Бригитта. Продолжай.

– С тех пор нам приказали носить эту ужасную желтую звезду. В нашем учреждении прежде никто не знал, что я еврейка. Я не хотела туда возвращаться. Это было бы так ужасно, так унизительно. Тебя клеймят, как животное. На улице люди оборачиваются на тебя с отвращением. Другой пыткой было посещение магазина. Тебе передают покупку на дистанции вытянутой руки, словно ты прокаженная. Наконец, мы начинали

верить, что и в самом деле прокаженные. Было ощущение удушья, пребывания в камере, где невозможно дышать. Не хотелось жить. Мама не вынесла. Она умерла в прошлом году, проклиная на смертном одре нацистов.

Она с силой оторвала голову от моего плеча.

– Я тоже проклинаю их. Потому что они убили маму. Но, может, еще больше проклинаю своих предков. Они передали нам тяжелое наследство, которое вяжет нас по рукам и ногам. Ненавижу их! Ненавижу! Если бы ты знал, Петер, какое отвращение я чувствую к ним! Я сама еврейка, но испытываю к ним одну неприязнь. По какому праву, зачем они передали нам это проклятие, этот ужасный позор? Знаешь, не думаю, что одна чувствую это. Когда евреи вместе или связаны общим интересом, они словно помогают друг другу, любят друг друга, но, мне кажется, еврей злейший враг другому еврею.

Бригитта прижалась ко мне.

– Или, может, я сошла с ума. Тетя постоянно говорит мне это. Она говорит, что я истязаю себя такими мыслями. Но ведь ты видишь, сколько страданий я вынесла. Еще в детстве у меня было одно желание: только бы люди не узнали, что я еврейка. Если бы ты знал, через что я прошла в школе. Помнишь газету Штрайхера «Штюрмер», которую требовали помещать на доску успеваемости в каждой школе или колледже? Я до сих пор вижу мальчишек, гоняющихся за нами и бросающих в нас камни. Это было страшно. Учителя же не пытались их остановить. Отчасти поэтому мы переехали, и папа попытался подделать свое удостоверение.

Ей удалось изобразить бодрую улыбку.

– Петер, милый, я достаточно поговорила об этом. Расскажи мне, как ты жил на фронте.

Последовало минутное молчание. Но прежде чем я ответил, она заговорила снова:

– Забавно. Подумать только, я спала с офицером СС. Несчастная мама так их ненавидела! Но они не такие, как мой Петер. Они – чудовища! – Она пожала плечами и надула губы. – Чудовища? На самом деле глупо так говорить. Это были полицейские или охранники. Они выполняли работу полицейских и охранников, вот и все. Нельзя осуждать человека за то, что он делает это из трусости или слабохарактерности, больше, чем тигра за свирепость или осла за упрямство! Эти люди стали такими так же, как тигры или ослы.

Я перебил ее:

– Пожалуйста, Бригитта, не надо так огорчаться. Давай поговорим о чем-нибудь другом, как ты и хотела.

– Ты совершенно прав.

Бригитта вытянулась на постели, сложила руки под головой и подняла одно колено.

– Все равно это очень странно! – шептала она задумчиво, уставившись взглядом в потолок.

Я склонился над ней.

– Бригитта, любимая!

Она нежно улыбнулась.

– Петер, ты знаешь, что я люблю тебя. Теперь скажи, когда ты вернешься в Россию? Я так боюсь, что ты снова оставишь меня одну очень надолго.

– Мне придется уехать в Гамбург сегодня вечером. Отпуск заканчивается через два дня. Но война скоро кончится, Бригитта!

Она снова прижалась ко мне.

– И что будет, когда закончится война? Думаешь, у меня остались какие-нибудь иллюзии? Ты приехал, потому что хочешь меня, полагаю. Но после войны… Знаешь, для нас, евреев, мало шансов на счастье и покой. «Для нас, евреев».

Я вдруг понял. Я любил и боялся за нее. Но как быть с другими, всеми другими? В России или где-нибудь еще. С теми людьми, к которым я не знал жалости.

Все очень странно.

Часть четвертая
НОЧЬ

Глава 15
СТОЛКНОВЕНИЕ

После ста дней спокойствия на Восточном фронте вновь разверзся ад.

5 июля 1943 года.

Это был Курск, величайшая битва всех времен (Сталинградская и Московская по масштабам, потерям и длительности превосходят Курскую битву. – *Ред.*).

Вступили в схватку друг с другом почти миллион солдат. В битве участвовали три сотни дивизий.

Сражение было ужасным.

Битву начали армии фон Клюге, атакуя по фронту шириной около 50 (40. – *Ред.*) километров. Наступление на столь узком фронте сопровождалось беспрецедентной концентрацией артиллерийского огня.

Сотня дивизий, треть из них танковых и десять моторизованных, обрушилась на позиции красных (на северном фасе у немцев было 15 пехотных, 6 танковых и одна моторизованная дивизии, на южном фасе 15 пехотных, 8 танковых и 1 моторизованная дивизии. – *Ред.*).

Но плотность огня орудий, тысячи тяжелых и средних танков, воздушные армады из тысяч самолетов и сотни тысяч русских солдат создали преграду из брони и огня, которую вермахт не смог прорвать.

На этот раз красные убедились в собственной мощи.

За два года боев они могли довести свою военную машину до совершенства. В течение двух лет страха, лишений и беспрерывной работы поднялись из земли, как по волшебству, тысячи металлургических и других заводов, предприятий по производству боеприпасов.

Германская бронетанковая ударная группировка не смогла продвинуться более чем на 15 километров (на северном фасе немцы продвинулись на 10–12 км, на южном фасе – на 35 км. – *Ред.*). И это продвижение стоило 100 тысяч убитых солдат и 3 тысяч подбитых танков (немцы потеряли в Курской битве около 1500 танков).

Затем 15 июля Красная армия предприняла контрнаступление.

Тысячи советских танков были брошены на Орел и Харьков.

Орел пал 5 августа, Харьков – 23-го того же месяца.

30 августа ликующие полчища Толбухина (Южный фронт) из

30 тысяч казаков захватили Таганрог.

4 (8. – *Ред.*) сентября мы оставили Сталино (Донецк). 24 сентября (25 октября. – *Ред.*) после ожесточенного сражения был потерян Днепропетровск.

Днепр был достигнут большевиками 5 октября (22 сентября – 13-я армия, захватившая плацдармы в междуречье Днепра и Припяти. – *Ред.*), а их передовые части переправились через реку у Кременчуга и Переяслава-Хмельницкого.

Плацдармы, захваченные свежими дивизиями с Дальнего Востока, были быстро превращены в оплоты. К 2 ноября под контроль Красной армии попало почти все левобережье Днепра.

На центральном участке фронта положение было по меньшей мере столь же серьезно. Советская ударная группировка преодолела наши ключевые позиции у Смоленска.

Фронт разваливался.

На короткое время вермахту удалось сдержать за Днепром гигантскую военную машину русских у Кривого Рога и Черкасс. Но советские армии остановились лишь для передышки и перегруппировки. Вскоре они возобновили продвижение к границам, и гигантский «паровой каток» красных продолжил сокрушать отчаянное сопротивление немцев.

На Рождество 1943 года советские армии начали новое наступление на запад.

Корсунь-Шевченковский, Шендеровка… адские котлы, в которых погибли лучшие из наших товарищей.

4200 погибших за три недели – таковы были ужасные потери нашей дивизии в ходе оборонительных боев в Черкасском мешке.

«Викинг», приданный теперь 8-й армии, был окружен в декабре к западу от Днепра вместе с моторизованной бригадой «Валлония» и остатками 72-й и 112-й пехотными дивизиями. (В окружение вместе с танковой дивизией «Викинг» и моторизованной бригадой «Валлония» попали 72, 57, 82, 88, 112, 168, 198, 255, 332 и 389-я пехотные дивизии. – *Ред.*)

В начале января стальные челюсти начали сжиматься. Со своих укрепленных позиций вдоль притоков реки мы видели в полевые бинокли, как быстро скользят по снегу советские аэросани, доставляя пушки и минометы, которые сразу же приводятся в боевую готовность.

Наши позиции вскоре стали непригодными после постоянных обстрелов крупнокалиберными минометами, ужасными самоходными установками, получившими название «Молотов», и еще больше дьявольскими «катюшами».

Одновременно бьют шесть, девять, двенадцать, двадцать четыре ствола.

К концу обстрела мы даже не смеем поднять головы. Постоянное ощущение неминуемой смерти полностью лишило нас реакции.

Воспользовавшись туманной ночью и предприняв отчаянную атаку, три роты «Викинга», включая мою, сумели чудесным образом вырваться из окружения.

За нами челюсти русских продолжали неумолимо сжиматься.

Через несколько дней мы узнали из шведских газет и передач Московского радио, каковы были последние дни «Викинга» и «Валлонии». Они оказали героическое сопротивление.

8 февраля они отвергли ультиматум.

18 (17. – *Ред.*) февраля красные дали сигнал к проведению окончательной операции по уничтожению противника.

Пятнадцать свежих дивизий были брошены на немецкие позиции, удерживавшиеся солдатами, которых ослабили голод, холод и лишения. (Автор неверно описывает последние часы окруженных. Не на их позиции были брошены советские войска, а немцы пошли на прорыв, в ходе которого были в большинстве истреблены под Шендеровкой. – *Ред.*)

Выжили немногие.

Однако они не сдались. (Сдались в плен 18,2 тыс., 55 тыс. было убито. – *Ред.*)

3 марта 1944 года. Остатки дивизии «Викинг» были переброшены приказом сверху в Красныстав, маленький городок к юго-востоку от Люблина.

Мы на реке Вепш, примерно в сорока километрах (по прямой около 90. – *Ред.*) от Равы-Русской. Этот городок мы проходили однажды в июне 1941 года, наступая на восток, сейчас же почти в ста километрах отсюда находятся русские.

Дивизия быстро пополняется. Несколько тысяч человек прибыли из Германии и оккупированных стран. Среди них много бельгийцев, голландцев и норвежцев.

Генералу Гилле, командиру дивизии, стоило многих трудов добиться от штаб-квартиры СС этих подкреплений, а также нового вооружения и оружия. Высокие чины в Шарлоттенбурге реально не требовали от него полагаться на собственные грузовики и пушки, но, видимо, думали именно так.

Удобно устроившись в подземных бункерах, эти деятели плохо представляли себе, как проходит военная кампания на Украине.

8 марта. Мы подняты ночью по боевой тревоге и посланы в направлении Ковеля, которому угрожают армии 2-го

Белорусского фронта.

Длинная колонна грузовиков с погашенными фарами везет полк к фронту.

19 марта. Ковель исчез в огненном урагане.

Советские штурмовики носятся над городом, чуть не задевая крыши домов. Мы можем наблюдать пилотов в шлемах, сидящих в своих кабинах из плексигласа.

Русские летчики бьют по нам из пулеметов и пушек своих самолетов. С каждой новой очередью падают, смертельно раненые, несколько наших товарищей. Люфтваффе все еще нигде не видно.

Мы окопались в окрестностях города, рядом с Турьей, убогой речушкой, которая течет неизвестно куда (на север, где впадает в Припять. – *Ред.*). Немецкие танки глубоко врыты в землю, образуя рубеж обороны. Каждый из них сам по себе миниатюрная крепость. Они обстреливают позиции большевиков.

Над нашими головами разрываются тяжелые снаряды, превращающиеся в тысячи мелких и смертоносных раскаленных осколков, которые со свистом зарываются в землю.

Земля дрожит, словно наступил катаклизм, извещающий о конце света.

Через несколько часов страшного грохота, постоянных взрывов от артобстрела человеческая психика парализуется.

Иногда нелишне увидеть людей, встречающих смерть как избавление. На самом деле это очень легко. Смерть означает тишину, мир и покой.

Ад продолжается два дня. Однако в течение этих двух дней постоянные атаки красных отбиты повсеместно. Нам приказывают держаться до конца.

20 марта. Лейтенант из оперативного отдела штаба дивизии сообщает, что красные просочились вдоль набережной. Нам следует встретить их и прикрыть железную дорогу.

Мне дают приказы по радио из выдвинутого вперед штаба, который расположен где-то возле Ковельского вокзала.

Следуя за тремя «Тиграми», посланными командованием дивизии, моя рота медленно приближается к русским.

За тупым грохотом раздаются глубокие мощные вздохи, как печная тяга.

– Бьют из большого «Карла»! – кричит кто-то рядом. («Карл» – тяжелая 600-миллиметровая немецкая мортира на железнодорожной платформе.)

Раз в бой вступает тяжелая артиллерия, значит, на дивизию

накатываются новые советские танковые части с востока. Русским нужно любой ценой захватить Ковель. Город лежит на пересечении дорог, ведущих в Польшу и Словакию.

Почти все солдаты моей боевой группы – новобранцы. Трудно заставить их маскироваться должным образом. Командирам взводов постоянно приходится выкрикивать соответствующие приказы и предостережения. Но даже несмотря на это, солдат все время подстреливают. Они катаются по земле, словно в удивлении тем, что случилось. Затем начинают негромко стонать. Некоторые зовут мам. Удивительные эсэсовцы эти ребята! Впрочем, верно и то, что бедных парней отправили на фронт сразу же после двухмесячной подготовки.

Бедные ребята… Я беседую с ними, словно сам стар и многоопытен. А ведь мне только двадцать четыре года. Однако эти тридцать два месяца почти непрерывной военной службы сильно меня состарили.

Следуя за «Тиграми», мы движемся вдоль оси того, что раньше было улицей, а сейчас превратилось в пустынную дорогу с развалинами по сторонам. Название улицы написано на табличке, которая свешивается небольшим кусочком жести со стены. Куда подевались жители этой улицы? Трудно поверить, что эти руины когда-то были домами, что среди этих разрушенных стен могли мирно жить люди.

Слева от нас занимает позицию рота противотанкового батальона. Она ведет огонь в направлении железнодорожного переезда.

Русские явно недалеко.

Вдруг совсем рядом мы слышим музыку. Смотрим вопросительно друг на друга. Что это могло быть?

Затем вижу в десяти или около того метрах от себя пропагандистский автофургон и понимаю, в чем дело. Артиллерия русских, должно быть, блокировала дорогу с самого начала боя, и грузовик не смог вернуться. Поэтому солдаты из подразделения пропаганды включили свой фонограф для забавы. Теперь я узнал все! Вальсы Штрауса среди боя.

Будет весьма оригинально, по крайней мере, если тебя прикончат под мелодию «Сказок Венского леса».

Однако мы слышим вдруг иного рода музыку.

Большевики атакуют. Выставив в авангарде около двадцати пулеметов «Максим» на колесах, они появляются густыми рядами из-за разбитого квартала зданий. Сейчас редко встречаешь эти старомодные «Максимы». Впрочем, у меня нет времени размышлять об этом!

Сразу открывают огонь 122-миллиметровые пушки «Тигров»

(так в оригинале. Танки «Тигр» имели на вооружении 88-миллиметровую длинноствольную пушку. – *Ред.*) и станковые пулеметы. Красные скашиваются большими шеренгами, одна за другой. Однако медленно, метр за метром, они приближаются к нам. Их компактные группы пополняются в ходе наступления, явно не редея от потери стольких солдат. Они печатают шаг, как на параде, идут почти в полный рост, выставив перед собой ружья.

Их методы ведения войны сбивают нас с толку, поскольку не отвечают никакой стратегической концепции. Только войска, атакующие в лоб, способны вести огонь. Их командиры, очевидно, учитывают потери сотен, а может, и тысяч солдат. Но, видимо, полагают, что в конце концов пробьются сквозь наши позиции.

Мощный гул вдруг исходит от этих тысяч солдат, упорно шагающих навстречу смерти.

Они поют.

Большевики, должно быть, подумали, что музыка из пропагандистского автофургона придает нам храбрости, и для собственной бравады запели на пределе своих голосов.

Они часто поют украинские песни, когда идут в атаку. Но сегодня тяжелый топот тысяч сапог орды людей, безразличных к своей судьбе, артиллерийская перестрелка и диссонанс между нашей музыкой и пением русских создают ощущение чудовищного столкновения двух миров.

Военнослужащие подразделения пропаганды, засевшие в автофургоне, передают через усилитель марш СС.

Русские же все еще неумолимо движутся на нас маршем, скашиваемые массами нашим огнем из станковых пулеметов. Живые топчут тела мертвых.

А громкоговоритель работает на полную мощь.

Раскаленная сталь и свинец выигрывают наконец сражение против упрямства, решимости и отваги красных.

Экипажи трех «Тигров», к которым присоединились около десяти T-II, видят, что атака русских захлебывается. С оглушительным ревом они вступают в бой. На полной скорости несутся на авангард большевиков.

Ужасные крики, пронзительные вопли агонии, леденящий хруст человеческих костей, жуткое кровавое месиво из кишок и внутренних органов, прилипающее к гусеницам танков, и пулеметный огонь завершают операцию. Все кончено. (Весьма образное, но неправдоподобное описание «психической атаки» и ее подавления, начиная с 20 станковых пулеметов «Максим» в авангарде. Далее везде. – *Ред.*)

Железная дорога Львов – Белосток все еще свободна для

проезда наших воинских эшелонов.

Задача выполнена…

30 марта. Карл получил ранение во время боев на окраинах Ковеля.

Я нашел время навестить его в полевом лазарете, перед тем как его доставили в санитарный поезд. Поезд переправит его в госпиталь Кракова, куда поступают все тяжелораненые из нашего сектора фронта.

Он лежал на носилках очень бледный. Лазарет помещался в старой текстильной фабрике, или так мне показалось при виде ряда разбитых механизмов, которые раньше были, должно быть, ткацкими станками.

– Привет, Карл. Ты воевал как надо, парень! Теперь наверняка закончишь войну в покое.

Я взглянул на запачканные в крови и гное бинты, покрывавшие нижнюю часть его туловища.

– Нога?

Он попытался улыбнуться:

– Обе ноги. Я убываю вторым из нас… Хотя после Черкасс (Корсунь-Шевченковского котла. – *Ред.*) мне показалось, что я избежал инвалидности.

– Избежал? Ты с ума сошел! Не унывай, Карл, ты ведь не позволишь легкой ране на ноге сделать из тебя нытика. Ты всегда жалуешься! Я бы на твоем месте не делал этого.

– Не шути, Петер. Моя левая нога совершенно изуродована. Врачи даже не сочли нужным извлекать осколки из другой ноги.

Карл говорил хриплым голосом, который я с трудом узнавал. Его лицо стало серым, дышал он с трудом. Меня вдруг охватил страх. Мне показалось, что Карл непременно умрет. Если это случится, то и я не избегну смерти.

К нам подошел армейский врач без знаков отличия СС.

– Оставьте его, лейтенант. Ему нужен покой.

Военнослужащие вермахта не обращают внимания на звания эсэсовцев. Они делают вид, что не знают, кто мы такие. Мне даже кажется, что они почти презирают нас.

Я отдаю честь.

– Понимаю.

– Он эвакуируется, я следую за ним.

– Простите, герр врач, вы наблюдаете за лейтенантом?

Он отвечает утвердительно.

– Тогда, может, вы скажете, серьезно ли у него ранение?

– Левую ногу придется ампутировать. Другую надеемся спасти, но будет трудно. Во всяком случае, мы уделяем ему

повышенное внимание. Ему не придется ждать санитарного поезда, его отправят «гофрированным». (Немцы обозначали этим названием самолет «Юнкерс-52», фюзеляж которого изготавливался из гофрированного металла.)

Я благодарю его и возвращаюсь к Карлу.

– Что он сказал? – спрашивает Карл.

– Что все в порядке и что ты будешь в течение двух месяцев в Закопане. (Здесь, близ границы со Словакией, на известном горном курорте располагался эсэсовский госпиталь для выздоравливающих.)

Я пожал ему руку:

– До свидания, Карл. Передай от меня привет всем знакомым, когда будешь в Виттенберге.

Он мрачно смотрит на меня.

– Прощай, Нойман. Удачи!

Я не решаюсь обернуться, идя к двери, но чувствую, как его взгляд сверлит мою спину.

Его, должно быть, ободрял без меры вид человека, который еще может ходить.

Глава 16
СТОЙКАЯ ОБОРОНА

29 мая. Майор Штресслинг вызвал меня в свой кабинет в штабе на передовой.

– Садитесь, Нойман. Штаб в Шарлоттенбурге поручил нам важное задание. Мне потребуются храбрые солдаты, которые уже показали себя в деле. Поэтому я выбрал для поездки в Белоруссию ваших людей. Я вызвал вас к себе, чтобы предупредить о том, что ваши люди должны быть готовы к завтрашнему утру. Вопросы есть?

Я поднимаюсь. Меня разбирает любопытство. В то же время чувствую некоторую оторопь в связи с его необычным заявлением, сделанным без всяких предисловий.

– Куда именно мы едем и в чем состоит наше задание, майор?

– Об этом, дорогой, вы узнаете позже!

31 мая. Лишь вчера мы отбыли в кузовах полдесятка грузовиков.

В Брест-Литовске (Бресте. – *Ред.*) нам, офицерам, была предоставлена возможность ехать в более комфортабельных условиях – в легковых машинах.

Утром приехали в Минск.

Повсюду длинные ряды разрушенных современных зданий.

Столицу Белоруссии, очевидно, сильно бомбили. (Минск был сильно разрушен еще в конце июня 1941 г. немцами. – *Ред.*)

2 июня. Витебск. Прифронтовой город. Русские в нескольких километрах отсюда. Город является форпостом на рубеже Родины.

Рубеж Родины. Это уж точно.

И если рубеж Родины будет прорван, не останется ничего, кроме как отступать как можно быстрее на наши укрепленные линии за Брестом в Польшу. На этот раз наступаем не мы.

8 июня. Спецподразделение по зачистке. Вот кем мы стали.

Об этом нам сказали этим утром в штабе 4-й армии. Нам суждено разделить честь участия в данной операции – честь, без которой можно было бы обойтись, – с частями 16-й дивизии СС («Рейхсфюрер СС») и 9-й дивизии СС («Гогенштауфен»).

11 июня. Только что мы узнали о попытке англо-американских войск высадиться в Северной Франции (десантная

операция началась 6 июня. – *Ред.*). Верховное командование вооруженных сил заявило, что союзники будут сброшены в море.

20 июня. С раннего утра тысячи русских орудий долбят наши передовые позиции вокруг Невеля и Витебска. (Невель к этому времени был давно взят Красной армией (6 октября 1943 г.). Немцы закрепились близ города. – *Ред.*)

Над селением Литвиновом, где мы находимся, пролетают бесконечные звенья советских самолетов. Большевики постоянно обрушивают на нас фосфорные бомбы.

Я впервые увидел собственными глазами ужасные последствия действия фосфора. Кажется, что тела людей уменьшаются в размерах, когда они горят, словно под действием какой-то жуткой разъедающей кислоты. Мы видели солдат совершенно обугливших, почерневших, ставших похожими на страшно нелепых кукол.

Найдется ли у нас достаточно жестокое и эффективное оружие, чтобы поставить этих варваров на колени? У нас говорят о каком-то секретном оружии. Если оно существует, сейчас самое время его применить.

22 июня 1944 года. Незабываемая дата.

Русский монстр жаждет крови на всех фронтах от Балтики до Гомеля. (Чтобы освободить родную землю от захватчиков. – *Ред.*)

Наступление началось на рассвете. В Литвинове в течение нескольких часов слышалось адское громыхание танков по дорогам.

27 июня. Витебск пал (26 июня. – *Ред.*). 4-я армия отброшена.

Позиции 9-й армии прорваны в нескольких местах танковыми соединениями Черняховского (здесь, в районе Бобруйска, против 9-й немецкой армии наступал 1-й Белорусский фронт Рокоссовского, а 3-й Белорусский фронт Черняховского наступал в районе Витебска и Орши. – *Ред.*).

28 июня. Нам приказано задерживать дезертиров и немедленно расстреливать их в случае сопротивления.

Ясно! Штаб СС все предусмотрел, даже отступление. Эту жуткую работу придется выполнять нам. Русские дышат нам в затылок, и они лишены сентиментальности.

29 июня. Хальт! Проверка СС!

На дороге Могилев – Минск проводится проверка всех военных грузовиков и легковых машин, движущихся на запад.

Те офицеры и солдаты, которые не могут представить письменные приказы, подтверждающие исполнение ими своих служебных обязанностей, безжалостно расстреливаются.

Штресслинг, который командует операциями, получил, очевидно, этот приказ в течение последнего часа.

У нашего блокпоста останавливается «Мерседес», закамуфлированный ветками.

В машине капитан и два других офицера. Судя по их побледневшим лицам, они, должно быть, поняли, что все это значит.

Около сорока эсэсовцев в черных мундирах стоят по обеим сторонам дороги с автоматами наготове. Офицеры вермахта смотрят на них так, словно ничего не понимают. Или, возможно, понимают слишком хорошо.

Подхожу к ним и отдаю честь.

– Проверка СС. Ваше дорожное предписание, пожалуйста.

Капитан достает из кармана гимнастерки листок бумаги и передает мне. Я просматриваю листок и отдаю обратно.

– Мне жаль, капитан. Но это пропуск во фронтовую зону. Мне же нужен разрешительный документ на проезд. Это все, что вы можете мне показать?

На лицах всех трех офицеров выражение животного страха. Это явно штабисты, которые в отсутствие строгого контроля командования решили смотаться в Минск на свой страх и риск в то время, когда необходима мобилизация всех ресурсов для сдерживания большевиков. Бегство с поля боя не что иное, как измена.

Подходит Штресслинг:

– Вылезайте из машины – и побыстрее!

Три офицера выходят. В машину сразу же садится эсэсовец и отгоняет ее подальше на обочину дороги.

– Ваши документы, господа! – говорит Штресслинг с окаменевшим лицом.

Он внимательно просматривает их, затем поднимает глаза.

– Штаб 9-й армии? Что вы делаете здесь, на дороге?

– Мы едем в Минск, майор…

– Ах, вы едете в Минск, не так ли? – басит Штресслинг. – Мне кажется, вы туда не доедете!

– Но вы не имеете права…

– Ах, не имею права?

Он подзывает меня:

– Нойман! Ликвидируйте эту свору предателей!

Через несколько минут трех штабистов ведут в поле, в сторону от дороги. Не знаю, в порядке ли это вещей, но я обязан

подчиняться приказам Штресслинга. Все же я впервые командую расстрельной командой. А те, кого надо расстрелять, – немцы. Пытаюсь разобраться в своих чувствах и почти с ужасом обнаруживаю, что все происходящее оставляет меня совершенно хладнокровным. Как будто это происходит с кем-то другим.

– Вы же не собираетесь нас расстрелять? – выдыхает один из офицеров.

– Бесполезно, Гуро, – говорит другой офицер. – Это эсэсовцы, банда грязных убийц!

Выстраиваю четырех своих солдат, спинами к дороге. Трое других сторожат офицеров.

Поворачиваюсь к эсэсовцу, который держит автомат у бедра.

– Готовы!..

– Хайль Гитлер! – кричит капитан.

– Грязная свинья! – отвечает эсэсовец.

– Очередью! Огонь!

Четыре автомата выпускают одновременно одну смертоносную очередь, и штабисты падают на землю без звука. Подхожу к ним. Добивать их нет нужды.

30 июня. Существует опасность превращения Минска в ужасный котел, если его удастся окружить танковым соединениям Рокоссовского (а также Черняховского. – *Ред.*) и казакам. (Чувствуется ужас, который наводили здесь на немцев прорывы конно-механизированных групп Плиева и Осликовского. – *Ред.*) Со вчерашнего дня осталась лишь одна дорога, все еще свободная для отступления на запад – дорога на Раков.

1 июля. Поднялись все соседние деревни. Теперь партизаны появляются повсюду при свете дня, и, как только наступает ночь, они обстреливают наши форпосты и транспортные колонны с боеприпасами.

Приказали провести карательную операцию в небольшой деревне близ Минска.

Один капитан, которого я прежде видел, командует операцией. У него квадратные челюсти, суровое лицо, шрам на левой щеке, знаки отличия и эмблемы 1-й танковой дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

Нас доставляют туда два полугусеничных бронетранспортера.

Взобравшись на подножки и капоты, около десятка эсэсовцев с автоматами обеспечивают боевое охранение. Террористы повсюду, и, что хуже, значительная часть местных жителей сделала свой выбор в их пользу.

Большая часть, но все-таки часть. Другие бегут от

большевиков, и как можно быстрее (те, кто сотрудничал с оккупантами. – *Ред.*). Крайне необычная ситуация!

Через несколько минут прибываем на место назначения, которое является, очевидно, настоящим опорным пунктом противника. Рота автоматчиков уже на боевой позиции, обстреливая русских.

– Боевая группа! Приготовиться к атаке! – кричит капитан.

Он спрыгивает с бронетранспортера и бежит, прыгая и петляя, к ближайшим домам.

Мы следуем за ним, стараясь не отставать.

У красных пулеметы с малой скорострельностью. Видимо, «Максимы». Но этого достаточно, чтобы нанести значительные потери эсэсовцам и пехотинцам подразделения, следующего позади нас.

Ручные гранаты швыряются на крыши и в окна. Стоит жара, как у плавильной печи, солдаты снимают с себя гимнастерки и затыкают их под пояса.

Без кителей или голые по пояс, они метр за метром продвигаются к партизанам.

Кое-где валяются трупы женщин.

Группа полуобнаженных женщин, столпились у одного из «Максимов».

Пулемет, должно быть, заклинило. В несколько секунд мы достигаем их без всяких потерь со своей стороны.

Одна из женщин целится в нас из «Дегтярева». Она не успевает выстрелить. К ней бросается эсэсовец и выбивает оружие из рук. С яростным воплем женщина бросается на него, царапая ногтями. Солдат отталкивает ее одной рукой, наставляет ствол автомата и заставляет ее утихомириться.

Но слишком много стрельбы повсюду, слишком много пуль свистят вокруг нас, чтобы возиться с женщинами.

Эсэсовец бьет пленницу прикладом карабина.

Мне не кажется, что сейчас от женщины исходит опасность, поэтому вмешиваюсь:

– Тащи ее в грузовик! И позаботься, чтобы ее хорошо стерегли!

Солдат в явном облегчении. Он хватает пленницу за плечо и грубо толкает ее вперед. Я наблюдаю за ними несколько секунд. Одной рукой эсэсовец держит партизанку, другой – позволяет себе некоторые вольности, вызывая яростные вопли женщины.

Н-да, она успокоится. Солдат заслуживает выпавшее ему вознаграждение.

Зачистка поселка осуществляется методично. Дома один за другим очищаются от мятежников.

Гранаты и 9-миллиметровые пули автоматов – надежная гарантия их будущей лояльности.

Вдруг со стороны дороги раздается глухое громыхание. На полной скорости, направляясь на запад, проходит танковая колонна.

На запад! Мне не нравится это зрелище.

Если смываются танки, то не могу понять, почему мы еще здесь. Или причина, возможно, весьма простая!

За нами топот шагов. Подбегает эсэсовец, охранявший бронетранспортеры.

– Лейтенант! Экипажи танков говорят, что передовые русские танки всего в десятке километров отсюда.

У эсэсовца прерывистое дыхание, он очень бледен.

– Ну, ты боишься?

Однако сейчас неуместно демонстрировать храбрость. У меня самого учащенно забилось сердце. К эсэсовцам русские беспощадны. Пора удирать. Место становится весьма опасным.

Останавливаю командира взвода, который намерен заняться уничтожением в поле русских, все еще оказывающих сопротивление.

– Отзывай немедленно солдат. Мы уходим.

– Но, лейтенант…

– Никаких но! Боже мой, делай, что тебе говорят! И быстрее!

Пытаюсь сдерживаться, успокоить нервы, но подлый страх пробирает до самых кишок. Впервые внутренний голос советует мне бежать, смываться, не ждать других. Подумать только, еще вчера я командовал расстрельным взводом, который покончил с людьми за гораздо меньший проступок, чем этот.

Я стараюсь изо всех сил убедить себя, что это другое дело. Что вся обстановка – сплошное безумие… Что нельзя остановить 50– или 70-тонные танки 9-миллиметровыми пулями… (Самый тяжелый советский танк в описываемое время, ИС-2, весил 46 т. Однако у немцев в это время имелись фаустпатроны и др. – *Ред.*)

Через десять минут большинство солдат снова занимают места в бронетранспортерах. Мужики, видимо, озадачены внезапным изменением наших планов. Мы уедем до того, как они осознают, что это не военная хитрость, что мы действительно убираемся из деревни.

Подходит капитан из «Лейбштандарта Адольф Гитлер».

– Вы приказали отступать, лейтенант? Объясните, в чем причина?

– Русские пересекли дорогу на Барановичи. Они могут быть здесь в любую минуту! Что будем делать? Останавливать их?

– Так, так!

В данный момент мне уже не до субординации. Главное – убраться. И возможно быстрее.

– Что это за женщина? – вдруг кричит капитан.

Верно, я совсем забыл о ней.

– Вон отсюда, немедленно! – рявкает он.

Русскую подчеркнуто грубо сбрасывают на землю, сопровождая несколькими пинками.

Жаль. Но она переживет это. Солнце ярко светит, ее соотечественники скоро будут здесь.

С визгом шин и грохотом гусениц, поднимающих клубы пыли, наши бронетранспортеры срываются с места на полной скорости.

Вдоль всей дороги проезжаем мимо бесконечной череды местных жителей, толкающих перед собой ручные тачки или тянущих тележки, в которых содержатся жалкие пожитки из брошенных ими домов.

Коллаборационисты? Семьи русских сотрудников немецких учреждений? Кто знает.

Кем бы ни были эти люди, они бегут на запад.

Тоже боятся.

16 августа. Умер Карл.

Я присоединился к дивизии «Викинг» где-то в районе среднего течения Вислы. Как раз здесь и узнал от Михаэля, что Карл не вынес полета в Краков. Из «Юнкерса-52» его выгрузили уже мертвым.

Стинсманн выглядел безумцем, когда сообщал мне эту весть. Его глаза были кроваво-красными.

– Нас всех прикончат, до последнего человека! – восклицал он.

Стинсманну тоже удалось вырваться живым из ада, в который он попал под Черкассами.

Мы видимся редко. У меня впечатление, что он по каким-то непонятным причинам избегает меня. Мы поддерживаем отношения исключительно на служебном уровне. На фронте мы никогда не были столь дружны, как в Виттенберге.

Глава 17
СТРАХ

Мощная лавина советских армий на центральном участке фронта катится по равнине, пробиваясь к Карпатам. Вторгшись в Словакию по ущельям долины верхнего течения реки Сан, она прошла через лес у Тисы и осенью вышла на Венгерскую равнину.

В то же время, сделав прорыв на юге на участке фронта между Северной Молдавией и Черным морем, танки Малиновского (2-й Украинский фронт) и казаки Толбухина (3-й Украинский фронт, имевший два механизированных корпуса. – *Ред.*) ворвались в Румынию и захватили Бухарест. (В ходе Ясско-Кишиневской операции 20–29 августа немцы и румыны были разгромлены. Их безвозвратные потери составили более 400 тыс., в том числе более 200 тыс. пленных. Советские войска потеряли убитыми более 13 тыс. человек. – *Ред.*) После этого блицкрига капитулировала также Болгария. (Болгарская армия не оказала сопротивления, когда 8 сентября Красная армия вошла в Болгарию, а 9 сентября в стране победило народное восстание, и Болгария перешла на сторону СССР и его союзников. – *Ред.*) Сделав перерыв в наступлении только для того, чтобы вооружить своих новых румынских союзников, южные русские армии, используя теперь Бухарест в качестве главного пункта сбора, начали дальнейшее продвижение. В начале октября они достигли среднего течения Тисы в Венгрии.

Теперь советскому Верховному командованию нужно было лишь сконцентрировать фронты Малиновского и Толбухина для захвата Будапешта, последнего бастиона, прикрывающего Австрию.

Наше сопротивление, сколь оно ни было отчаянным, оказывалось повсюду совершенно несостоятельным для сдерживания этой могучей лавины солдат и артиллерии, неумолимо катившейся на запад. Срочная посылка в конце лета на Западный фронт десятков дивизий серьезно подорвала нашу способность противостоять большевикам. Отсутствие этих дивизий, несомненно, способствовало краху Восточного фронта.

14 декабря советская артиллерия начала мощную бомбардировку немецких позиций в Будапеште на обоих берегах Дуная.

Тысячи орудий, сосредоточенных вокруг венгерской столицы, вели огонь ночью, рассеивая темноту апокалиптическими вспышками. Тысячи орудий крушили город лавиной стали и огня.

22 декабря, на рассвете, кавалерия, казаки, три тысячи танков и пятнадцать пехотных дивизий начали штурм столицы Венгрии. (Наступление началось 20 декабря, 26 декабря Будапешт и 188-тысячная группировка немцев и венгров были окружены. – *Ред.*)

Сражение бушевало много дней. Оно сравнялось, если, фактически, не превзошло по ожесточенности и ужасу последние часы осады Сталинграда.

В этом адском котле, как и в Сталинграде, каждый квартал, каждая улица, каждое здание сопротивлялись под градом фугасных и зажигательных снарядов, а жестокая кровавая бойня вышла за сами границы бесчеловечности.

Вначале эсэсовцы, солдаты вермахта и венгерские дивизии, которые еще ранее отказались подчиняться предателю Хорти, получали поддержку со стороны люфтваффе. Вскоре, однако, в результате подавляющего превосходства в численности русских самолетов немецкая авиация в небе над Будапештом исчезла.

В ряде секторов немецко-венгерские части под командованием Пфеффер-Вильденбруха, засевшие в развалинах домов, долго отбивали атаки большевиков, пользующихся численным превосходством в соотношении пятнадцать к одному. Советские штурмовики, волна за волной, ревевшие сверху, почти касаясь крыш, расстреливали героических защитников, не желавших сдаваться, разрывными пулями и фосфорными бомбами. Когда красным наконец удалось овладеть позициями, там остались только мертвые тела защитников. (В плен сдалось свыше 138 тыс. из 188 тыс. Остальные (кроме 785 человек, прорвавшихся к своим) действительно стали мертвыми телами. Красная армия в ходе Будапештской операции с 29 октября 1944 г. по 13 февраля 1945 г. (т. е. включая тяжелые бои далеко за пределами города) безвозвратно потеряла 80 тыс. человек, 1766 танков (в боях в городе почти не применялись), 293 боевых самолета. – *Ред.*)

Наконец 12 (13. – *Ред.*) февраля 1945 года артиллерийская канонада в Будапеште смолкла.

Над городом внезапно повисла, как свинцовый занавес, гнетущая тишина. Она производила еще более трагичное впечатление, чем оглушающий грохот бомб и уличных боев.

Будапешт не сдался (см. примеч. выше. – *Ред.*).

Не осталось живых солдат, чтобы остановить ликующие орды, которые теперь беспрепятственно наводняли город. Опьяненные злобой и водкой, они убивали, насиловали, грабили и жгли остатки разрушенных зданий. (В ходе штурма Красная армия старалась щадить старинный город. После освобождения

советское правительство обеспечивало столицу Венгрии продовольствием – делалось все, чтобы венгры воспринимали Красную армию не как оккупантов, а как освободителей. – *Ред.*)

24 марта 1945 года. Несколько фигур слегка покачиваются, свисая с ферм металлического моста через реку Раба (приток Дуная на северо-западе Венгрии).

Случайный разрыв снаряда поблизости заставляет тела дергаться, а их полевые серые мундиры морщиться, придавая им вид живых людей.

Но почерневшие лица, уже полусгнившие, и запах тления, исходящий от них, вскоре разрушают мимолетное и жуткое впечатление жизни.

У них на груди висят плоские деревянные дощечки, объясняющие, почему эти люди сейчас мертвы. На каждой из них написано лишь одно слово: «Трус».

Они погибли, потому что боялись, боялись умереть.

Фантастически злая ирония…

Здесь, в Дьёре, дезертиров просто повесили на арках моста, без всякого суда.

Подобно всем их предшественникам, таким как три офицера, расстрелянные под Минском, они заплатили жизнью за кратковременную утрату веры, по глупости или помрачению сознания.

Тем не менее это те самые солдаты, которые принимали участие в славном прорыве у Седана, которые входили в Париж. Они участвовали в кампаниях на острове Крит и Югославии. Шли походным маршем на Александрию по горячим пескам Киренаики. Это солдаты, которые выносили неимоверные страдания в полях под Москвой. Некоторые из них, возможно, камень за камнем брали штурмом крепость Севастополь, выжили каким-то образом в аду Сталинградской битвы.

Теперь же плоть их гниет, глаза выклеваны воронами. Возможно, существует Валгалла для героев, павших на полях сражений. Там и эти тридцать, вместе с тысячами других солдат в полевой форме, которых повесили от Березины до Дуная просто потому, что они тоже сомневались.

Как можно измениться за несколько месяцев! Прошлым летом я безжалостно расстреливал каждого солдата, который преднамеренно бежал с фронта. Тогда я не знал, что такое страх.

Пытаюсь представить, как я отреагирую, если мне снова прикажут расстрелять убегающего человека.

По размышлении мне кажется, что я подчинюсь. Это крайне необходимо, чтобы предупредить панику. Возможно, нас пичкают

ложью в отношении многих вещей. Вполне возможно…

Одно все же ясно, что слишком поздно что-либо предпринимать в этом отношении. Германия должна мобилизовать все свои ресурсы, если хочет выжить. Мы должны сражаться до конца.

25 марта. Шесть мотоциклистов Национал-социалистического механизированного корпуса (NSKK) мчатся с грохотом мимо нашей колонны на полной скорости, расчищая себе дорогу неистовыми сигнальными гудками.

Машина, закамуфлированная ветками с листвой, близко следует за ними, подпрыгивая на неровностях дороги.

На крыле развевается черно-серебристый флажок.

Генерал-полковник Зепп Дитрих, командующий 6-й танковой армией СС, направляется прямо в Винер-Нойштадт.

Дороги на запад запружены бесконечными потоками беженцев, их приходится вытеснять на обочины через каждые несколько минут.

Венгры тысячами пересекают австрийскую границу. Как будто граница может сейчас их спасти!

26 марта. Для беженцев больше не существует пассажирских или багажных вагонов. Весь железнодорожный транспорт зарезервирован приказом Верховного главнокомандования для перевозок войск и боеприпасов.

Последние поезда, покинувшие Мошонмадьяровар (город на северо-западе Венгрии близ границы с Австрией и Словакией. – *Ред.*), были загружены не чем иным, как платформами и голыми досками, на которых разместились, тесно прижавшись, люди.

Эта масса людей не возражала, не протестовала и не роптала. Страх обратил их лица в восковые маски, делая почти не различимыми одного от другого.

Жуткие сцены происходят каждый раз, когда такие поезда беженцев атакуют штурмовики, истребители «Яковлев» или бомбардировщики «Туполев». Самолеты проносятся на малой высоте с оглушительным ревом и безжалостно расстреливают из пулеметов и автоматических пушек массу пронзительно кричащих людей. Вместо того чтобы лечь, они тупо стоят на ногах. Когда этих людей настигает пуля или 20-миллиметровый снаряд, их лица приобретают удивленное выражение. Женщины же почти всегда падают с поднятыми руками и отчаянным криком.

Когда самолеты со смертоносными звездами на крыльях улетают, мертвые тела растаскивают по сторонам, чтобы

освободить путь для тысяч мужчин, женщин и детей, которые часами бредут вдоль железнодорожных путей, ожидая смерти других ради получения шансов выжить.

27 марта. Неожиданное изменение приказов вернуло нас назад в Дьёр. Передовые части русских вчера уже заняли город. Их сразу же выбили оттуда.

Город совершенно опустел.

Большинство жителей сбежало. Ставни на окнах, полураскрытые взрывными волнами, издают зловещие скрипы. Город душит зловоние от сырого обугленного дерева, дыма и чего-то еще, не поддающегося определению, чего-то, предвещающего катастрофу, запустение или жестокую судьбу.

Нам приказано отражать атаки авангарда советских войск, которые перегруппировываются за городскими окраинами, томительно долго для нас.

Когда мы передвигаемся к восточным воротам, чтобы занять свои позиции, обстрел артиллерией красных усиливается по нарастающей. Словно каждую минуту к обстрелу подключается новая батарея русских.

Под моим командованием около двухсот человек. Четыре дня назад меня произвели в гауптштурмфюреры (капитаны). Гордиться этим нельзя. Полк потерял три четверти офицеров. В течение последнего месяца несколько шарфюреров (унтер-фельдфебелей) стали унтерштурмфюрерами (лейтенантами).

Смешанный личный состав, которым я командую, состоит из эсэсовцев 2-й танковой дивизии СС «Рейх», только что прибывших с Западного фронта, и около сорока человек из 3-й танковой дивизии СС «Тотенкопф» («Мертвая голова»).

Все они, несомненно, составят в недалеком будущем довольно приличную груду трупов.

Внезапно я вздрагиваю. Со всех сторон слышатся тревожные крики:

– Внимание! Мины! Стойте там, где стоите!

Мощный взрыв. Затем другой…

– Свиньи! Даже не предупреждают! – кричит голос.

Когда рассеивается дым, вижу, что на земле лежат около пятнадцати сильно изувеченных тел. Высоко на дереве висит рука, оторванная вместе с рукавом. На руке часы на ремешке, возможно, они еще тикают. Стены облеплены останками безымянных солдат.

Рядом со мной эсэсовец обтирает лицо, забрызганное кровью, и ошеломленно покачивает головой.

– М-да, никогда бы… – повторяет он снова и снова.

Он еще не верит в то, что ему повезло.

При первом взрыве я рефлексивно бросился на землю. Это спасло мне жизнь. Вторая мина разорвалась лишь в десяти метрах от меня.

В который раз немецкая взрывчатка убивает немецких же солдат.

В который раз дивизионное командование забывает нас предупредить о том, что некоторые из улиц, ведущих к восточному выходу из города, минированы.

Такие ошибки на самом деле преступны. Это гнусность.

По земле ползет раненый.

– Подонки! Грязные свиньи! Грязные… – бормочет он со стоном.

Два эсэсовца подхватывают его под руки и волочат в лазарет за боевыми позициями.

За раненым тянется длинный кровавый след.

Через час мы окапываемся у дороги.

По словам лейтенанта из дивизии «Мертвая голова», авангард советских войск появился несколько минут назад. Вероятно, они ждут подкреплений. Кажется, у них нет танков. Это может быть отдельное моторизованное подразделение, действующее на свой страх и риск. И действительно, с полудня не было никаких боев в полосе между Дьёром и основными силами русских.

У нас строгий приказ. Надо держаться на своих оборонительных позициях независимо от обстановки. Очень жаль. Если бы не приказ, было бы нетрудно нанести русским удар до подхода танков.

В это время «катюши» сеют смерть среди нас так же, как шланг разливает воду. Они посылают одним залпом десятки реактивных снарядов, и, когда они одновременно взрываются на поверхности земли, во все стороны летят тысячи мелких стальных осколков с острыми как бритва краями.

Но вот подключается и их тяжелая артиллерия, бьющая веером над нашей головой. Вероятно, это означает, что атаки ждать недолго.

Мы ждем ее с нетерпением.

Нам приказано отбросить их назад!

Но как? Нас не более пяти-шести сотен в общей сложности.

Гадкое чувство, как будто попал в мышеловку.

И насколько все нелепо.

Мы слишком ослабли в эти дни, чтобы броситься на эти азиатские орды.

И все же некая холодная злоба заставляет нас скрежетать зубами. Пальцы на спусковых крючках наших карабинов. Руки

крепче сжимают гранаты. Взгляды упираются в дорогу.

Сейчас мы скорчились в одиночных стрелковых ячейках, поспешно вырытых, стремясь защитить свои затылки как можно лучше. Ранение в грудь очень опасно. В шею же фатально.

Над нами с дьявольским воем пролетает около десятка самолетов.

Черные кресты! Должно быть, это новые реактивные самолеты «Мессершмитт-262». Боюсь, что они прилетели слишком поздно.

Я по уши в грязи, но вдруг испытываю сильное желание расхохотаться.

Вспоминаю инструкторов Фогельзанга, которые учили меня быстро окапываться.

Сначала делайте это, потом это.

Что за забота рыть так глубоко, чтобы ячейка стала вашей могилой установленного образца и чтобы ваше тело не сгнило так быстро, как поверх земли, а гусеницы громадных танков не превратили его в кашеобразную массу?

Думаю также, что следует принять сделанное мне еще в октябре предложение ехать во Фриденталь, близ Ораниенбурга, недалеко от Берлина, где набирают тех, кто говорит на английском языке, для какой-то спецоперации. По крайней мере, не придется глотать эту отвратительную венгерскую пыль.

28 марта. С наступлением сумерек русская артиллерия почти полностью прекратила обстрел Дьёра.

Воздух прорезают лишь случайные пулеметные очереди. Это происходит, когда патрули СС нарываются на советские разведывательные подразделения.

Мы до рези в глазах стараемся различить во тьме надвигающуюся угрозу, чувствуя, как она сосредотачивается на темной равнине.

К полуночи на востоке вдруг вспыхивает светящаяся точка, за которой следуют десять, сто, тысяча других. И почти сразу на нас надвигается ослепительная, слепящая лавина света.

Русские снова атакуют. На нас направлены лучи света от передних фар их танков и от прожекторов.

Они движутся на полной скорости.

В свете фар танков, движущихся на нас, видны металлические балки и перевернутые грузовики, призванные сдержать наступление противника.

Начинают рявкать наши 105– и 88-миллиметровые орудия. Однако артиллеристы сообщили, что располагают всего лишь десятью снарядами на орудие. Это выделенный им максимум.

Они распределили также между батареями ящики боеприпасов, помеченные надписью: «Внимание! Снаряды используются только для учебных целей!»

Вот снаряжение, при помощи которого нам приказали отразить наступление 64-тонных монстров! (Таких танков в Красной армии не было, масса самого тяжелого, ИС-2, составляла 46 т. – *Ред.*)

Танки красных выстраиваются сейчас в огромный полукруг. Они ведут огонь по нескольким еще стоящим стенам, которые рушатся с оглушительным грохотом, поднимая клубы пыли.

Время терять нельзя.

Бегу к полевому телефону, связывающему нас со штабом полка.

– На связи «Орел-Викинг»! Говорит «Орел-Викинг»! Держаться можно не более десяти минут. У части орудий закончились боеприпасы.

Приходится кричать на пределе своих голосовых связок, чтобы слышать самого себя. Оглушают грохот орудий и разрывы снарядов красных.

Неожиданно связь замолкает. Должно быть, осколком от взрыва перебило провод.

Очень жаль. Но я не буду обрекать свою роту на бесцельную бойню. Слишком велико превосходство атакующих сил, мы не в состоянии сделать что-нибудь.

Приказываю отступить. И вовремя. Танки красных уже утюжат нашу первую оборонительную позицию.

Наши артиллеристы бросают бесполезные орудия и тоже отступают на запад, к центру Дьёра.

По зловеще темным, пустынным улицам города эхом разносится топот немецких сапог и грохот передних танков, которые уже пробиваются сквозь уличные заграждения и развалины.

В голове молнией мелькает одна мысль.

Мост!

Саперы ждут на западном берегу реки момента, когда можно будет нажать взрыватель нескольких связок взрывчатки, привязанных к столбам моста.

Убегающие сейчас гренадеры, наводчики и эсэсовцы преодолевают Рабу. Крики и громкие приказы на противоположной стороне показывают, что саперы сильно возбуждены.

И не без оснований. Адский грохот танков усиливается с каждой секундой.

Наконец перебирается последний из моих солдат. Я бросаюсь

вслед за ним, скользя и спотыкаясь по обломкам, разбросанным на узком металлическом проходе.

Оглушительный взрыв.

Взорван последний мост на реке Рабе, последнем крупном водном рубеже до австрийской границы (до которой около 50 км. – *Ред.*).

На противоположном берегу уже занимают позиции советские наводчики-артиллеристы, неистово обстреливая нас с дальней дистанции.

Но они опоздали.

29 марта. На рассвете мы вступили на территорию Австрии. (Скорость отступления феноменальная – пробежали более 50 км от Дьёра. – *Ред.*)

В глазах людей, в спешке отступающих, недоумение и упрек. Как случилось, что мы, воины, которые шли гнать Красную армию за Урал, не сумели предотвратить наступление большевиков или, по крайней мере, удержать их за границами Фатерлянда?

Да, мы проиграли. И все еще отступаем. Положение серьезно. А коммюнике, переданное по германскому радио, сообщает о наличии большого числа новых пусковых установок для самолете-снарядов Фау-1 и ракет Фау-2. В радиопередачах утверждается, что первые снаряды, управляемые по радио, скоро поступят на Восточный и Западный фронты.

Скоро поступят… До чего нелепо!

Радио передало также речь Геббельса, призвавшего немцев продержаться еще немного, чтобы дать техническим специалистам время завершить создание секретного оружия. Оружия, которое даст нам возможность сокрушить Россию и Америку, выиграть войну.

Между тем большевики давно идут по немецкой земле. Здесь они уже в Никкельсдорфе (близ северной оконечности озера Нойзидлер-Зе), в опасной близости к Вене.

30 марта. Сумрачная железнодорожная станция на берегу реки Лайты. Сотни беженцев ожидают маловероятного прибытия поезда, который забрал бы их в Вену. Они сгрудились и опираются друг на друга. Очень холодно. Тем, кому удалось проникнуть внутрь вокзала, лежат на деревянных скамьях или на голом полу.

Грохот тяжелой артиллерии и почти непрерывный вой самолетов, летящих на Вену или возвращающихся оттуда, заставляют дребезжать стекла окон, где они еще уцелели. Страх закрадывается в души людей, которые надеются лишь попасть

каким-то образом на поезд, следующий ночью на запад, к жизни.

Мы тоже ждем поезда на Швехат. Собрались на платформах, открытых для сильных порывов холодного ветра, который заставляет скрипеть и громыхать разрушенные железные перекрытия крыш над нашей головой.

Несколько минут назад между группами военных, стоявших рядом с лестницей, ведущей в тоннель, разгорелся жаркий спор.

Я подошел к ним.

Это были офицеры 1-й дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Они собрались вокруг подобия мангала и обсуждали последний, только что вышедший приказ фюрера. Он предписывал им снять нарукавные ленты, на которых вышито серебряными нитками «Адольф Гитлер». (Гитлер отдал приказ, лишавший нарукавных лент 1, 2, 3 и 9-ю танковые дивизии СС. На нарукавных лентах были вышиты названия и эмблемы этих формирований. – *Ред.*) Фюрер принял такое решение после провала последнего контрнаступления в марте. Рейхсканцлер рассматривает их отступление как измену и дезертирство. Он хочет продемонстрировать свое порицание их проступка таким официальным и публичным способом.

Это оскорбление возмутило весь личный состав дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер». Сначала военнослужащие были шокированы незаслуженным упреком. Затем шок сменился негодованием. Некоторые из офицеров сорвали с себя не только нашивки, но и награды, отправив их затем в рейхсканцелярию Берлина в ночном горшке.

Все это тревожно и весьма характерно для ситуации, сложившейся в СС в настоящее время.

Важно, чтобы мы держали себя в руках, если хотим избежать тотального уничтожения.

Я машинально бреду к центру вокзала.

– Простите, капитан! Они еще далеко отсюда?

Звучит женский голос, в темноте я не могу разглядеть, кому он принадлежит.

Подхожу ближе. На полу сидит молодая женщина, завернувшаяся в черную шаль.

– Не бойтесь. Их передовые части еще далеко. Во всяком случае, вас вывезут, если возникнет опасность.

Мои глаза привыкают к темноте, и я могу разглядеть ее лицо. Бледное, молодое лицо с волнистыми волосами, ниспадающими на плечи.

Сажусь рядом с ней на низкий прилавок, видимо служивший некогда для проверки багажа.

Замечаю, что она сидит на пронизывающем сквозняке в

отдаленном уголке вокзала в полном одиночестве.

– Вам не холодно?

– Какое это имеет значение? Кроме того, я не могла найти места в отапливаемом зале ожидания.

Она говорит спокойно, без раздражения. Уже поняла, что в трагической обстановке, чреватой риском для жизни, жалость неуместна.

– Вы служите в СС? Ах да, с моей стороны глупо задавать такой вопрос. На станции одни только эсэсовцы!

Чувствую, что ей хотелось бы спросить: «Что вы делаете здесь? Почему не сражаетесь?» Этот вопрос я задаю сам себе. Но транспорт так дезорганизован, что 6-я танковая армия СС при наличии беженцев, наводнивших дороги, едва ли сможет организовать передвижение войск так быстро, как этого хочет штаб.

Мы разговорились. Сквозь разбитые стекла окна вижу, как строятся боевые группы. Однако признаков неминуемого прибытия поезда не наблюдается.

Она рассказывает, что ее муж убит во Франции в прошлом сентябре. Сама из Айзенштадта и пытается уехать на запад. Ей сказали, что красные насилуют всех женщин в полосе наступления.

Часы идут. Холод все более усиливается.

– Мне так холодно, – жалуется она.

Я придвигаюсь к ней ближе и обнимаю за плечи.

– Так лучше?

– Спасибо. Вы так добры.

Снимаю шинель и помещаю женщину на нее.

– Отдохните немного. Вероятно, придется ждать несколько часов.

Вытягиваюсь рядом с ней. Чувствую на лице ее дыхание. От ее волос исходит почти пьянящий аромат.

Разбитая железнодорожная станция, глухой гул артиллерии, холодная тьма и незнакомая женщина в моих объятиях. Как все это странно.

– Как тебя зовут?

– Ханна. А вас?

Мои губы в нескольких миллиметрах от ее лица. Она прижимается губами к моим губам и льнет ко мне своим телом.

Глава 18
КОНЕЦ

3 апреля. Фронт вдоль всей германо-венгерской границы представляет собой гигантский огнедышащий ад. Бои приобрели сейчас особенно ожесточенный характер.

Винер-Нойштадт обречен на оккупацию русскими, которые предприняли последнее наступление, сконцентрировав боевую мощь, не поддающуюся воображению. (Танков здесь у Красной армии было мало, имелось некоторое превосходство в живой силе, существенное и большое – в артиллерии и авиации. – *Ред.*) На полосе фронта почти в 100 километров, между Братиславой и перевалом Земмеринг, наступают на Вену миллион солдат. (Всего в Венской наступательной операции принимали участие 644 700 советских солдат, но в указанных рамках (до перевала Земмеринг) – менее 500 тыс. – *Ред.*)

4 апреля. Советские танки в Медлинге и Винер-Нойдорфе. Они в менее чем 20 километрах от столицы. Теперь, очевидно, никто и ничто не остановит наступление большевиков.

Наши солдаты совершенно вымотаны. Неделя непрерывных боев истощила их нервную систему. Подорвала боевой дух. В результате падение дисциплины. Шарфюрер 3-го противотанкового батальона отказался вчера подчиниться приказу о выходе на патрулирование. Его немедленно расстреляли.

Как далеко ушли в прошлое те славные дни, когда «Викинг» с развевающимися на ветру знаменами победы шествовал на восток!

5 апреля. Изможденная и растрепанная женщина, которой удалось перебраться через линию фронта, рассказала о занятии большевиками Бадена (южнее Вены. – *Ред.*).

Артиллерийский обстрел продолжался несколько часов после ухода из города последнего немецкого солдата. Словно русские хотели реально убедиться, что справятся со всяким сопротивлением. С десятью другими женщинами она укрывалась в погребе.

Около шести вечера передовые танковые части русских ворвались в город, ведя огонь по заграждениям на улицах.

За танками легкой рысью следовала кавалерия, затем пехота.

Большую часть войск Толбухина составляли монголы и

азиаты. Выступающие скулы, плоские носы, зверские лица. (Большинство в Украинском фронте Толбухина составляли русские и украинцы – последних было очень много мобилизовано в пехоту на бывших оккупированных территориях. – *Ред.*) Сквозь смотровые отверстия погребов испуганные австрийские женщины могли слышать, как красные кричат дикими гортанными голосами.

Через несколько часов они начали охоту за женщинами.

Сбивая выстрелами замки, открывая двери ногами или прикладами ружей, большевистские орды методично охотились за женщинами.

Час за часом новые русские полки заполняли старый публичный дом, превратившийся теперь в один гигантский публичный дом. Женщин запирали в зданиях, чтобы там удовлетворять грязную похоть сотен солдат, которые, ожидая своей очереди, выстраивались на улицах.

Австрийские женщины, рассказывавшие нам это, добавили, что некоторые советские офицеры пытались с пистолетами в руках остановить это скотство. Но опьяневшие от неразбавленного спирта, разъяренные и злобные красные солдаты не слушались их. Солдаты больше ничего не боялись. (По этому поводу были отданы соответствующие приказы, и немало насильников было расстреляно. А вот в гитлеровской армии в 1941 г. солдаты освобождались от ответственности за любые преступления против населения оккупированных территорий. – *Ред.*)

6 апреля. Русские орудия обстреливают Майдлинг, в южном предместье Вены.

Перед воротами Земмеринг, вдоль Гюртеля (окружная магистраль Вены, которая опоясывает город и ведет к Дунайскому каналу), между вокзалом Аспанг и Шёнбрунном люди спешно роют окопы.

Пожилые люди были мобилизованы в полки, вооружены карабинами с выдачей каждому по сто патронов. У них серые повязки, но нет мундиров. Это – фольксштурм, ополчение. Вооружены и пятнадцатилетние мальчишки. Все это странно подобранное скопление людей было доставлено на боевые рубежи бесконечной процессией грузовиков.

Пушечное мясо. Очень немногие из них вернутся домой, – это совершенно определенно.

В данный момент венцы несут бремя войны невероятно хладнокровно. Функционируют все государственные службы. Еще ходят несколько автобусов.

Однако, глядя на очереди у продуктовых магазинов, легко заметить, что люди напряжены, подозрительны и угрюмы. Войска, проходящие с пением мимо по дороге на фронт, не вызывают спонтанной реакции толпы, как это было еще несколько месяцев назад. Солдаты идут в почти противоестественном молчании.

От горожан не исходило ни приветствий, ни возгласов ободрения. Люди стали вдруг поразительно анемичными.

Некоторые представители городских властей вновь выразили желание объявить Вену открытым городом.

Зепп Дитрих, командующий нашими войсками в Вене, сразу же разобрался с ними. Эти люди больше никогда не причинят нам беспокойства.

Австрийцы запуганы.

Дни ликования времен аншлюса, когда вермахт приветствовали с энтузиазмом, граничившим с безумием, ушли далеко в прошлое.

7 апреля. Сметя две дивизии «фольксштурма» и танковые части вермахта, оборонявшие Вену с юга, танки красных этим утром прорвались сквозь оборонительные рубежи в пригородах города.

Эта новость со скоростью горящей пороховой дорожки распространяется по всему Гюртелю, где мы удерживаем последний рубеж обороны и ряд укрепленных пунктов, призванных задержать дьявольское наступление красных как можно дольше.

Радио молчит уже несколько часов.

Нашими портативными радиоустройствами мы, однако, перехватили странные обращения к австрийцам с призывами к восстанию. Они часто повторялись и передавались секретными передатчиками. Они принадлежали, вероятно, какой-то группе, действующей в пользу Советов за деньги или по приказу.

Передачи всегда начинались следующими словами:

«Говорит свободная Австрия! К вам обращается Временный национальный комитет Австрии!

Национальный комитет и компартия стали действовать в городе открыто. По ночам на стенах клеили плакаты, призывающие граждан помочь союзникам выгнать немецкие войска!»

Думаю, если бы я застал одного из этих предателей на месте расклеивания позорных плакатов, то прикончил бы его голыми руками.

Между тем мы, к счастью, владеем ситуацией. Венцы вынуждены подчиняться нам, хотят они этого или нет.

На всех авеню и улицах, ведущих к Гюртелю, были сооружены блокпосты.

Их цель – защитить центр столицы, министерства и государственные здания в случае прорыва русских.

Для блокировки улиц были спилены деревья. Старые грузовики, груды металлолома, перевернутые автобусы и противотанковые рвы должны затруднить прорыв красных.

Пустынные улицы в центре города.

Время от времени сверху, чуть не задевая крыши, проносятся советские штурмовики. Они дают одну-две пулеметные очереди, сбрасывают наудачу свои бомбы и исчезают на востоке.

Снаряды артиллерии красных, которая бьет теперь с севера и юга, обрушиваются повсюду, оставляя огромные кратеры. Складывается впечатление, что артиллеристы обстреливают город без всякой цели. Их единственная цель – разрушать. (При штурме Вены советским войскам было дано указание максимально щадить город. Советские воины предотвратили подрыв многих заминированных объектов в этом одном из красивейших городов мира. – *Ред.*)

Согласно полученным нами последним сообщениям, бои идут в районах Фаворитен и Земмеринг, а также в Майдлинге.

Русским удалось прорваться, кроме того, на северо-западе. Они продвигаются в направлении Дорнбаха.

Больше часа мы ожидаем приказа.

Над Веной, подобно траурной мантии, висит дым от пожаров, скрывая солнце, подкрашивая стены желтым цветом, обостряя болезненное ощущение какой-то агонии, которая разрывает внутренности и заставляет глухо биться кровь в венах.

Лица солдат, в основном новобранцев, суровы. Они гадают, почему находятся с этой стороны Гюртеля, когда в пригородах уже идут бои.

8 апреля. Бои идут во всем Оттакринге.

За железной дорогой, опоясывающей город, укрываются около шестидесяти танков Т-34 и несколько 60-тонных монстров (очевидно, 46-тонных ИС-2. – *Ред.*). Пока ни одно из наших противотанковых средств не может их достать: яростный огонь автоматического оружия красных не позволяет подобраться ближе.

С прошлой ночи мы потеряли связь с остальными подразделениями полка. Я принял командование здесь над несколькими сотнями солдат, значительная часть которых не являются эсэсовцами.

Сейчас не время расспрашивать или бегать в поисках подразделения какого-нибудь солдата. Нужно держаться любой ценой и остановить наступление большевиков на великую столицу.

Жду шарфюрера Стинсманна, который отправился искать связь со штабом дивизии. В настоящее время я использую его как посыльного в подразделения, которые пытаются остановить русские танки на Гауптштрассе, отстоящей от нас на три улицы.

Солдаты, прячась за любым укрытием – мешками с песком, разрушенными стенами, деревьями, грудами строительного мусора, – отстаивают эти улицы метр за метром.

Мы в критическом положении. Несмотря на неоднократные запросы, штаб дивизии отказывается прислать нам в качестве подкрепления танки. Они оправдывают свой отказ недостатком горючего, поэтому, дескать, машины следует вводить в бой только в последний момент.

Но что это за последний момент? Означает ли это, что он наступит тогда, когда наши позиции будут взяты?

Топот бегущих ног. Рядом со мной вырастает Михаэль. Он едва дышит.

– Красные заняли Обсерваторию. Они продвигаются к храму Лазаря! Если мы не отступим, то попадем в окружение!

Придвигаюсь к нему и говорю:

– Я минут десять назад связывался со штабом 3-го полка! Они еще держатся! Непосредственной опасности нет!

Приходится напрягать голосовые связки до предела. Грохот взрывов и выстрелов пушек тяжелых танков оглушает.

– Десять минут назад, может, это было так! Но русские прут со всех сторон, – отвечает он. – Они всюду. Должно быть, прорвали нашу оборону на севере и западе.

Мы лежим плашмя посреди хаотического нагромождения штукатурки, металлолома и битого стекла. Вокруг – град камней и осколков металла.

Пронзительный свист, сильный взрыв, и раненый пулеметчик катается по земле, держась за живот.

Подбегаю и занимаю его место. Второй номер еще на месте, дрожа от возбуждения. Ствол пулемета раскален, несмотря на дождь и на то, что солдат поливает ствол водой для охлаждения.

Перед собой, на углу Ваттгассе, ничего не вижу, кроме зеленых силуэтов. Они движутся вдали и не имеют четких очертаний. Нажимаю на гашетку в приступе холодной ярости, заставляющей меня стиснуть зубы.

Но их слишком много. Нужно отступать, пока не поздно. Круша препятствия, медленно приближаются первые танки.

Поднимаю руку.

– Внимание! Немедленное отступление!

Секундное колебание. Затем выжившие в бою в Оттакринге бегут в укрытие за оборонительным рубежом Гюртеля, держась как можно ближе к стенам, спотыкаясь каждую минуту о мертвые тела и обломки, разбросанные на разбитой мостовой.

9 апреля. Всю ночь продолжался ожесточенный и отчаянный бой между нами и саперами Толбухина, продвигавшимися по тоннелям венского метро. Бой велся вслепую, мы не знали точно, где находится противник. Глухие взрывы с пугающими вспышками эхом разносились по тоннелям. Происходили рукопашные бои с применением кинжалов. Звериные крики, и мы убегаем, все время убегаем.

Во всех секторах русские упорно движутся вперед к каналу.

С рассвета мы засели в корпусах военного госпиталя. Русские бросили против нас танковые группы по двадцать или тридцать машин каждая. Пока им не удалось пробиться сквозь нашу оборону.

В коридорах госпиталя на голом полу лежат сотни раненых, ожидающих, что кто-то придет и позаботится о них. У некоторых ужасные раны с черными вздувшимися краями, перевязанные кое-как бумажными бинтами. Марлю и вату давно уже не достать. В операционных режут, сшивают, ампутируют. Все это производится без анестезии, последние банки хлороформа давно опустошили.

Повсюду стоит и липнет к стенам жуткий смрад от крови, омертвевшей плоти и хлорэтила.

Из каждого окна солдаты ведут огонь по Ванрингерштрассе или в сторону заграждений из колючей проволоки на Шпиталгассе, за которой укрываются русские.

Удивительно голубое небо. Начинают цвести деревья в госпитальном саду. Скорее, начинали, потому что бомбы, снаряды и шрапнель методично срезают ветки деревьев и сводят их к одним стволам.

Трагичная весна. Природа проснулась лишь для того, чтобы погибнуть.

В течение четырех дней у нас не было ни минуты покоя. Не знаю, то ли мои нервы натянуты сверх меры, но я нахожу весь этот ужасный грохот взрывов и орудийных выстрелов невыносимым. Такое ощущение, будто этот грохот, заполнивший мою голову, разрушает волю и может довести меня до грани безумия, если продлится дольше.

10 апреля. В течение двух часов собрался специальный трибунал и за две минуты приговорил к смерти членов фольксштурма, обвиненных в дезертирстве.

Их около десяти человек под охраной эсэсовцев с автоматами в руках. Они знают, что им осталось жить лишь несколько минут.

Ни у одного из этих пожилых людей, попавших в ополчение добровольно или иным путем, никогда не было такого состояния духа, которое придало бы ему хоть немного веры в полученные приказы.

Таковы почти все австрийцы. Совершенно очевидно, если быть правдивым с самим собой, что каждый венец на самом деле ждет и надеется лишь на одно – на приход красных. Австрийцы полагают, что это принесет им если не свободу, то, по крайней мере, мир и гарантию спасения жизни.

Не могу избавиться от ощущения, что венцы с радостью выдали врагу и предали бы нас без всяких угрызений совести, если бы мы им предоставили такую возможность. Парадокс в том, что местные жители кажутся удрученными и деморализованными перед лицом наступления красных, в отличие от жителей Будапешта, который не находится на немецкой территории. Аншлюс был на самом деле плохой сделкой с нашей стороны. Австрийцы слабохарактерная, безвольная, поверхностная, эпикурейская и фривольная нация. Она скулит и дрожит, как побитая девица.

Отрывистая команда заставляет меня взглянуть на происходящее вокруг.

– Взвод! Приготовиться!

Распоряжается экзекуцией один унтер. Фольксштурмовцы выстраиваются у полуразрушенной стены. Некоторые из них в слезах. Они все еще со своими повязками.

– Цельсь! – командует сержант, поднимая руку.

Проходит бесконечная секунда.

– Пли!

Это не казнь, а настоящая бойня.

Русские, которые с утра беспрерывно аккомпанируют нам музыкой Дантова ада своих «сталинских оргбнов» (то есть гвардейских реактивных минометов – «катюш» и других. – *Ред.*), несомненно, с удовольствием узнали бы, что мы тоже ликвидируем наших местных соратников.

Они неумолимо продвигаются к госпиталю улица за улицей, аллея за аллеей, от дерева к дереву.

Солдаты, которым удалось пробиться со своих боевых рубежей, рассказывают, что кое-где, в частности у Шёнбрунна, русские уже празднуют победу. Несколько преждевременно.

Рассказывают также, что в пригородах, занятых большевиками, из каждого окна свешиваются белые флаги капитуляции, как символы позора. Виднеются также на крохотных балконах и во всех магазинах краснобелые австрийские флаги.

11 апреля. Пятая ночь штурма Вены, которая все еще защищается, или, вернее, мы все еще ее обороняем.

В грязно-серых водах Дунайского канала отражается зловещее зарево пожаров, бушующих в городе почти повсюду. Кроваво-красное небо к югу часто затемняется огромными клубами черного дыма от свалки горюче-смазочных материалов в Хетцендорфе, которая горит несколько часов. В течение дня дым закрывает солнце и почти не дает возможности дышать.

Очереди русских зениток плетут сверкающую паутину, но нам некогда смотреть на клубочки дыма, которые обозначают разрывы в небе зенитных снарядов.

И по очень простой причине. Самолеты люфтваффе, давно покинувшие небо над Веной, больше не вернутся. Теперь в воздухе господствуют штурмовики «Ильюшин», «Туполев» и другие, истребители-бомбардировщики «Лавочкин» и «Яковлев».

Короткая пулеметная очередь говорит нам о том, что на противоположной стороне канала проснулись красные артиллеристы.

В настоящее время в нашем секторе тишина. Мне это не нравится, потому что, как правило, такая фальшивая тишина не сулит нам ничего хорошего в будущем.

С другой стороны, вчера русская артиллерия не переставала обрабатывать наши позиции всю ночь. Какой непостижимый приказ может помешать им обстреливать нас и этим вечером?

Население прячется в погребах и пальцем не пошевелит, чтобы помочь нам. Если у нас нет воды, то черт с нами, думают венцы. Если у нас кончатся продовольственные пайки, то никто не даст нам миску супа или кусок черного хлеба.

Австрийцы считают, что положение безнадежно и наше упорство не приведет ни к чему, кроме как заставит город разделить судьбу Будапешта, и лишь разозлит красноармейцев.

Разозлит красноармейцев! Воистину, это звучит странно в устах немецких граждан!

Едва забрезжил рассвет, осветивший унылые, полуразрушенные здания и зияющие пустотой окна, обстрел возобновляется.

В течение ночи саперная рота выстроила стенку. Она защищает нас более или менее от огня русских автоматов. В

каменной кладке проделаны дырки, через которые мы можем вести огонь по русским.

В настоящее время парашютный полк все еще удерживает сектор казарм Рудольфа, поэтому мы можем чувствовать себя спокойно на своих оборонительных позициях, не опасаясь обхода.

Но пулеметы и винтовки постоянно бьют из каждого здания. Опытные снайперы, засевшие на крышах за печными трубами, посылают друг в друга буквально град пуль. Иногда пули попадают в цель. Тогда тело снайпера падает и переворачивается в воздухе, перед тем как удариться о землю.

С потерей части каждого здания опасность для нас усиливается. Русские, очевидно, не находят ничего лучшего, как штурмом брать этаж за этажом, убивая всех, кто встречается на пути. Достигнув верхнего этажа, они сразу залегают за доставленными гражданской обороной мешками с песком, которые притаскивают с лестничных площадок, и начинают бешеную стрельбу по нам.

12 апреля. Вена при смерти.

Теперь в этом ни у кого сомнения нет. Битва проиграна. Но один факт история засвидетельствует вполне очевидно. Немецкие войска, защищавшие столицу на Дунае, может, и уступили колоссально, чудовищно превосходящей силе русских, но главным образом из-за того, что сами венцы отдали свой город врагу. Венцы боялись, и этот страх обрек нас на поражение.

Все разговоры в Вене ведутся лишь о движении Сопротивления – представителях партий (Коммунистической, Социалистической и Народной. – *Ред.*) и героических австрийских партизанах.

Совершенно непостижимо.

Особенно потому, что 95 процентов людей, ведущих такие разговоры, во время аншлюса проголосовали за вхождение в состав Германии. Во время победы над Францией эти люди танцевали и с ликованием пили пиво на улицах. С началом войны с Россией они кричали громче берлинцев:

– Вперед, на Москву!

К несчастью, наши усилия по спасению этого жалкого прибежища гуманизма стоили нам сотен тысяч жизней солдат, которые пали героической смертью на поле боя.

Сражение еще продолжается у театра «Урания» и у зданий таможенной и акцизной служб. Ряд очагов сопротивления сохраняется вдоль канала и в дотах Пратера.

Если бы только нашелся путь выхода из города…

Но к концу дня всякая связь со штабом дивизии фактически прервалась. Следовало принять важное решение.

Мы знаем, что всех военных в форме СС красные расстреливают без суда. Со мной около сотни выживших в боях, большинство которых не служили в «Викинге». О сдаче не может быть и речи. Но еще меньше желания позволить русским прикончить нас.

Каждый солдат хочет сражаться до конца. Но теперь все потеряно, полностью и безвозвратно. И встает вопрос, имеет ли смысл сама смерть. Русские повсюду, как мухи, роящиеся вокруг трупа. Сотня, пять сотен, тысяча из них может быть уничтожена. Их немедленно заменят числом в десять или сотню раз большим. И, хуже того, выжившие солдаты красных совершенно равнодушны к гибели товарищей. Для них смерть ровно ничего не значит. Тогда какая польза от всего этого?

– Капитан, красные ввели в бой еще три танка. Если не попытаться выбраться сейчас, через час будет поздно.

Это Михаэль со мной говорит, я поворачиваюсь к нему.

– Итак, «капитан», значит? Должно быть, это обращение – признак действительно скверной обстановки!

Пытаюсь улыбнуться, но сердце словно зажато в тиски. Неужели это на самом деле конец?

Он грузно садится рядом со мной. Мы больше не слышим дробь пулеметов. В наступившей внезапно тишине таится что-то зловещее. Глухие раскаты тяжелой артиллерии где-то на западе говорят о том, что там еще сражаются.

– Ты помнишь Теклинский лес на реке Олыпанка? – бормочет Михаэль.

– Черкассы! Там было тоже паршиво, но мы как-то выбрались.

Мы приютились под прикрытием каких-то ангаров у канала. Несомненно, мы обязаны небольшой передышкой, предоставленной нам русскими, тому, что они, видимо, зачищают здание старого Военного министерства. Оно находится рядом. Впрочем, они, возможно, охотятся за женщинами или пьянствуют. Меня подмывает что-то сделать, но я бессилен.

– Что нам делать? – тупо спрашивает Стинсманн.

– Не имею представления! Все, что мне известно, – это то, что через несколько часов каждый будет предоставлен самому себе.

Солдаты лежат за мешками с песком и под защитой тройного заграждения колючей проволоки, их пальцы на спусковых крючках автоматов. Но ничего не движется вблизи группы русских танков в нескольких сотнях метров от нас. Бессмысленно тратить пули на броню толщиной в пять сантиметров.

Часами томительно тянется странная тишина, прерываемая

периодически короткой очередью пулемета или громким хлопком ружейного выстрела. Кто-то убегает. Со страха или сдали нервы. Красные довольствуются тем, что наблюдают за нами. Возникает впечатление, что сектор «Урании» их больше не интересует. Но перестрелка возобновилась к юго-западу, вероятно, у цирка или вокруг дотов в садах Хофбурга.

Наступает ночь.

Слышится глухой рокот. Он исходит из Пратера или Донауштрассе, где красными установлена батарея самоходных орудий на противоположном берегу канала. Теперь мы попали, как крысы, в мышеловку.

Остается время только для того, чтобы принять решение.

Осторожно подползаю к лейтенанту, который командует двумя взводами, прикрывающими Штубенринг. Район просматривается до поворота у коммерческого колледжа. Повсюду танки и бронетранспортеры красных. Русские, должно быть, получили специальные приказы, потому что они не показываются. Или они полагают, что в секторах моста Асперн и «Урании» обороняются более крупные силы, чем на самом деле.

Вспышки выстрелов постоянно окрашивают небо красным свечением. Лучи прожекторов, однако, больше не прорезают облака. Вдруг в отдалении слышится призывный звон церковных колоколов. То ли большевики празднуют победу, то ли священник какого-нибудь прихода не выдержал. Пушки еще грохочут, но огонь ведется редко, и звон разносится все дальше и дальше.

Я обращаюсь к офицеру:

– На сколько времени хватит у ваших солдат боеприпасов?

Лейтенант, с лицом в крови и черным от пыли и трехдневной щетины, кажется, на пределе своих возможностей. Его глаза страшно ввалились. Но он умудряется изобразить улыбку.

– С таким темпом стрельбы мы продержимся недели!

Гляжу на свои часы.

– Сейчас 20.40. В 22.00 остатки роты должны попытаться доплыть по каналу до развалин моста Асперн. Те, кто не умеет плавать, пусть идут по краю канала. Два взвода останутся здесь для… чтобы отвлечь русских. Я буду командовать одним из взводов. Вы наберете добровольцев для другого взвода.

– Я сам займусь этим, если вы не возражаете, капитан!

– Хорошо. И еще. Скажите, чтобы солдаты зачернили свои лица. Чем угодно. Жженной пробкой или чем-нибудь еще. С собой брать один магазин. Остальные боеприпасы предназначены тем, кто останутся здесь!

– Слушаюсь! Хайль Гитлер!

Сейчас совсем темно.

Русские танки стоят на прежних позициях. Они пока не атакуют. Думаю, понимаю почему. Согласно последним новостям, почерпнутым во время нашего вчерашнего отступления вдоль канала, идут переговоры о сдаче города между пресловутым Временным национальным комитетом Австрии и штабом Толбухина. Возможно, русские решили подождать, когда капитуляция Вены станет свершившимся фактом, понимая, очевидно, что столица уже в их власти.

Три взвода, которые собираются пробраться сквозь кольцо окружения русских, собрались в молчании у края канала. Вода в канале грязная и течет медленно. В ней много мусора и трупов, как русских, так и немецких.

Плывут в сторону Дуная по течению серебряные орлы и знаки различия СС, сорванные с военных мундиров.

Молча солдаты срывают свои значки, уничтожая без следа все символы, которыми прежде гордились, и награды, которые свидетельствовали об их доблести. Все военные документы также разрываются на мелкие кусочки и бросаются в воду.

9.10 вечера.

В отдалении играет аккордеон, ветер доносит до нас звуки музыки.

Слышим, как работают моторы невидимых грузовиков, проезжающих мимо. В кузовах сидят солдаты, которые поют и кричат во тьме.

Красные предвидят попытку бегства эсэсовцев.

Внезапно станковые пулеметы машин, сосредоточившихся на противоположном конце Визингерштрассе, выходящей на канал, одновременно начинают стрельбу по неясным силуэтам, плывущим или бегущим в направлении развалин моста Асперн.

Мы по возможности отвечаем. Но наш огонь не особенно опасен для русских, защищенных броней.

Теперь к пулеметам присоединяются броневики, стреляющие с Донауштрассе на противоположном берегу канала. Вскоре трассирующие пули вычерчивают на ночном небе фантастический кружевной узор. Каждая феерическая огненная линия обозначает путь смертоносного острия летящей стали.

На этот раз нам досталось. Самое большее, на что мы можем надеяться, – это то, что в обстановке хаоса спасутся хотя бы шестьдесят человек. Но даже это весьма проблематично! Красные рассредоточились по обоим берегам канала.

Солдаты гибнут все время. Мне удавалось до сих пор избегать смерти бог знает как. В Днепропетровске, в Харькове, среди горящих нефтяных скважин Кавказа, в котле у Черкасс, в

огненном аду Будапешта. Но на этой маленькой площади близ театра «Урания» мне, видимо, не удастся сохранить жизнь.

Внезапно нас освещают лучи прожекторов. Продолжительными очередями удается уничтожить два из этих слепящих пучков света, которые в охоте за нами пронзают тьму, проникают в самые укромные, затененные уголки.

Солдаты, пойманные в ловушку яркого света, немедленно разрываются на куски пулями красных и падают в воду, как растерзанные куклы. Их тела уносятся течением в Дунай, покрасневший от немецкой крови, и присоединяются ко многим тысячам других трупов людей, павших ради его защиты.

Неистовый рев моторов.

Русские, вероятно, передали по радио своим танкам и бронетранспортерам приказ атаковать нас. Да, на нас движутся танки Т-34 со стороны Штубенринга и Радецкиштрассе. Одновременно на противоположном конце моста из-за угла Пратерштрассе вдруг появляются другие танки.

В это время заклинивает автомат, из которого я стреляю. Со злостью бросаю бесполезный металлический предмет в воду, где отражаются яркие лучи прожектора. Вырываю другой автомат из сжатых пальцев солдата, который тихо стонет. Он с упреком смотрит на меня, напрасно пытаясь удержать свое оружие. Однако бедняге оно больше никогда не потребуется.

Первые красные солдаты достигают развалин моста.

Больше ничего сделать нельзя. Кроме как драпать.

Во тьме слышу возбужденный голос Михаэля:

– Петер! Не бросай меня. Если нам суждено здесь погибнуть, давай будем вместе.

– Идем! Посмотрим, сможем ли пробраться к берегу и укрыться под причалом. Если доберемся, он укроет нас хотя бы на время!

Автоматная очередь – и около нас, на каменном парапете, раздаются команды на русском.

Подхожу к нему.

– Михаэль! Твои документы?

– Только что уничтожил их.

– Тогда идем, посмотрим, как далеко нам удастся уйти!

– Удачи, Нойман!

Двигаясь на ощупь во тьме, он хватается за мою руку.

Мы бежим несколько метров, прижимаясь к стене, находящейся сразу же под парапетом. Затем обнаруживаем, что берег канала загораживает куча мусора и штукатурки. На нее приходится взбираться. Наверху колючая проволока, под которой проползаем. Наши руки поранены, колени кровоточат, но боли не

чувствуем.

Вдруг вспыхивает луч прожектора.

Я прижимаюсь к колючей проволоке. Михаэль, замешкавшись, падает и катится несколько метров.

Я все еще во тьме. Красные, должно быть, что-то заметили, может, Стинсмана. Открывает огонь «Максим». Он бьет длинными очередями. Затем несколько резких щелчков и пронзительные крики. Теперь стреляет большая группа этих свиней. Дикари.

Над головой свистят пули. Они целятся в Михаэля. На секунду жалею, что не предпринял отход в одиночку. Я всегда сознавал, что это самый верный путь.

Сантиметр за сантиметром ползу в темноту. Постукивая, скатываются вниз камни.

Вдруг луч прожектора исчезает.

Они полагают, должно быть, что прикончили нас. Или им наплевать на нас, просто забавляются.

Жду минуту, две. Шаги удаляются.

– Михаэль?

Отчетливо слышу ответ шепотом:

– Я здесь, под аркой.

Ползу к нему. Он тихо стонет:

– В ногу попала пуля. Но, думаю, смогу идти!

Его дыхание становится прерывистым. Помогаю ему встать на ноги. Низко пригнувшись, мы добираемся до ступенек, которые ведут к каналу.

Спускаемся к последней ступеньке и погружаемся в холодную черную воду. Дно скользкое, берег слегка покатый.

Вода доходит до колен, затем груди, шеи. Но дышать можно. Мы – на глубине. Плыть невозможно без того, чтобы не привлечь внимания русских. Вижу их неясные очертания метрах в десяти над нами и слышу, как они бегают. Русские, должно быть, гоняются за беженцами. Все время звучат выстрелы. Прихожу к выводу, что моя идея спрятаться под причалом не так уж плоха. Это самое лучшее, что до сих пор приходило мне в голову. Во всяком случае, нас не заметят.

Михаэль шумно дышит. Уверен, если бы я не держал его крепко, то он ушел бы под воду.

– Не могу больше, Петер! Нога раскалывается.

– Потерпи, Михаэль! Еще несколько метров – и мы под причалом.

– К черту твой причал! У меня агония. Какая польза для меня сейчас от всего этого?

– Не дури. Нам нужно выбраться отсюда!

Еще несколько метров – и мы достигаем опорных столбов под

причалом.

Слышим над собой топот спешащих шагов. На гортанный крик отзывается хриплое ворчание.

Очень осторожно вытягиваемся во весь рост на мелководье. К счастью, щели между досками над нами узкие и проклятые русские не собираются заглядывать вниз. Они тоже сторожат возможных пловцов в канале. В нескольких метрах от нас четко проступают две тени. Как жаль, прекрасная цель!

Наши глаза привыкают к темноте. Можем смутно различать длинные шинели из грубой шерсти, опоясанные ремнем у талии. Слабый свет от факелов, с которыми русские обследуют канал, вдруг освещает их каски. На секунду мелькает лицо молодого солдата с шапкой-ушанкой на голове.

Вода ледяная. Чтобы нас не заметили, мы целиком погружаемся в эту воду. Над поверхностью только наши рты. Волнение воды подгоняет к нашим ртам разного рода отбросы. С чувством отвращения думаю обо всей этой дряни, которую течение уносит в Дунай.

Ночной воздух разрывает неожиданный свист.

Наконец они уходят.

С трудом поднимаюсь на ноги. Помогаю Михаэлю каким-то образом сесть на большой камень в воде.

– Ты еще не думаешь, что нам повезет, не так ли? – с трудом выговаривает он.

– Успокойся, Стинсман! Самое разумное для нас – ждать. Пройдет час, два, там посмотрим.

– Не могу так, Петер. Нога болит нестерпимо. Жаль, что пошел.

Он пытается дотронуться до своей ноги, но сразу же откидывается назад с громким стоном.

Проходят секунды. Слышу, как он скрипит зубами.

Мне тоже очень холодно, прикосновение промерзшей одежды к телу заставляет все время дрожать.

Невероятно темная ночь. Стойки, поддерживающие причал, выглядят странными призраками, стоящими на страже.

Там, наверху, на Донауштрассе, громыхает и посвистывает ветер среди порушенных металлических конструкций и повисших электропроводов, разорванных пулями. Зловеще хлопают и клацают с навязчивой регулярностью ставни.

Тысяча один шум Вены, сейчас насилуемой и порабощаемой, доносится до нас сквозь темноту. Эти шумы смягчаются приглушенными звуками от тихого плеска воды об опоры и от столкновения обломков, уносимых течением.

Среди развалин зданий раздаются внезапные, резкие щелчки

ружейной стрельбы. Короткие очереди выстрелов вдали. Открывает огонь пулемет. Пронзительный вой стреляющего противотанкового ружья, бог знает откуда. Тяжелый топот сапог по мостовой. Патруль гонится за жертвами. Грузовики рвутся вперед на полной скорости, подпрыгивая и громыхая на неровностях разбитой дороги. Тупой грохот полевых орудий как отдаленные раскаты летнего грома. Танк с работающим двигателем. Скрежет гусениц, разворачивающихся на асфальте. Крики пьяной солдатни. Пронзительные вопли женщин, которых она преследует.

Где-то выводит свою грустную слащавую музыку губная гармошка. Немецкая или русская? Кто знает?

Время отсчитывает часы. Мы ждем.

Что именно ждем, никто из нас сказать не может. Просто ждем. Человек, по крайней мере, должен делать вид, что надеется. Хотя мы в этот раз уверены, что надежды нет.

Рядом со мной тупо стонет Михаэль. Я не могу ему помочь. Не могу помочь никому. Капитан Петер Нойман! Гонимый, преследуемый, томимый страхом и холодом среди моря грязи.

Внезапно беру себя в руки. Трогаю Михаэля за плечо.

– Ей-богу, нам все равно надо попытаться. Крепись, приятель. Сейчас я ничего не слышу. Возможно, эти подонки ушли!

Стинсман не отвечает, даже не пытается подняться. Мне приходится тащить его по воде. Он ужасно тяжелый.

Наконец мы добираемся до бетонного берега канала. Как могу, взбираюсь на парапет, таща за собой Михаэля. Рано или поздно нас поймают, если он будет продолжать так выть и стонать.

С набережной не слышно никаких подозрительных звуков. У меня вдруг появляется надежда. Под покровом темноты можно даже дойти до виадука, а оттуда небольшой путь вокруг Радецкиштрассе.

– Михаэль, Михаэль, ответь мне.

Придвигаюсь к нему. Могу слышать его прерывистое частое дыхание. Внезапно во мне закипает злоба. Если бы не этот дурень, мне было бы гораздо легче вырваться отсюда. Затем сожалею о своем приступе злобы. Бедняга. Я тоже мог легко стать жертвой той пули.

– Михаэль, скажи что-нибудь! Ради бога, ты ведь жив, не так ли?

– Оставь меня. Я не могу идти. Дай мне умереть здесь, оставь меня, – выдыхает он.

Стараюсь найти в темноте его ногу. Если бы у меня был фонарик! Или хотя бы спички. Провожу рукой по его ноге. Вдруг

ощущаю влажную теплую массу и зазубренные края раздробленной кости. Вздрагиваю. У него перебита лодыжка. Ниже висит ступня, повернутая в обратную сторону. Пуля, очевидно, полностью перебила кость.

Оставаться здесь нельзя.

Я обхватываю его рукой и медленно тащу к арке под парапетом. Прислонив его к стене, снимаю свою гимнастерку и осторожно подкладываю под его лодыжку.

Вдруг смутно различаю красноватое свечение развалин примерно в десяти метрах от нас.

Осторожно тащусь по камням, стараясь выбраться наверх. Останавливаясь на каждой ступеньке, прислушиваясь. Медленно выбираюсь на улицу.

Затем мое сердце замирает.

В ста метрах от меня образуют полукруг между мостом Асперн и «Уранией» около пятидесяти бронемашин и грузовиков. Возле них сидят русские, греясь у костров, которые разведены посреди улицы.

Свиньи! Они ожидают дневного света для зачистки района. Подозревают, должно быть, что здесь еще скрывается несколько эсэсовцев.

Необычно то, что они чувствуют себя в полной безопасности. Один хорошо установленный пулемет мог бы произвести настоящую бойню при такой скученности.

На противоположной стороне моста смутно различаются другие движущиеся фигуры. Они, должно быть, наблюдают за каналом. Сейчас уже слишком поздно.

Смотрю на свои часы. Около одиннадцати ночи. Только около одиннадцати? Ведь в воде мы пробыли целую вечность. Тиканья часов не слышу. Они остановились. Стало быть, сейчас час или два ночи. Через несколько часов все начнется заново. И в этот период времени надо найти выход.

Выход? Враги повсюду, рассеяны между мостом Франца и Пратерштрассе.

Проползая каждый метр с неимоверными усилиями, мне удается пронести на спине Михаэля до разрушенного здания, которое маячит в темноте на противоположной стороне причала. Железная конструкция или то, что от нее осталось, раскачивается в воздухе и погромыхивает. Кажется, здесь был ангар старой таможни или помещения какой-то пароходной компании.

В этом секторе весь день вели бой несколько взводов полков дивизии «Рейх». Находясь за заграждениями в «Урании», мы наблюдали, как самоходные орудия и танки Т-34 русских

безостановочно били весь день со своих позиций. Тем, кто выжил, должно быть, удалось ранним вечером уйти.

Среди огромных груд камней и металлических конструкций различаю в темноте десяток мертвых тел, сложенных одно на другое.

Некоторое время разыскиваю на ощупь, пока не нахожу, место, где можно положить Михаэля. Он все еще тихо стонет. Несмотря на холод, с моего лица стекает обильный пот.

Измученный, потерявший надежду и на пределе сил, я опускаюсь на землю. Кромешная тьма. Но мне вдруг приходит в голову, что я мог бы перевязать рану Михаэля, если бы был свет.

С этой мыслью снова поднимаюсь.

Передвигаясь на четвереньках, я ощупываю руками мятые мундиры с запекшейся кровью, одеревеневшие лица убитых солдат. Пальцы касаются ужасных липких ран. Преодолевая отвращение, роюсь в индивидуальных пакетах трупов. Наконец после долгих поисков нахожу то, что ищу.

Спички.

Дрожащими руками вынимаю одну из коробки и чиркаю.

Ослепленный на мгновение ярким светом, держу спичку над головой, чтобы что-то видеть в могильном мраке, окружающем меня.

Стою, замерев от ужаса.

Здесь лежит около тридцати трупов эсэсовцев, иссеченных пулями и осколками снарядов. Из темноты проступают их искаженные агонией, страшными гримасами лица. Их широко раскрытые, остановившиеся глаза, казалось, устремлены к свету.

Спичка вспыхивает с шипящим звуком и гаснет. Меня снова поглощает ночь, которая теперь еще темнее и страшнее. Еще опаснее.

У Стинсмана жуткая рана, нет никакой надежды на спасение.

Мои познания в медицине весьма скромны, но я уверен, что только немедленная ампутация спасет его коленный сустав и остаток ноги.

Икра ноги уже почернела. Вода, насыщенная разлагающейся плотью и мусором, должно быть, внесла инфекцию в рану.

Чиркаю другую спичку и всматриваюсь в его лицо. Его глаза глубоко ввалились. Кожа пожелтела и приобрела восковой оттенок.

Он следит взглядом за моими движениями. Но вот замечаю, что его губы дрогнули.

– Плохо дело? Началось… гниение, видимо. Впрочем, все равно.

Присаживаюсь рядом с ним. Он медленно ищет на ощупь мою

руку.

– Петер… Не оставляй меня… им. Дай слово.

Я пожимаю плечами, словно он может это заметить. У нас ведь нет даже оружия.

Слышу во тьме его голос. Он звучит как молитва.

– Я говорю вздор. Ты никогда меня не бросишь, Петер!

Часы тянутся мучительно долго и в то же время с трагической быстротой.

Последняя ночь.

Годы отчаянной борьбы, бесконечных боев, нечеловеческих страданий заканчиваются таким образом.

Погибаем как крысы в мышеловке, как затравленные звери в зловещем мраке развалин, среди разлагающихся трупов. Попасть в плен еще хуже, чем смерть. В любом случае эсэсовцев в плен не берут. И тем лучше.

Последняя ночь.

Думаю обо всех павших на пути, который я, или, лучше сказать, мы прошли. Обо всех тех, которые проявили высочайшее самопожертвование в этой жестокой, беспощадной и безжалостной борьбе. Обо всех тех, которые уходят в вечность, проклиная нас, изможденно качая головой, пытаясь сбросить давящий на них балласт смерти в последнем приступе ненависти и бессильного, горького гнева.

Одни были виновны, другие – невинны. Они не понимали, не хотели понять. Или мы не смогли объяснить им.

Сейчас это не важно. Поздно, слишком поздно.

Несмотря на это, а может, как раз из-за этого я не могу, не должен сожалеть обо всем.

Придет день, о котором другие, возможно, будут жалеть. И среди них те, которые помогали нанести нам поражение.

Думаю о своих друзьях…

Думаю о тебе, Франц. Ты спишь, свернувшись внутри грубо сколоченных ящиков для боеприпасов, под высокими черными соснами на возвышенности Ергени. Бедняга Франц. Пусть русская земля будет тебе пухом.

А ты, старина Карл, такой веселый и жадный до жизни. Твоя могила, одна среди миллионов других непомеченных могил, сейчас представляет собой, возможно, неприметный холмик, заросший травой и дикими цветами.

Все мои товарищи, павшие под Равой-Русской, у Днепра, в снегах Кавказа и холодных степях у Волги, спите спокойно, вопреки всем и всему.

Поднимаюсь. Необоримое стремление заставляет меня еще раз заглянуть в лица солдат, лежащих вокруг меня в непостижимом мраке складского помещения.

Чиркаю спичку за спичкой. Иду среди них.

Мой последний смотр роты.

Мигающие язычки пламени спичек слабо освещают молодые лица. Одни из них – спокойные, умиротворенные, другие – измученные, с глубокой печатью страдания, с линией рта, искаженной гримасой смерти.

Где-то вычитал, что в момент смерти, погружения в небытие вся жизнь человека проносится в одной яркой вспышке памяти.

Воспроизвожу свою жизнь снова, передвигаясь среди мертвых.

Несчастный парнишка, у которого еще пушок на щеках, зажал руками свою ужасную рану. Он так напоминает меня самого много лет назад. Таким же молодым и полным энтузиазма был я, когда провозглашал свою клятву на берегах Хафеля.

На лице этого несчастного невезучего воина с плотно сжатыми зубами трагичная восковая маска запечатлела целеустремленность, неустрашимость, которая позволила ревностному молодому офицеру вести своих солдат в атаку, не обращая внимания на свистящие вокруг пули и летящие осколки.

Спички закончились. И я понимаю, что не решусь искать новую коробку.

Замечаю в темноте два серебряных квадрата. Лейтенант дивизии «Рейх». Он мог бы пасть в подмосковных лесах, в аду Сталинграда или горах Эльзаса. Но судьба распорядилась так, что он сгниет среди развалин на набережной загаженного канала.

Желтоватый свет догорающей спички выявил зеленую шинель и красную звезду. Русский. Хотелось бы знать, что он делал здесь. Может, пленный, расстрелянный перед отступлением. Он тоже, должно быть, упокоится в Валгалле, рае для всех нас, бедняг, где обнаружит миллионы таких же, как он, встретившихся наконец в благословенном потустороннем мире.

В мире, который, возможно, снисходительно наблюдает за неимоверными глупостями человеческого тщеславия.

13 апреля. Ночь медленно приближается к концу. Светает. Занимается день, такой же, как и другие. Сначала дымкой, серой и ненастной, будто стремится проникнуть сквозь развалины зданий.

С каждой минутой неясные очертания разрушенных домов выступают из серого тумана более отчетливо.

Над каналом висит легкая дымка, сквозь которую я вижу

разбухшие тела в мундирах, лежащие в неестественных позах вокруг причала, в мусоре.

По мере того как светлеет небо, более отчетливо просматриваются сквозь проемы в каменной стене ангара и огромные воронки от снарядов на набережной. Ее окаймляют горы обломков угля, шлака и ржавого железа. Среди всего этого видны перила, сверкающие росой, нелепо изогнутые взрывами, вздыбленные к небу, словно в молитве.

Далее вижу русские грузовики, бронетранспортеры и танки, начинающие движение. Вокруг них перемещаются сотни солдат в касках. Другие соорудили у моста Асперн подобие парома для связи между двумя берегами.

Поворачиваюсь к Михаэлю. Его лицо приобрело серый оттенок. Ноздри сдавлены. Грудь поднимается и опускается. Дыхание учащенное и прерывистое.

Вспоминаю обещание, которое он с меня взял.

Как только появился дневной свет, я принялся обыскивать мертвецов ангара, переворачивать их в поисках оружия. Но те, кто остался в живых, должно быть, перед отступлением забрали оружие павших с собой. Это обычная практика. Я смог найти лишь маузер с разбитым прикладом и полдесятка пуль.

Зачистка развалин продолжалась более часа.

То здесь, то там раздавались взрывы.

Лежа на животе под прикрытием кучи строительного мусора, я вижу шесть солдат.

Помещаю разбитый приклад своего маузера на угол большого камня с трещиной и жду.

Мне больно сохранять глаза открытыми. Пристально смотрю на приближающиеся силуэты, которые вдруг приобретают отчетливые формы в солнечном свете.

Когда первый из русских находится в ста метрах, прицеливаюсь.

Это молодой солдат с круглым пухлым лицом. Он движется чуть впереди патруля и часто оборачивается. Вероятно, чтобы обменяться шутками с приятелями.

Когда я стреляю, его лицо приобретает удивленное выражение. Вижу, как под его каской на лбу появляется черное отверстие. Он валится на землю.

Другие начинают стрелять. Они бегут к ангару, пригибаясь среди развалин каждые несколько шагов.

Второй выстрел. Третий.

Еще один русский, пораженный пулей, роняет оружие.

Когда они добираются до входа, я неожиданно встаю.

Рассчитал все свои действия наперед.

Знаю, что располагаю временем лишь взять на прицел голову Михаэля.

«Преданный до смерти».

Клятва в гитлерюгенде всплывает в памяти, словно в тумане.

Нажимаю на спуск. Попадаю ему в висок. Он даже не шевелится.

Чтобы убедиться в его смерти, вставляю в патронник еще одну пулю.

Стреляю еще раз.

На этот раз попадаю в затылок. В заднюю часть головы. Лицо не тронуто.

Русские продвигаются ближе. Пригибаются за кучами металла и камней.

Кретины. Вероятно, думают, что здесь целая рота наших.

Они стреляют короткими очередями и швыряют гранату за гранатой.

Почему они не убили меня?

Пуля. Угодила не в то место. Или, может, в то, какое нужно.

Недели прозябания в полубессознательном состоянии, перемещения из полевого лазарета в разрушенный госпиталь.

Однажды вечером радио в лагере передало две потрясающие новости.

«Тиран» мертв. Германия капитулировала.

Ночи, бесконечные ночи, проведенные в изобретении различных способов расстаться с жизнью. Это оказалось невозможным…

Захоронение гниющей плоти в руинах Варшавы, методичная расчистка улиц.

Глумливая жестокость советских часовых. Иногда резкий щелчок выстрела. Затем снова выстрел. На этот раз для забавы.

Мне не повезло. Несмотря на слухи о том, что эсэсовцев беспощадно уничтожают. Им нужны люди. Миллионы и миллионы рабов.

Смотрю на свои руки, тело, одежду.

Почему они не убили меня?

Приложение

Система нацистских молодежных организаций и эсэсовские звания

Система нацистских молодежных организаций во главе с рейхсюгендфюрером, или министром молодежи, Бальдуром фон Ширахом, включала следующие организации:

гитлерюгенд – юноши от 14 до 18 лет;
Дойчес юнгфольк – мальчики от 10 до 14 лет;
Бунд Дойчер Мадель – девушки от 14 до 18 лет;
Юнгмадель – девочки от 10 до 14 лет.

Иерархия организаций по численности следующая:

ОБЕРГЕБИТ (организация нескольких районов)
750 тысяч представителей молодежи всех возрастов
|
ГЕБИТ (организация района)
150 тысяч человек
|

Гитлерюгенд	Дойчес юнгфольк
Банн (3 тысячи человек)	Юнгбанн (3 тысячи человек)
Унтербан (600 человек)	Штамм (600 человек)
Гефольгшафт (150 человек)	Фанлейн (150 человек)
Шар (50 человек)	Юнгцуг (50 человек)
Камерадшафт (15 человек)	Юнгершафт (15 человек)

Женская организация была идентичной, хотя подразделения носили другие названия. Организационная структура СС – военная, ваффен СС или обычная – была аналогична военной структуре.

Имелись следующие соединения, части и подразделения:

Группа	Армейский корпус
Бригада	Дивизия
Штандарте	Полк
Штурмбанн	Батальон
Штурм	Рота
Труппе	Взвод
Шар	Отделение

Звания СС

(в скобках соответствующие звания в вермахте)

Рейхсфюрер СС (имел Гиммлер, соответствует рейхсмаршалу – только у Геринга в люфтваффе)

Оберстгруппенфюрер (генерал-полковник)

Обергруппенфюрер (генерал)

Группенфюрер (генерал-лейтенант)

Бригадефюрер (генерал-майор)

Оберфюрер (как бы промежуточное звание между званием старших офицеров и генералов)

Штандартенфюрер (полковник)

Оберштурмбаннфюрер (подполковник)

Штурмбаннфюрер (майор)

Гауптштурмфюрер (гауптман, т. е. капитан)

Оберштурмфюрер (обер-лейтенант)

Унтерштурмфюрер (лейтенант)

Обер-юнкер (обер-фенрих)

Юнкер (фенрих)

Штабсшарфюрер (гауптфельдфебель)

Гауптшарфюрер (обер-фельдфебель)

Обершарфюрер (фельдфебель)

Шарфюрер (унтер-фельдфебель)

Унтершарфюрер (унтер-офицер)

Роттенфюрер (обер-ефрейтор)

СС штурмманн (ефрейтор)

Обершутце СС (старший стрелок)

СС шутце (стрелок)

СС манн / СС штаффельвертер, штаффельман (рядовой)

notes

Примечания

1

Gefolgschaftführer – командир дружины. Относительно этого и других званий, принятых в нацистской молодежной организации и рядах СС, см. приложение. – *Примеч. ред.*

2

«Лейбштандарт Адольф Гитлер» представлял собой личную гвардию фюрера. Он включал элиту нацистских штурмовиков, эсэсовцев, которые отличились в штурмовых отрядах СА или в ходе карательных операций. – *Примеч. ред.*